

Kara no Kyoukai: Paradox Paradigm

奈須きのこ

空の境界
からのきょうかいは
the Garden of sinners
中

講談社
文庫
講談社文庫

5 矛盾螺旋・上

Paradox Paradigm.

Пролог.....	5
Спираль парадокса – 1.....	7
Спираль парадокса – 2.....	13
Спираль парадокса – 3.....	19
Спираль парадокса – 4.....	25
Парадокс спирали – 1.....	30
Парадокс спирали – 2.....	35
Парадокс спирали – 3.....	47
Парадокс спирали – 4.....	57
Парадокс спирали – 5.....	58
Глава 11.....	65
Спираль парадокса – 5.....	71
Спираль парадокса – 6.....	72
Глава 13.....	79
Глава 15.....	90
Спираль парадокса – 6.....	92
Глава 15.....	102
Глава 16.....	110
Глава 17.....	115
Глава 18.....	122
Глава 19.....	128
/20.....	131

Когда я был ребенком, то все время держал в руках этот маленький кусочек. Это была маленькая уродливая вещица с тупыми неровными зубцами, которые вгрызались в кожу, когда ты ее сильно сжимал. Мне часто казалось, что я держу в ладони все одиночество холодного декабрьского дня. И все же я любил этот маленький металлический кусочек. И когда я вращал его, мне нравилось слушать, как он издает щелчки – несколько раз в начале дня, несколько раз в конце. Этот звук придавал мне сил, но одновременно в нем звучали какие-то странные меланхоличные нотки.

Со временем я обнаружил, что эти спирали дней подходят к концу. Единственное, что осталось – это серебряный блеск металла и прохлада его поверхности. Я уже не чувствовал радости от того, что он лежал в руке, лишь кровь иногда сочилась, когда я сжимал его слишком сильно. Мне не было грустно. Может, я никогда и не чувствовал печали. Это просто обычный кусок металла, ничего более. И когда я стал старше, даже его блеск - который когда-то казался таким волшебным – куда-то исчез.

И тогда меня осенило: вырасти – значит выбросить свои фантазии ради умения выживать. Я сам дошел до этой мысли и был очень горд.

Пролог

В этом году осень прошла так же быстро, как и наступила.

Едва наступили последние дни ноября, в которых уже всю хозяйничала зима, Токийское Отделение Полиции столкнулось с еще одной странной историей, которая прибилась к их берегам. Признаться, Отдел Расследования Преступлений довольно часто сталкивался с историями о привидениях, и этим он был похож на городские больницы. Словно вокруг круглогодичного костра, который развели в темном углу, собрались люди и начали делиться новыми историями, которые город решил произвести на мельнице убийств.

Видимо, поэтому, когда детектив Акими интересовался каким-то делом, оно заслуживало внимания. Акими построил свою карьеру на камнях детективных романов, он был человеком, который любил тайну. К тому же, если он услышит слух об очень необычном отчете - не пройдет и минуты, как он уже будет висеть на телефоне и звонить насчет этого отчета.

Пока, однако, чтение написанного отчета мало что ему говорило. В нем рассказывалось о странно провалившейся краже, случившейся в жилой высотке неподалеку от центра города в начале октября. Преступник уже имел приводы, обычное воровство: грабил дома тех, кто просто оставлял их незапертыми. Просто, старо, но все еще эффективно. В тот день, он забрался как раз в такой дом, понаблюдав за этим местом и дождавшись, когда кто-то уйдет - на что он, видимо, и рассчитывал.

Дальше начиналось самое интересное. Судя по всему, тот же человек прибежал в ближайшее отделение полиции с криками о помощи. Находящиеся на посту офицеры с трудом смогли понять, что он видел трупы людей, живших в квартире, куда он вломился. Офицер немедленно проводил его до квартиры, где обнаружил, что семья, о которой он говорил, и правда была там. Но все ее члены были живы. Они пребывали в добром здравии и наслаждались семейным ужином. Вор не поверил своим глазам, но офицера интересовало только то, что этот человек признался в краже, и потому задержал его. Откинувшись назад на скрипучем стуле, детектив Акими выдохнул «что за хрень». Подозреваемого проверяли - тесты на алкоголь и наркотики были отрицательными, он не страдал от каких-то проблем с психическим здоровьем. Действительно, странный и интересный отчет, но в остальном здесь не было состава преступления, если это вообще можно было назвать таковым. Едва ли это дело было похоже на то, из-за которого половина отдела стояла на ушах: четверо пропавших один за другим, ни единой зацепки, да еще четыре семьи, которые нужно было заставить как-то замолчать. Как и во время серийных убийств три года назад, это обернулось множеством бессонных ночей, и ему точно не нужно было еще одно дело.

И все же, когда он читал этот отчет, волосы на голове вставали дыбом. Этому чувству он научился доверять как инстинкту – там было что-то, оно ждало, когда к нему придут; быть может, даже сам отчет мог стать отдельным делом.

- Надо бы позвонить.

Акими поднял трубку своего телефона и прижал ее к уху. Он набрал номер станции, с которой пришел отчет. Подошедшего к телефону офицера Акими расспросил о деталях отчета. Проверяли ли они других жильцов? Нашли ли какие-то несовпадения между описанием трупов и семьей в квартире? Но все ответы совпали с тем, что он ожидал услышать - они действительно опросили соседей, которые ничего не заметили, и описание семьи было идеально точным за исключением их состояния. Кратко поблагодарив, Акими положил трубку.

В тот же миг его позвали.

- Кому ты звонишь, Дайске? Тебе нужно выезжать. Только что нашли тело второго, ты ведь главный по этому делу.

- Черт возьми, еще один? Не говори мне, что это еще одно полусъеденное тело.

Друг Акими ответил лишь кратким кивком, а это значит, что надо отбросить свое любопытство и выезжать. Этот отчет никого не интересовал, да и выглядело это как очередной глухарь. Нет ничего приоритетнее нового дела о серийных убийствах. Таким образом, отчет отправился назад в файл в шкафу, куда-то, где он будет забыт даже детективом Акими, любителем тайн Отдела Расследования Преступлений.

Спираль парадокса – 1

В первые дни октября по улицам уже гулял холодный ветер.

Ветра ледяными пальцами дарили нежные ласки фонарным столбам и мусорным бакам. Обычно в 10 вечера город выглядел живым, но эта ночь была другой. Этой ночью разбросанные лужи света на улицах, от витрин магазинов до уличных фонарей, лишь подчеркивали маленькие тени и силуэты, играющие среди них. В этом году зима наступала рано, и, учитывая температуру, снегопад никого не удивит. Силуэты людей в куртках, покидающих железнодорожные станции, выглядели абсолютно безжизненными. Подобно роботам, они быстро шли к своим домам, и не останавливались, чтобы посмотреть на витрину или пропустить теплую чашку кофе. Они торопились, потому что все, чего они хотели, это поскорее оказаться дома, в теплоте и уюте.

От волны людей до исчезнувшего тепла, и даже магазинов, чьи огни кажутся чуть тусклее - мальчик видит все это. Он сидит рядом с торговым автоматом, расположенным в закоулке одной из улиц, и неподвижно наблюдает за людьми, выходящими со станции. Словно прячась, он сидит, прижав ноги к груди, с жалобно тонкой фигурой, по которой сложно определить его пол. Его волосы, выглядящие как неопрятный пучок соломы, окрашены в рыжий цвет. На вид ему шестнадцать или семнадцать лет. Взгляд слегка прищурен, но едва ли парня что-то заинтересовало. Он странно одет: грязные джинсы, синяя куртка, которая на размер или два больше, чем нужно, и на этом все.

Неудивительно, что у него стучат зубы.

Он долго сидит там, и лишь когда толпа людей, покидающих станцию, начинает уменьшаться, его окружает группа молодых парней.

- Здорово, Томое, - говорит один из них, даже не пытаясь скрыть насмешку в голосе.

Рыжий мальчик не отвечает.

- Ой, ладно тебе, Эндзе, не будь таким засранцем и не игнорируй нас, - настаивает он.

Поднимая парня за его куртку, он заставляет его встать с земли. Теперь он видел всех их, пять человек, окружающих его, почти такого же роста, как и он – все они были примерно одного возраста.

- Что, ты перестал ходить в школу, и мы теперь незнакомы? - продолжает тот же человек.

- О, я понял. Наш маленький Томое теперь гребаный взрослый, так что он не разговаривает с детишками вроде нас, да?

Его товарищи хихикают в ответ. Но когда все стихает, Томое продолжает игнорировать их. Раздраженный парень, держащий Томое, ворча отпускает его, только чтобы сжать руку и ударить того в лицо. Томое падает на землю и слышит отчетливый звенящий звук чего-то металлического, выпавшего из кармана.

- Эй, друг, даже не думай засыпать.

Опять смех. Звенящий звук, кажется, пробуждает Томое Эндзе из того состояния шока, в котором он пребывал до этого момента. Он шепчет свое собственное имя, словно это какой-то ритуал реанимации, вспоминая, кто он такой и почему он был здесь. Придя в себя, он смотрит на окруживших его парней, признает в них своих одноклассников, бывших «друзей». Обычные ученики, играющие во взрослых.

«Охотятся на слабых людей вроде меня», - думает Томое.

- Айкава? - спрашивает Томое. - Какого черта ты тут забыл в такое время?

- Хотел узнать то же самое. Мы все волновались, что ты будешь отсасывать тут за ресторанами, просто чтобы выжить. Прямо как вшивая девчонка. Неужели так и есть?

Он смотрит через плечо на своих соратников.

Из-за чрезмерно худого телосложения Томое все время называли девчонкой. Он никогда не обращал на это внимания, и сейчас сделал то же самое. Но все же подобрал пустую алюминиевую банку, из которой пил несколько минут назад.

- Эй, Айкава, - говорит Томое. Айкава снова оборачивается к нему.

- Чт...

Как только Томое видит, что прыщавое лицо повернулось к нему с полуоткрытым ртом, он запихивает в него банку, вворачивая ее настолько глубоко, насколько хватает сил.

Сразу после этого парень изо всех сил бьет по банке. Теперь падает Айкава. Удар Томое частично разломал банку, заставляя ее оцетиниться острыми краями, и когда Айкава откашливается на земле, из банки и изо рта капает кровь.

Спутники Айкавы в оцепенении. Они думали, что просто позадируют бывшего одноклассника, может, даже заберут немного денег. Но им никогда не приходило в голову, что все это может закончиться дракой.

- Все еще дерьмо вместо мозгов, - сухо комментирует Томое.

После этого он несколько раз пинает Айкаву в голову, как будто он хочет убить его – полная противоположность его флегматичному поведению минуту назад. Айкава больше не двигается, и Томое не знает, оттого это, что он без сознания, или оттого, что у него сломана шея. После нескольких быстрых ударов, Томое убегает, пока Айкава и его дружки не пришли в себя. Думая, что толпа только замедлит его, Томое сворачивает к одной из боковых улиц, где он может скрыться в острых, запутывающих поворотах. Спустя несколько секунд после того, как он начинает бежать, парни, которых он оставил позади, бросаются погоню. Он слышит их злобные крики за спиной.

- Засранец, думаешь, после такого мы тебя отпустим? Убьем мразь! - кричит голос, отдающийся эхом в аллее, приводя всех в ярость. Через капилляры города, они преследуют Томое, как в живой игре, они жаждут крови.

- Убьем мразь!

Я позволяю этим словам позвучать у меня в голове и от души смеюсь про себя. Я слышал ярость в их голосе, слышал, насколько они серьезны, они, наверное, исполнят это, когда догонят меня. Но они ничего не понимают, как это не понимает любой, кто говорит про убийство в шутку. Они не знают, что с тобой происходит после того, как делаешь это первый раз. Они не знают, что делает убийство с человеком. Но я знаю.

Я убил кое-кого прямо перед тем, как пойти на станцию. Я помню, как сжимал нож, и чувствовал нежность каждый раз, всаживал его в тело. Только воспоминания об этом заставляют меня дрожать, и меня начинает тошнить. Зубы снова стучат, и мой разум отталкивается от воспоминаний с силой урагана. Эти парни не понимают, как далеко это может тебя унести, поэтому они могут говорить про «убийство» так, как будто просто идут на прогулку.

Думаю, мне придется их проучить. Я концентрируюсь на мыслях и позволяю моему внутреннему смеху превратиться в маленькую улыбку. Я не считаю себя очень жестоким.

Я верю в принцип «глаз за глаз», но сегодня ночью был первый раз, когда я ответил на удар. Я вернул больше, чем надо - не похоже на меня, но я сделал это. Может, поэтому мне на самом деле понравилось ощущение того, что я не сдерживаюсь.

Я забегаяю в узкую аллею, зажатую между двумя зданиями, подальше от главной дороги и всех любопытных глаз и ушей. Я останавливаюсь там, прямо на углу, думаю, что это лучшая точка для представления. Немногим позже они догоняют меня, и все происходит мгновенно. Один из них, самый первый, забегает за угол аллеи, и мне требуется лишь доля секунды на то, чтобы узнать обидчика, прежде чем броситься на него. Ладонь левой руки летит прямо в его челюсть. Я очень быстро размышляю. В драке любителей все решается тем, кто дольше выстоит в обмене ударами. Я знаю, что у меня нет ни малейшего шанса победить таким образом, особенно когда меня превосходят числом, так что мне придется убить их одного за другим, прежде чем меня возьмут в кольцо.

Парень, которого я только что ударил, пытается вернуть должок, но я втыкаю палец в его левый глаз. По ощущениям напоминает немного жесткое желе, я проворачиваю палец. От его крика любой бы покрылся холодным потом. Прежде чем он придет в себя, я хватаю его и убиваю, кинув головой в стену. Когда голова ударяется о бетон, раздается глухой стук, и когда я отпускаю его, тело соскальзывает по стене на землю, затылок его головы оставляет ленивый кровавый след на стене, а его левый глаз - стекающее кровавое месиво. Но, скорее всего, после такого он не умер. Я отворачиваюсь от него, чтобы встретить остальных четырех, и если мне повезло, они будут самую малость шокированы криком их товарища. После того, как они сворачивают за угол, они тут же замирают от вида своего друга. Как я и думал, эти парни не готовы. Они, наверное, видели свою долю случайно пролитой крови в уличных драках, но никогда не встречали тела, из которого на асфальт вытекает жизнь. Не тратя времени, я атакую ближайшего, ударяя его и потом хватая за волосы. Я быстро опускаю его голову, затем подкидываю колено к услужливо дождавшемуся лицу. Низкий хрустящий звук говорит мне, что я сломал ему нос. Я наношу еще три удара коленом для верности, после чего бросаю локоть на его затылок. Этот удар отдается в моей руке болезненным ощущением.

Двое готовы. Мое колено темно-красное, покрытое кровью второго.

- Эндзе, ты ублюдок!

Последние наконец приходят в себя. Лишившись рассудка и здравого смысла, они все кидаются в драку одновременно. Тогда я осознаю, что со мной покончено. Я не могу драться с тремя одновременно, и они лишь подтверждают это.

Они бьют и пинают меня, толкая на стену, о которую я только что ударил их друга, до тех пор, пока я не падаю на землю. Я чувствую, как костяшки врезаются в мои щеки, и я вздрагиваю от каждого удара, попадающего в живот. И все же они дерутся не так, как дрался я. Нет свирепости. Они не убьют меня. Не хотят. Но если они продолжат, я определенно умру. Они не знают, что ломают мне кости, вызывают внутреннее кровотечение и перебивают дыхание. И мне очень больно от того, что моя смерть будет медленным и болезненным спуском в ничто.

Видите? Даже если никто не хочет этого, люди убивают других людей.

Удары продолжают сыпаться на меня, а я думаю: кому в конце придется тяжелее - таким как я, которые и правда хотят убить, или таким как они, которые совершают непреднамеренное убийство?

Мое тело все в синяках, но боль становится привычной, почти приятной. Я уверен, они тоже постепенно втягиваются в процесс. Немного времени – и им это начнет нравиться, они не смогут остановиться.

- Ну, разве не мило мы выглядим с таким личиком, Эндзе? - говорит один из них.

Он резко бьет ногой в грудь, и мой кашель оставляет во рту привкус крови. Я в нокауте и понимаю, что, может быть, у меня осталось лишь несколько драгоценных секунд, прежде чем они окончательно выбьют из меня жизнь, ту самую жизнь, которую я никогда не ценил по достоинству. Кулак бьет меня в глаз, и половина внешней картины улицы чернеет. В этот момент я слышу слабый звук. Снова удар тишины. Еще удар. Кажется, они не двигаются.

Заплывшим глазом я вижу троих парней, обернувшихся ко входу в аллею. Я смотрю в том же направлении, стараясь не обращать внимания на нарастающую боль в глазах.

Мой разум застывает.

На фоне входа в аллею виден силуэт человека, который явно не принадлежит этому месту. Стучащий звук, который мы все слышали, исходит от деревянной обуви гета. Красная полоска и овальная форма видны даже с этого расстояния. Женская гета. И одежда на ней очень необычная: красная кожаная куртка поверх простого оранжевого кимоно.

Тень двигалась, каждый шаг звучал как деревянный колокольчик. Движение женщины - гипнотическое колебание одежды и небрежно обрезанные угольно-черные волосы, которые заставляли тебя замереть, и я почти забыл себя. Призрачная белая кожа и глаза

чистой пустоты. Такое не каждый день увидишь, а особенно не встретишь такую в переулке, полном рассыпанных осколков от бутылок и выброшенных шприцов.

Женщина... девушка. Я не могу различить ее пол, но почему-то я знаю, что это девушка.

- Эй, - говорит она и подходит все ближе.

Троица, окружавшая меня, теперь идет ей навстречу. Я прекрасно знаю, что они собираются с ней сделать.

- Нечего вам тут делать, леди.

Трио разминает пальцы перед новым раундом насилия, они едва сдерживают возбуждение в своей походке. Они идут, чтобы окружить одинокую девушку. Неспособный двинуться, со словами в виде тяжелого дыхания, я ничего не могу сделать, кроме как проклинать их про себя. Я пришел сюда, чтобы избежать невинных жертв, и тем не менее она тут. И лишь потому, что она выбрала неправильную аллею, чтобы срезать путь домой, она станет их жертвой.

- Девка, я же не шучу! - кричит один из тройки. - Не слышишь, что тебе говорят?

Девушка снова молчит, но в мгновение ока она протягивает руку и хватается за руку одного из парней. Тянет. Ее поза слегка меняется, она вкладывает весь вес в движение и бросает парня на землю одним резким толчком. Мне казалось, все это шло словно кадр за кадром, как будто я поворачивал рукоятку на старом проекторе.

Оставшиеся двое пытаются броситься на девушку, и она резко бьет ближайшего в грудь ладонью, заставляя его без сознания свалиться на землю, словно куклу. Она разобралась с ними за пять секунд, когда я потратил так много усилий, чтобы справиться с ними один на один. Последний, должно быть, тоже все понял, и как только второй упал, он развернулся и попробовал дать деру. Она остановила его быстрым ударом в голову, с едва слышным шорохом одежды. Как и первые двое, он был без сознания.

- Ай. В буквальном смысле дубоголовый попался, - ворчит она, поправляя складки на кимоно.

Я слежу за ней, интересуюсь, собирается ли она вообще говорить со мной. Странно, но в целом мне нравится, что я все еще могу различить ее силуэт в таком изолированном месте, где почти нет света.

- Эй, мистер боксерская груша, - зовет она, оборачиваясь ко мне.

Я пытаюсь ответить, но получается только кашель. Она лезет в карман кожаной куртки и вытаскивает маленький предмет и бросает его мне.

- Выронил на улице. Это же твое?

Я скашиваю глаза, чтобы посмотреть на него, и вижу маленький, блестящий ключ. Он, должно быть, выпал из кармана, когда парни обрабатывали меня. Мой ключ от дома, о котором я не хотел думать. Она пришла сюда только чтобы отдать его мне.

Она поворачивается спиной и молча уходит из аллеи со всей воздушностью своего появления, расслабленной походкой, словно на обычной ночной прогулке, оставляя меня лежать на земле и самому решать, что делать дальше.

- Подо... - слово рождается полуготовым, и я тяну к ней руку.

Хоть я и не был уверен, что мне стоит привлекать внимание девушки, которая расправилась с тремя парнями за то же время, за которое я расправился с одним, я не мог вынести того, что она просто бросит меня здесь, словно поддельную игрушку, потерянную среди отбросов города.

- Подожди.

Слово все-таки рождается, хотя и слабым дыханием. Я пытаюсь удвоить силу в голосе и кричу:

- Да подожди же ты!

Я пытаюсь встать, и каждая кость в моем теле отзывается болью. Мне приходится поддерживать свое полустоячее положение рукой, облокотившись на стену. Рука сама болит от такого давления. Но я смог остановить девушку, которая теперь холодно смотрела на меня.

- Что еще? - спрашивает она, ее голос все также спокоен. - Слушай, если ты еще что-то выронил, найдешь сам.

- Ты вот так просто собираешься их тут бросить? – переводя дыхание, говорю я. Девушка в кимоно осматривается так, словно она первый раз оказалась здесь. Ее взгляд задерживается на тех двоих, о которых позаботился я в моей бессистемной, импровизированной манере, затем, наконец, с любопытством смотрит на меня.

- Не нужно о них беспокоиться. Этот, - она говорит, кивая на первого, - наверное, получит повязку на глаз и будет играть в пирата до конца своих дней. У другого будут проблемы с носовым дыханием. Но они ведь живы. Я бы больше волновалась о том, что сделает с тобой первый очнувшийся. Но ты все равно хочешь, чтобы им помогли?

- Ну... наверное, - отвечаю я.

- А как же мы? Сам подумай. Кого мы позовем? Полицию? Скорую?

Ее глаза сужаются с каждым предложением, ее слова пронзают меня. Я не думал о полиции. Может, все же скорая... Но они будут задавать вопросы. Но если я скажу про самооборону... полиция будет быстрее, но...

- Нет, только не фараонов.

- И почему это? - спрашивает девушка, но мне кажется, что она уже знает ответ. Ее глаза продолжают бурить меня. Нет смысла скрывать. Она поймала меня, и если я попытаюсь хитрить, она станет задавать больше вопросов. Так что я говорю прямо:

- Потому что... я убийца.

Когда я говорю это вслух, не только для нее, но и для меня самого время, кажется, останавливается и все замолкает. Я этого не ожидал – вместо удивления, она спокойно посмотрела на меня и подошла. Ее глаза изучают меня.

- Ну, ты не похож на убийцу.

Подняв бровь и положив руку на подбородок, замерев в задумчивом наблюдении, она рассматривает меня. Застигнутый врасплох, я не понимаю ее сомнений и стараюсь все объяснить:

- Это правда! Это произошло всего несколько часов назад, я клянусь. Я взял кухонный нож и раз за разом бил ее в живот - до тех пор, пока все не промокло и превратилось в кашу, а потом я отрезал ей голову. Ты же не можешь сказать мне, что она все еще жива! Я начинаю хихикать, несмотря на свое состояние.

- Полиция наверняка уже в моем доме, интересуется, куда я пропал, все ломают голову из-за очередной ночной работы. Дай время, завтра это будет во всех утренних новостях! Я не сразу заметил, что как-то странно смеялся после того, как сказал это – звук лежал где-то между смехом и рыданием. Одетая в кимоно девушка дает мне время на то, чтобы успокоиться, прежде чем снова заговорить.

- Правильно, - говорит она, без тени удивления. - Ну, круто, наверное. Ты меня убедил. Тогда не будем ни с кем встречаться, если ты, конечно, не хочешь, чтобы на следующее утро у тебя перед глазами было железных прутьев больше чем обычно. Видимо, это объясняет, почему на тебе нет майки. Я думала, сегодня так все крутые ребята бегают. Ее холодные пальцы скользят по моей груди легкими, почти любопытными касаниями.

- Эй, - начинаю я без особых сил.

Она права. Я бросил майку, поскольку она была вся в крови. Убегая из дома, я захватил только куртку.

- Ты не собираешься выдать меня? Я и правда убил кое-кого. Думаешь, я просто отпущу тебя, зная, что ты можешь меня сдать? Какая разница – одного ты убил или двух...

Кажется, это привлекает ее внимание. Она приближает свое лицо к моему, глаза полужакрыты от разочарования.

- Да, - вздыхает она. - Есть.

- Есть что?

- Разница.

Ее присутствие практически подавляет, несмотря на то, что я на голову выше и это она смотрит на меня снизу вверх. Ее пустые глаза не переставая разглядывают меня, и я неосознанно сглатываю. Я такого никогда не видел. Черные зрачки – соблазнительный колодец, в котором можно утонуть. В свои семнадцать лет я думал, что люди могут быть разными: жестокими, обманчивыми. Но никогда - красивыми. Настолько подавляюще красивыми, что я практически забыл себя.

- Я... убийца, - снова повторяю я.

Я чувствую, что сказать мне больше нечего. Девушка отводит очаровывающий взгляд в сторону и опускает голову.

- Я знаю. Я тоже.

Она не объясняет дальше. Нет необходимости. Она поворачивается на каблучках, и с ветром, играющим ее одеждой, и звуком гета по асфальту, начинает удаляться. Я не хочу, чтобы она исчезала. Не этой ночью.

- Подожди!

Я бегу, пытаюсь догнать ее, но мои травмы отзываются болью, и я падаю на землю. Я снова встаю и смотрю прямо на неподвижную девушку.

- Если мы правда одного поля ягоды, помоги мне, - кричу я, забыв про разум и стыд. Глаза девушки расширяются от удивления.

- Одного поля? Ну, конечно, я знаю, каково это - иметь пустоту в груди. Но какой помощи ты ждешь от меня? Жилетки для слез или заботы о твоих ранах? В любом случае, я ничего не могу для тебя сделать.

- Рано или поздно кто-нибудь увидит нас здесь. Ты можешь спрятать меня.

Она обдумывает предложение, почесывая затылок и раздраженно ворча, - наверное, самое человеческое, что она делала за все это время.

- Говоришь, я должна помочь тебе найти место, где ты сможешь укрыться?

- Да, место, где никто не подумает искать меня.

- Дружок, в городе полно глаз. Единственное место, в котором у тебя есть шанс найти какое-то уединение - это твой собственный дом, - говорит она, делая недоуменное лицо.

- Ты меня слушаешь, мать твою? - неосмотрительно кричу я. - Я прошу тебя, потому что я не могу пойти домой! Может, эм, не знаю, домой к себе возьмешь, стерва?!

Слова вылетают прежде, чем я понимаю их. Боль заставляет меня выйти из себя.

Поначалу я думаю, что пожалею о сказанном, но девушка просто понимающе кивает, пропуская все остальное мимо ушей.

- И все? Ну, это простая просьба. Если мой дом тебе подойдет, то ты можешь оставаться.

Даже не помогая мне встать и не протягивая мне руку помощи, она снова начинает уходить, ее спина говорит мне следовать за ней. С новыми силами, с открывшимся вторым дыханием, я бросаюсь за ней. Стук ее шагов, чувство асфальта и разбитого бутылочного стекла под ногами, казалось, заставляли боль в моем теле и в разуме угасать. Хотя я даже не спросил, с кем она живет или как ее зовут, но думаю, что сейчас это не важно. Я вижу только ее слабоосвещенный силуэт, ведущий меня, словно судьба.

Я вижу только ее.

Спираль парадокса – 2

Я слышу звук. Зловещий металлический щелчок, идущий из другой комнаты. Время – около десяти, как мне кажется. Смертельно уставший от работы допоздна, я немедленно отдал себя в распоряжение матраса сразу после того, как добрался до дома. Но не проходит и нескольких минут, как меня будит звук. Я слышу его только раз, но этого достаточно. Дверь в мою комнату открывается, впуская полоску белого света, медленно расширяющуюся с каждым дюймом. Тень закрывает свет, я оборачиваюсь и вижу свою мать.

Именно в этот момент я осознаю происходящее и не желаю больше видеть эту сцену. Из-за света сложно распознать детали ее фигуры, я лишь вижу, что она стоит. Однако, то небольшое, что видно за дверью, не дает мне места для сомнений - отец свалился на кухонный стол. Непонятно, он просто без сознания или уже мертв, но вскоре я замечаю то, что сперва принял за пролитый кофе. До меня медленно доходит, что это кровь, растекающаяся по лакированному коричневому столу темно-красным. И тогда тень перед дверью говорит:

- Умри, Томое.

Я помню, что происходит дальше. Моя мать приближается, опускается передо мной на колени, высоко поднимает кухонный нож и опускает его на мою грудь, затем вверх, и снова вниз, много раз, очень много раз, я не мог сосчитать. Потому я вижу, как она подносит тот же нож к своему горлу и одним решительным движением погружает его глубоко в шею.

Все мои ночи завершаются этим кошмаром – худшим из тех, что я когда-либо видел.

Я слышу звук. Зловещий щелчок, от которого я просыпаюсь.

Я поворачиваюсь к кровати, и вижу, что Реги исчезла. Осторожно поднимаюсь, чтобы осмотреться: квартира в углу второго этажа четырехэтажки, дом девушки в кимоно. На самом деле правильнее назвать это комнатой. Коридор длиной в метр, едва заслуживающий этого названия, отделяет входную дверь от маленькой гостиной, которая, судя по наличию здесь ее постели, также является и спальней. Справа к коридору примыкает дверь в ванную. Еще одна дверь в гостиной ведет в другую, судя по всему, неиспользуемую, комнату. Она привела меня сюда прошлой ночью после часовой прогулки. Именная табличка над дверью носила имя «Реги», так что это должна быть ее фамилия.

Эта девушка – Реги – не сказала ни слова, когда мы вошли в комнату, только сняла кожаную куртку и направилась прямо в кровать. Ее апатия почти спровоцировала во мне протест, но последним, чего я хотел, был шум и внимание соседей. Подумав немного, я взял подушку, лежащую на полу, и заснул.

И теперь я просыпаюсь и нигде не могу ее найти. Интересно, чем она занимается. Похоже, мы ровесники. Тогда, может быть, она пошла в школу? И все же, это совсем не подходит такой неряшливой комнате. Из вещей здесь только кровать, холодильник, телефон, вешалка с четырьмя кожаными куртками и одежный шкаф. Ни телевизора, ни радио, ни журналов, нет и стола, на котором они должны лежать.

Я внезапно вспомнил, что она сказала мне прошлой ночью. Когда я сказал, что убил кое-кого, она ответила, что она такая же. Я не воспринял ее всерьез, но, судя по ее комнате, это может оказаться правдой. Ее целью явно была функциональность, эта комната не предназначалась для жизни. Ее можно было бросить в любой момент и сбежать. При

мысли об этом по спине бежит холодок. Неужели я подумал, что удача позволит мне вытащить туза пик, но вместо этого она подкинула мне джокера?

Никуда конкретно не направляясь, я блуждаю по городу, чтобы убить время. Поначалу я нерешителен и даже слегка испуган, пытаюсь стать настолько незаметным, насколько это возможно, и думаю, что изначально я принял неверное решение. Но скоро стало понятно, что мир живет как обычно, и никому я не интересен. Дни проходят со скоростью и тяжестью часовой стрелки. Слегка разочарованный, я направляюсь к главной улице. Здесь я ожидаю увидеть копов, расспрашивающих о Томое Эндзе, или, по крайней мере, людей, которые могли бы бросить на меня взгляд «я видел его в утренних новостях», но их нет. Возможно, тела еще не нашли. Может, я считаю себя слишком важным. Вряд ли я заметно повлиял на реакции людей таким неопытным убийством. В любом случае, похоже, пока я не беглец. Но даже так, я все еще не хотел возвращаться туда.

Наступает и проходит полдень, и я обнаруживаю себя на площади Хатики, рядом с перекрестком Сибуя. Нахожу себе скамейку для отдыха и хочу провести час или два, просто глядя на неоновые огни на зданиях, вытянувшихся высоко в небо. Когда на светофоре загорается зеленый свет, машины останавливаются, чтобы пропустить безумный поток людей, текущих, словно вода из пробитой дамбы, через широкую улицу. Я не могу даже представить, как все это выглядит в праздник. Основная часть этих людей - такие же подростки, как и я, счастливо улыбающиеся, идущие легкой походкой, выглядящие так, словно они самые благословенные личности во вселенной. Это лицо людей в их мире: мире, где они не стремятся больше ни к чему или где должны жить ради хорошего будущего. Не нужно. Их жизнь перед ними, и они знают, что это все, что нужно, чтобы выжить. Так сколько из этих улыбок реальны? Все они или лишь малая толика? Я продолжаю смотреть на их лица, пытаюсь выяснить это, но невозможно отличить реальность от подделки. Можно и не пытаться, поскольку это осознание приходит из самого меня. Устав смотреть на людей, ходящих туда-сюда, я обращаю глаза к небу. Будем откровенны. Я настолько же подделка, насколько и все они. Может, в какой-то момент я думал, что моя жизнь хороша и реальна, но скоро реальность лишила меня этих мыслей.

Первый год старшей школы был моим временем. Я был спринтером в клубе легкой атлетики, и я был хорош. Я участвовал во всех соревнованиях, проводимых между школами, и я никогда не проигрывал. Я никогда не видел ничьей спины. Никто ничего не мог сказать о моем умении. Все, что меня волновало - это уменьшение моего времени, и даже нескольких миллисекунд разницы было достаточно, чтобы осчастливить меня. Я был машиной, построенной ради спорта, и я любил его больше всего.

Разумеется, все это однажды зашло в тупик.

Моя семья никогда не была благословлена излишком денег. Отец лишился работы, когда я был в начальной школе, и никак не мог устроиться на новую. Мама родилась в богатой семье, но была не в ладах с родителями после того, как сбежала, чтобы выйти замуж за отца. Ее мир не научил ее ничему, что происходит после этого. Я думаю, поломанная семья сделала только одну хорошую вещь для меня: заставила повзрослеть раньше, чем остальных детей. Мне приходилось работать после школы, врать о моем возрасте, просто чтобы меня взяли - все ради того, чтобы выцарапать денег на обучение. Меня перестали волновать выходки родителей, и я начал фокусироваться только на том, что мог сделать сам: поддерживать себя, ходить школу и работать до потери пульса ради обучения. Я думал о бегстве как о единственном освобождении от обеих проблем - проблем расходов на жизнь и моих родителей, которые не казались мне чем-то особенным. Это было единственной причиной, почему я продолжал платить за школу и ходить на клубные мероприятия, не обращая внимания на свою усталость.

Наши проблемы лишь начинались, когда в один прекрасный день отец взял машину, не имея прав. Он никогда не был хорошим водителем, но раньше у него не было проблем из-за того, что нужно было потратить время на парковку или маневры. В тот день удача,

компенсирующая отсутствие умения, закончилась, и он стал участником ДТП. Он сбил пешехода. По-видимому, бедолага умер довольно быстро. Это заставило мою мать вернуться к ее семье, склонив голову, и умолять дать денег просто чтобы выплатить компенсацию. Для меня же это было событием, от которого я должен был отвернуться, так что я особо не интересовался подробностями. Что со временем стало волновать меня, так это последствия всего произошедшего. Не прошло и года, как все в школе узнали об аварии, и хотя меня это не очень волновало, я заметил, что отношение ко мне изменилось. Мой тренер, который всегда был полезнее всех, кого я помню, неожиданно начал меня игнорировать.

Старшеклассники, которые так гордились тем, что я был молодой звездой команды по легкой атлетике, вынуждали меня покинуть клуб. Все из-за того, к чему я не имел никакого отношения. Все потому, что я был их сыном.

Моя семья была настоящей проблемой. Потеряв те малые деньги, которые он скопил, чтобы оплатить происшествие, отец не смог удержать семью вместе. Мама начала работать на полставки на работах, к которым общество ее не подготовило, и о которых она не имела никакого представления, но даже этого хватало только чтобы оплатить часть счетов за газ и электричество... Слухи о происшествии начали расползаться среди соседей, разрастаясь и приукрашиваясь до такой степени, что отец не мог выйти из дома – всегда находился какой-нибудь злобный сосед, который пытался донести до него житейскую мудрость. Мама продолжала пытаться работать, но слухи преследовали ее и не позволяли надолго оставаться на одном месте. Помню, как-то раз, когда я гулял, случайный незнакомец бросил в меня камень. А еще вечные угрозы...

И несмотря на то, что нападки становились все хуже и хуже, я никак не мог найти причин, чтобы злиться на них. Ведь тем, кто вел машину, кто правда был виноват, был мой отец. Это все его вина. Но, с другой стороны, не то чтобы я ненавидел моих родителей, потому что тогда я осознал: не важно, что ты делаешь, даже если стараешься изо всех сил; не важно, как быстро и как далеко ты бежишь - все будет одинаково. Ты не можешь сбежать от своей семьи, своего прошлого, от того, кто ты есть. Я говорю о том, что мои предки шли своими путями, пытались прожить свои жизни так хорошо, как только могли, и посмотрите, до чего это их довело. Тогда я перестал бороться с этим. Я обнаружил, что если я просто приму это, не о чем будет плакать.

Это момент, когда ты, ребенок, выбрасываешь свои фантазии, потому что они бесполезны, и на их месте вырастает новая, собственная мудрость.

После этого, чувствуя, что в школе меня мало чему могут научить, я бросил ее. Кроме того мне нужно было целыми днями работать. Если вы не привередливы, то найдете много работы для людей моего возраста. Будучи тем, кто все еще скован по меньшей мере частью сознания, я не мог полностью бросить свою семью, так что мне нужно было вкладывать деньги в дом. Но это не значило, что я обязан говорить с ними. Я ни разу не делал этого после того, как бросил школу. Медленно, подобно яду, удовольствие и возбуждение от бега, которое одно время я считал жизненно необходимым, выцвели и превратились в тусклые воспоминания вместе с лицами людей, однажды поддерживавших меня, и холодным ветром, бьющим мне в лицо. Тогда это было жизненно необходимо, и, обнаружив, что я отказался от этого, я был в немалой степени изумлен. Мой разум отмазывался: мне это больше не нужно, у меня есть более важные дела. Но это были лишь оправдания. Я проиграл. Я сдался.

Это доказательство того, что я подделка. Если «бежать» было своего рода началом, космическим приказом, предназначенным парню по имени Томое Эндзе, то я провалил его. И может, скользнула в моем разуме мысль, все могло быть лучше, если бы я просто подчинился тому зову.

Когда я был маленьким, родители возили меня посмотреть на конный завод. Там я глядел на безымянных лошадей, которых выводили и чьи тела выстраивали ради одного бега. И я плакал, думая, что если истории про прошлую жизнь были правдивее, чем сказка,

рожденная наивной идеей судьбы, то я точно был одним из этих прекрасных зверей. Моя страсть родилась там. И она была раздавлена весом реальности. В конечном счете, я оказался подделкой, наполненной лишь лживыми мечтами.

И в конце концов, я стал убийцей. Я смеюсь, хотя в этом нет ничего смешного. Небо, на которое я смотрю, едва меняется, и я снова опускаю глаза на спектакль города, где по крайней мере люди двигаются, никогда не останавливаясь, с их улыбающимися и серьезными лицами. Все куклы, поддельные, как и остальное, не имеющее реальной цели. А может, у них есть реальная цель: дурачиться. Они все-таки в Сибуре. Хотя это то клеймо реальности, которое я не могу вынести.

Беспорядочные шаги толпы возвращают меня к реальности. Над входом в ближайшее здание расположены часы, показывающие, что приближается вечер. Не желая прохладиться здесь больше, чем я уже себе позволил, я заставляю себя встать и покинуть толпу людей, никуда конкретно не направляясь.

Даже здесь, в спальном районе, фонари светят не ярче, чем в любой другой части города. Я бесцельно шатался еще три часа, и осеннее солнце давно село, напоминая, что мне все еще нужно место, чтобы переночевать. Внезапно я оказываюсь перед знакомым фасадом здания, где живет Реги. Хотя я считал, что могу избавиться от привязанностей, если того требовала ситуация, мои ноги считали иначе. Я посмотрел на второй этаж и увидел, что в ее окне темно. Похоже, ее нет дома.

- Ну, раз я здесь... - бормочу я, начиная карабкаться на второй этаж и примиряясь с тем, что единственная причина, по которой я вернулся сюда - жалкое желание ухватиться за последнего человека, который мне помог.

Пока я поднимаюсь, лестница из металлических прутьев издает резкий звук, словно хочет обозначить мое присутствие. Я обнаруживаю, что газета, утром подсунутая под дверь, исчезла. Сначала я подумал, что она внутри, но когда я постучал, ответа не последовало. Значит, она по крайней мере один раз возвращалась домой. Я наудачу покрутил ручку двери, решив удалиться, если она будет заперта.

Но она беспрепятственно открывает замок, и дверь слегка приоткрывается. Как я и видел с улицы, свет внутри не включен. В тишине очень хорошо слышен механический щелчок ручки, и на секунду он останавливает руку и погружает разум в сомнения. Подумав, как нелепо я выгляжу, пока так долго стою и ничего не делаю, я медленно приоткрываю дверь и прокрадываюсь внутрь. Едва ли я мог подумать в детстве, что буду вторгаться в чужую квартиру спустя несколько дней после убийства, и тем не менее именно это я и сделал. Хотя Реги сказала, что рада видеть меня в ее доме, но я не знаю, это ли она имела в виду. Пока мозг занят придумыванием оправданий, тело крадетс дальше, закрывая дверь, проходя мимо прихожей, через короткий коридор и, наконец, в гостиную. Здесь кромешная тьма. Ничего не слышно, кроме моих приглушенных шагов и подозрительно неровного дыхания. Блин, это выглядит как обычный взлом и проникновение. Черт, мне нужен свет. Свет, где, черт возьми, тут выключатель? Я подношу руку к стене и пытаюсь нащупать клавишу.

В этот момент я слышу отчетливый звук открывающейся входной двери. Человек включает свет быстрее, чем я успеваю подумать, кто это. Лампа освещает комнату теплым светом, а она удивленно моргает, прежде чем начать говорить:

- О, ты здесь. Надеюсь, ты не делал ничего непристойного, а то свет был выключен и все такое, - говорит она таким тоном, словно ругает одноклассника.

Закрывает дверь и снимает куртку, садится на кровать, копясь в пластиковом мешке, который держит в руках. Достает маленькую чашку.

- Хочешь есть? Не люблю холодное.

Она бросает мне чашку, и, приглядевшись, я вижу клубничное Хааген-Даз. Почему ее не волнует мое вторжение - для меня такая же загадка, как и то, почему она покупает еду, которая ей не нравится. Взяв холодную чашку в руки, я начинаю размышлять. Она знает, что я убийца, хотя я не знаю, насколько серьезно она это воспринимает. И, тем не менее,

она предложила мне свою комнату. Я помню, как подумал утром: ее комната выглядела так, будто она была беглецом, готовым сорваться с места в любую секунду.

- Проясним одну вещь, Реги, - говорю я ей. - Мне стоит следить за тобой по ночам? Вопреки моим ожиданиям, она от души смеется.

- Станный ты. Хороший способ перефразировать вопрос, - выдавливает она между приступами смеха, приводящего ее и так непричесанные волосы в еще больший беспорядок.

Это зрелище подсказывает мне быть еще более осторожным. Со временем ее смех стихает, и она делает глубокий вдох, прежде чем продолжить говорить.

- Ну, хм, ты прав, тут не так много людей, которые умеют драться лучше, чем я. Но ты же здесь? Нам обоим есть что скрывать, так что давай просто не будем касаться этой темы и не станем ссориться. Это все, о чем ты хотел поговорить?

Девушка в кимоно смотрит на меня с опасно спокойным лицом ребенка, ожидающего новый подарок, ее ухмылка наполнена смыслом.

- Нет, есть еще кое-что. Почему ты помогла мне?

- Потому что ты попросил меня. Просто я была свободна, так что почему бы и нет. Кстати, тебе же негде спать? Я думала об этом, когда говорила, что можешь пожить некоторое время у меня. В любом случае, не похоже, что Микия собирается в ближайшее время меня навещать.

Потому что она была свободна? Что это за причина? Я в последнее время много туплю, но не до такой степени, чтобы поверить ее словам. Я пялюсь на нее, но это не вызывает никакой реакции. Она просто игнорирует меня, и – я чувствую – не из-за безразличия, а из-за величественного забвения, которое просто случилось с ней. Очаровательный парадокс. И все же я понимаю, что у Реги нет причин врать мне. Может, она и правда пустила меня просто так. Она могла бы придумать несколько уловок, чтобы вытянуть из меня деньги, но не стала этого делать. И даже так...

- Ты серьезно? Ты пускаешь меня, не задавая вопросов и даже не подозревая меня? Ты точно не обдолбалась?

- Ты очень рискуешь моим расположением, дружок. И, отвечая на твой вопрос, - нет, я не употребляю наркотики. И, отвечая на вопрос, вертящийся у тебя на языке, - нет, я не сообщила о тебе в полицию. Хотя я сделаю это, если попросишь.

Ну, тут не о чем беспокоиться. Я не могу представить эту девушку, говорящую с полицейскими вежливым тоном.

- Тогда чего ты хочешь? Быстро потрахаться, потому что...

- Что? Мой дом – не самое лучшее место для занятий сексом, это уж точно. Тебе лучше идти в город.

- Да пойми же ты, я говорю...

- Хорошо, ладно, хватит, блин! Если тебе тут не нравится и ты хочешь читать мне нотации, то ты знаешь, где находится выход, дружок. Я вообще не понимаю, на кой черт ты цепляешься к каждому моему слову?

Ее позиция не терпит контраргументов. Между нами повисает тишина, но она нарушается копанием в пластиковом мешке, откуда она вытягивает треугольный помидорный сэндвич. Ну, если я раньше сомневался насчет ее серьезности, теперь у меня сомнений не осталось.

- Ладно... тогда я ложусь спать! Ты же сказала, что не против, верно? - говорю я, может быть, слишком громко.

Но Реги не кажется слишком рассерженной, вопреки ее словам.

- Угу, вперед. Я тебе обязательно напомню, когда ты снова включишь ублюдка, - пережевывая сэндвич, говорит она.

В тот момент я внезапно понимаю, насколько устал, и быстро сажусь на пол. Время идет, но я не осознаю, как долго или как мало это длится. Я поворачиваю свои мысли от маленькой стычки с Реги к более практичным вопросам. Я нашел место для сна, но оно

временно. 30 000 йен наличными, которые я взял с собой, хватит на месячное пропитание, но поиск работы, которая позволила бы мне выжить и не выдала бы меня копам, все еще остается под вопросом.

Стоп. Я вспомнил, о чем хотел спросить Реги. Как я мог забыть?

- Эй, - зову я ее. - Почему дверь не заперта?

- Потеряла ключи, разумеется.

Ее ответ для меня как удар по голове.

- Я запираю дверь только когда сплю, и просто закрываю дверь, когда уйду. Удобно, и, как видишь, тут красть-то совершенно нечего.

Так моя попытка взлома была не просто удачным совпадением. Она не закрывает дверь – и, возможно, поэтому у нее так мало вещей в комнате. Обычный вор мог войти и украсть все, что не прибито. Это слишком сильный удар по моему рассудку, так что я просто обязан сказать ей.

- Блин, женщина. Могла бы попросить запасной ключ у хозяина.

- Запасной тоже потеряла. Ладно, не о чем тебе волноваться. Да и не то чтобы он был мне нужен.

Меня начинает раздражать то, как она ни на что не реагирует. Я не могу успокоиться без ключа. В то же время Реги, похоже, недостает части мозга, которая должна отдавать сигналы тревоги, когда ты в опасности даже у себя дома. Я забываю о злости к ней и заменяю ее на беспокойство за безрассудную девушку.

- Дом без ключа – не дом. погоди, я тебе достану новый ключ.

Идея неожиданно формируется у меня в голове. Вспоминаю, что последняя работа, на которой я числился, по крайней мере, два дня назад, была в компании по переездам. Мне пришлось научиться чинить разный хлам, связанный с жильем, так что с простой заменой замка я справлюсь. У них должен быть самый обычный замок на складе.

- Нет. Я весь замок заменю.

- Ну, как хочешь. Деньги на это есть?

- Конечно. Это самое малое, что я могу сделать для тебя. И вообще, я сделаю это сегодня ночью, чтобы у тебя завтра не было проблем!

Сказав это, я мгновенно вскакиваю, наполненный силой воли, чей источник даже я не смог бы назвать. Я бегу ко входу, поворачиваю дверную ручку, распахиваю дверь и выбегаю в город, укрытый ночью, не давая Реги вставить и слова. Вот он я, разыскиваемый (или уже-почти-разыскиваемый) парень, бегущий в компанию по переездам, планирующий забраться туда посреди ночи. Я все думал, как я могу пробраться туда непойманным. Забудем о Реги. То, что я отправляюсь на эту маленькую экскурсию ради девушки, чьего имени я даже не знаю, делает из меня настоящего сумасшедшего.

Спираль парадокса – 3

Я живу с Реги уже почти неделю. Со временем мы составили простой шаблон нашего образа жизни. Она просыпается, иногда уходит раньше меня, иногда позже. Я тоже ухожу на целый день, и мы видим друг друга только когда я возвращаюсь на ночь. Странное дело, это точно. В какой-то момент мы выдали друг другу наши имена, думая, что будет довольно странно не знать имен друг друга, когда стало очевидно, что я остаюсь еще на какое-то время.

Шики Реги. Ученица старшей школы, оставшаяся на второй год... по крайней мере, на бумаге, учитывая ее текущую историю прогулов. Это, по сути, все, что я о ней знаю. Она называет меня по фамилии, Эндзе, видимо, поэтому я сам тоже называю ее Реги. Она не раз говорила, что ей не нравится, когда ее зовут по фамилии, но я не могу заставить себя называть ее Шики. Причина довольно проста. Звать кого-то по имени всегда казалось мне символом постоянства, но моя повседневная жизнь сейчас временна, а это означает, что я и Реги однажды разойдемся. В любую минуту за мной может прийти полиция. Меня могут вынудить бежать. Называть ее Шики со всем весом, который первое имя накладывает на тебя, слишком привяжет меня к ней.

- У тебя нет девушки, Эндзе?

В эту ночь, как и во все другие, Реги сидит на кровати, скрестив ноги, и задает вопрос без всякой на то причины. Что касается меня, катающегося по полу рядом, я давно привык к ним.

- Если бы она у меня была, мне бы не пришлось приходить на эту помойку каждую ночь.

- Странно, ты не так уж дурно выглядишь.

- От тебя это звучит оскорблением, а не как комплиментом. И вообще, не интересуют меня женщины.

- Надо же. И почему?

Она лежит на кровати, так что при взгляде с пола она становится на время невидимой, хотя скоро высовывает голову прямо надо мной. Она довольно милая, когда так делает.

- Ты гей?

Беру свои слова назад. Если я посчитал, что она хоть немного симпатична, это был обман зрения.

- Да щас. Просто, ну... у меня была девушка, и вышло все не очень хорошо.

Прежде чем я осознаю это, я уже вспоминаю вместе с ней.

- В старшей школе, я встречался с девушкой два месяца, и большую часть времени мы ругались. От отношений я не хотел ничего особенного, но она очень хотела. Она все время просила купить эти красивые, блестящие штуки, которые были дорогими. Я практически слышал стоны моего бумажника, но все равно покупал их. Когда я мог купить ей подарок, она была счастлива. Когда не мог - жаловалась. Это меня совсем не радовало, если честно. И секс вовсе не так хорош, как о нем говорят. Захочу улучшить настроение – просто подрочу.

Я думал, эта история наскучит Реги, но она, кажется, следила за каждым словом, так что я со вздохом продолжил:

- Со временем, она начала раздражать меня. Все деньги и любовь, которые я отдавал ей, казались пустой тратой времени. Может, если бы я был обычным школьником, я бы мог уделять ей больше времени, но в тот момент у меня не было такой возможности. Часы, которые я проводил с ней, начали вытягивать часы, которые я мог потратить на сон. Без

свободного времени, я думаю, эти отношения были обречены с самого начала. Но, будучи круглым дураком, я ни разу не пытался порвать с ней. Я никогда не любил причинять боль или чувствовать ее сам, и это был один из тех моментов, когда я мог заставить ее плакать.

- Но вы же расстались с ней? Как ты это сделал? - спрашивает заинтригованная Реги

- Эй, не я тут плохой парень. Она бросила меня. Как-то раз, когда мы переспали в отеле, она повернулась ко мне и сказала – это прямая цитата, клянусь – что я никогда по-настоящему не любил ее. Что всегда смотрел лишь на внешность, и ни разу не видел ее сердца. Это был удар ниже пояса.

Еще до того, как я закончил, я услышал смешки Реги, переходящие от хихиканья в гогот. Когда я дергаю плечами и завершаю историю, она убирает голову и, наконец, перестает сдерживать смех.

- Ух, да ты просто молодец, Эндзе! «И ни разу не видел ее сердца»? Это была девушка с глубоким внутренним миром, точно тебе говорю.

Я слышу, как скрипят пружины, когда она катается туда-сюда по кровати и не перестает обвиняюще смеяться.

- По крайней мере, я никогда не делал такой глупости – не смеялся над детской любовью. Не смешно.

Расстроенный, я встаю, и это заставляет Реги сдерживать смех. Она вытирает глаза, прежде чем сесть и посмотреть прямо на меня.

- Но это смешно, Эндзе. Просто ты этого не замечаешь. Подумай, какую единственную вещь люди могут увидеть в других? Их внешность! Она думает, что ее внешность не так важна, и все же заставляет тебя покупать ей все это блестящее дерьмо. И потом она просит тебя куда-то смотреть в ее – в сердце или куда там еще, которое никто не видит. Да это же бред. Так что это забавно! Если бы она хотела, чтобы ты увидел ее сердце, ей стоило бы написать что-нибудь. Ваш разрыв - это лучшее, что с тобой когда-либо случилось, Эндзе.

Она снова ложится на постель и отворачивается от меня. Такт тишины, прежде чем она снова оборачивается, ее кошачьи глаза встречаются с моими. Она открывает рот с легкой задумчивостью, но сомневается и отворачивается, затем снова поворачивается ко мне и, наконец, говорит:

- Просто чтобы без обид, я тебе скажу кое-что, что один человек сказал мне. Он сказал, что это невидимые, несказанные вещи создают любовь. И неправильно говорить о их, иначе они могут стать ложью. Ну, по крайней мере, так он говорил.

С этими словами она отворачивается от меня, и я знаю, что она уже засыпает. На этом резком окончании беседы я выключаю свет и сам ложусь на пол, позволяя редкой тишине поглотить комнату, позволяя себе подумать. Наверное, я просто оступился с одной девушкой, но мой разум играет с мыслью. Что, если бы моей девушкой была Реги? Было бы все так же? Или она просто посмеялась бы, как всегда это делает, и все приняла?

Я вернулся в комнату Реги под ночь на второй неделе моего продленного проживания. Вставляю ключ в замочную скважину, поворачиваю, открываю дверь. Вхожу и обнаруживаю, что Реги уже спит. Не скажу, что я вошел как кошка, но девушка не просыпается. Она или крепко спит, или записала мои шаги в категорию звуков, не стоящих пробуждения. Оба варианта меня устраивают.

Я прижимаю ладонь к моей щеке, все еще болящей от ударов, направляюсь к моему обычному месту на полу и сажусь. Часы на столе рядом с кроватью Реги тикают, секундная стрелка движется к следующей отметке. И к следующей, снова и снова по кругу. На мгновение минутная и секундная стрелки часов мирно замирают, указывая на двенадцать. Я никогда не любил аналоговые часы. Глядя на них, я всегда чувствовал, как теряю себя во вращении стрелок. Боль от ударов, которые я получил по ногам, разгорается снова, и я начинаю тихо скулить. Реги, однако, остается неподвижной, позволяя мне

смотреть на ее лицо в глубоком, мертвом сне. За те две недели, пока я оставался здесь, я всегда смотрел на нее. Когда Реги спит, она выглядит почти как кукла, безжизненная вещь, лежащая на кровати. И когда встает солнце, она не «просыпается», а производит ритуал, сходный с воскрешением, как если бы жизнь каждый день вдыхали в нее заново. Поначалу я думал, что она рано просыпается в школу, но со временем понял, что это не так. Из дома Реги вытягивал телефонный звонок. Она ждет его каждый день. Если звонка нет, она остается здесь, поглощенная своей апатией. Разумеется, я не знал о теме тех звонков, но нет сомнений – это было чем-то опасным, чем-то, что возбуждает Реги настолько, что у нее появляется желание выйти наружу.

Бесконечное тиканье часов все продолжает сверлить мою голову, пока я размышляю о простоте Реги, ее красивой жизни, лишенной печали, возвращающей только приятную живости, когда она делает то, что должна делать. Идеальная пустая жизнь без злоупотреблений, реальное существование, которое я никогда не надеялся отыскать.

Платонический идеал существования, которого я хотел достигнуть.

- Шики.

Слово слетает с моих губ, оно тише, чем шепот, оно как тихий выдох, и все же, словно по сигналу, Реги выбирает именно этот момент, чтобы проснуться. Между ее глаз появляется морщинка, когда она осматривает меня.

- Что за хрень с тобой случилась? - спрашивает она. Видимо, заметила синяки и ушибы.

- Не было выбора, - вздыхаю я. - Двое парней, которых я даже не знаю, пытались докопаться до меня. Они напрашивались на драку, так что все так и кончилось. Я не особо хорошо дерусь, так что вот результат

- Ты же должен был чему-то учиться, но двое все еще для тебя проблема. Что, боль тебя заводит? – комментирует Реги и вытаскивает себя из кровати.

- Не придумывай. Я никогда не занимался боевыми искусствами. Но если дело доходит до драки, я дерусь как любой другой парень.

- То есть как девчонка. Я была уверена, что ты чему-то учился, потому что видела твою ладонь, когда мы первый раз встретились. Где ты видел такие движения?

- Я где-то слышал, что для того, кто не привык использовать кулаки, это будет так же больно, как и для его противника. Так что людям вроде меня лучше использовать ладони. Кроме того, разве ладонь не жестче? Посмотри на банки. Никто не бьет банки, все ломают их ладонью. В этом что-то есть.

- Это потому что так легче, глупый, - говорит она обычным спокойным голосом.

Но в этот раз я чувствую легкую похвалу в ее голосе. Ее глаза как всегда внимательны, и, смутившись, я отворачиваюсь.

- Что насчет тебя, Реги? Ты точно изучала айкидо или что-то подобное.

- Лишь мимолетный интерес. Я серьезно занималась только одним стилем, который тренирую с тех пор, как была избалованным ребенком.

- С тех пор, как ты была ребенком? Неудивительно, что ты смогла попасть в затылок бегущему. Думается, это не все, что есть в твоём арсенале.

Я хотел сделать это мимолетным замечанием, но Реги воспринимает мое последнее предложение как повод серьезно подумать.

- Типа того. Это в чем-то мой собственный стиль. Ключ к этому - мышление. Ты обдумываешь все о себе. Твое дыхание, работа ног, угол обзора, образ мышления – даже то, как движутся твои мышцы – все это меняется и это почти как стать кем-то другим. Все это оттачивается для того, чтобы победить своего врага минимальными силами. Я думаю, все боевые искусства обращают на это внимание, но, наверное, мы... в смысле, я зашла в этом слишком далеко.

Она выплевывает последние слова так, словно ненавидит всю идею. Это меня забавляет.

- Что в этом плохого? По крайней мере, тебя не бьют и ты можешь вынести двоих за две секунды. Как по мне - классный собственный стиль.

Ее глаза бегают туда-сюда и, кажется, намекают на серьезное беспокойство, прежде чем она отвечает:

- Странная вещь с этим собственным стилем: я выучила его, наблюдая, как кое-кто другой им пользуется.

Когда она мгновенно падает назад на кровать, я понимаю, что она не хочет продолжать разговор. Когда она засыпает, я остаюсь наедине с мыслями о том, что могли означать ее последние слова.

В комнате, в срезе небытия, с пронзающим уши свистом поднимается бледный серый пар. Здесь так жарко, что любой начнет истекать потом спустя несколько секунд. Комната не освещена, разве что видно слабое оранжевое сияние чего-то, горящего на железной плите. Всюду вокруг меня, одна за другой, расположены большие канистры, а на полу я чувствую бесчисленные узкие кисти труб, прижимающиеся к моим ногам. В комнате ни души. Только свист вздымающегося пара да бесполезный звук бульканья воды составляют друг другу компанию.

Я резко просыпаюсь посреди холодной глубокой ночи. Сон. Это был сон. Необычный кошмар. И все же, в нем мало приятного. Секундная стрелка часов тикает, чтобы поиздеваться надо мной, и когда я смотрю на часы, то вижу, что даже трех еще нет. Можно спать да спать.

А потом я замечаю, что знакомая фигура Реги исчезла. Должно быть, пошла на очередную прогулку. Она часто так делает. Я не понимаю, зачем надо гулять в час, когда даже животные спят. Иногда я беспокоюсь о ней. Хотя она умеет драться, это не значит, что для нее нормально гулять по ночам, где каждый человек может воспользоваться своим преимуществом. Секунду я думаю о том, чтобы пойти найти ее, хотя не вмешиваться в чужую личную жизнь стало негласным условием моего проживания здесь.

А, хрен с ним, надо ее найти. Она достаточно симпатична, едва ли хоть один из отморожков Синсена позволил ей просто уйти. Я встаю и уже выхожу в коридор, когда дверь неожиданно открывается. Входит девушка, одетая в знакомое кимоно и кожаную куртку. Реги быстро закрывает дверь – так же тихо, как открывает.

- Ты дома, – говорю я.

Она смотрит на меня. В этот момент я чувствую что-то.

Она могла убить меня.

Свет в коридоре выключен, и только глаза Реги сияют пугающим темно-синим. Мое дыхание обрывается, и ненадолго разум пустеет. Я неподвижен, меня накрывает чистый ужас.

- Ты тоже не подходишь, - говорит Реги, даже не пытаясь скрыть злости в голосе.

От ее голоса я прихожу в себя. Она проходит мимо, снимает куртку и яростно бросает ее на кровать. Садится и лениво облокачивается на стену, задирает голову и пустым взглядом смотрит на потолок.

Пытаюсь игнорировать холодок, все еще бегающий по спине, я возвращаюсь в гостиную, где просто сажусь на пол. Невидимый третий житель комнаты, тяжелая тишина, укрывающая все, снова вырастает между нами. Она часто так делает, пока Реги не разрушает ее монотонными словами:

- Я ходила убивать.

Не сумев придумать подходящего ответа, я просто киваю. Она, похоже, приняла это за знак продолжать:

- Бесполезно. Не нашла никого, кого хотела бы убить. Когда я открыла дверь и увидела тебя, я подумала, что ты можешь удовлетворить меня на время, но не вышло. Твое убийство было бы бессмысленным.

- Богом клянусь, я думал, что ты убьешь меня прямо там в ту же секунду, - нерешительно, но честно отвечаю я.

- Я хочу чувствовать себя живой. Но я знаю, что простое убийство бессмысленно. Поэтому я шатаюсь по ночам. Я ищу повод для жизни. Это почти как быть призраком. Однажды... я просто знаю, что убью кого-нибудь. Просто так.

Эти слова похожи на беседу с кем-то невидимым. А еще она раскрывалась передо мной, ее слова напоминали вялую речь наркомана во время ломки. Это был первый раз, когда я видел ее такой. В первую нашу встречу она тоже гуляла, но тогда не пыталась нарваться на драку.

- Держись, Реги. Ты справишься, – встав и положив руки ей на плечи, говорю я. Плечи, кажущиеся слишком тонкими для такой опасной девушки.

- Я справляюсь. Вот так я это делаю. Летом я тоже это чувствовала, и в тот раз когда... Ее речь обрывается, как будто она вспомнила то, о чем хотела бы забыть. Я сажусь на пол, и Реги тоже заваливается набок.

- Эй, Реги, – не ожидая дальнейших пояснений, пробую продолжить расспросы. Она сама говорила, что сердце необъяснимо и неведомо кому-либо кроме тебя самого, иначе оно обращается в ложь. Это и понятно. Она абсолютно одна. Я был таким же, но, по крайней мере, у меня были если не настоящие друзья, то просто люди, которые могли отвлечь меня от проблем. Но она не может позволить себе такую роскошь. Она в них не нуждается.

- Эй, Реги, – повторяю я, прислоняясь к кровати так, чтобы не видеть ее. – У тебя есть друзья?

Несколько секунд проходит в молчании.

- Думаю, да.

- Что, правда? – я говорю с сомнением, поскольку ожидал противоположного ответа. Но Реги спокойно кивает.

- Тогда есть простое решение! Просто иди к ним и выложи все свои проблемы. Они помогут тебе. Это лучшая и простейшая вещь, которую можно сделать. Даже короткого разговора достаточно, чтобы забыть обо всем таком.

- Ну, сейчас его здесь нет. Он за городом, занимается бог знает чем. Я замолкаю, прислушиваясь к эху пустоты в ее словах, но потом, словно желая показать, что ее одиночество было лишь моей иллюзией, она начинает сильно бить по кровати сжатыми кулаками.

- Он просто вламывается сюда без предупреждения, и как он платит за мое добродушие? Ничего, кроме долбанного телефонного номера. А прошлым летом он взял и проспал целый месяц. Зачем он постоянно меня изводит? Ну не засранец ли?

Звук ударов по подушке повторяется, и ее голос становится громче с каждым новым предложением спонтанной истерики. Я не могу поверить, что Реги так разнервничалась из-за простого вопроса. Теперь звук глухих ударов сменяется на звук острого укола, как будто Реги тыкает подушку ножом. Я не хочу знать, что она на самом деле делает, поэтому не оборачиваюсь. Спустя какое-то время звуки рвущейся ткани стихают, и она наконец успокаивается. А я в чем-то даже завидую ее другу, который может вызвать в ней такие сильные эмоции (для нее, по крайней мере), и, рискуя нарваться на ураган, я решаю расспросить ее об этом человеке.

- Слушай, Реги...

Молчание. Видимо, она все еще злится. Я не обращаю на это внимания и продолжаю.

- Этот друг из твоей школы или как? Какой он?

- Угу, из старшей школы, – небрежно отвечает Реги. – Парень с именем французского поэта.

Я не стараюсь вникнуть в смысл этой фразы.

- Так это из-за него ты гуляешь по ночам?

- Не. Ночные прогулки и желание убить – это мое настоящее я. Что такого? Ты хочешь узнать, с чего я так изменилась, что ты практически обделался, когда увидел меня?

- Я? Обделался? Я не...

- Ты сам сказал, что подумал, что я убью тебя.

Ее голос словно холодная мелодия, которая завязывается на шее, оставляя на ней удушающе гладкую линию. И на секунду я задаюсь вопросом – она вообще человек?

- Видишь? Ты опять об этом думаешь. Но спи спокойно. Лишь опасность доставляет мне удовольствие, но в твоём убийстве нет ничего опасного. И все же для тебя будет лучше найти новое укрытие, Эндзе. В конце концов, удовольствие от убийства аукнется мне. Как и тебе, впрочем.

Теперь в ее голосе слышались нотки раскаяния. Черт возьми. Единственное, что у меня получается - это еще сильнее отдалить и так далекую и непостижимую женщину. Теперь я понимаю - насколько сильно я боюсь этой неумолимой женщины...

Настолько же сильно я влюбился в нее.

- Глупая. Это на тебя не похоже и ты это знаешь, – говорю я. – Ты просто расстроена. У тебя есть два варианта: хандрить или позвонить этому другу и справиться с этим вместе. Для этого и нужны друзья, а если ты не сможешь взять в руки телефон, то просто отрежешь себя от общ...

Мои слова неуклюже обрываются. Как у Реги несколько минут назад, мой рот начал побеждать разум, и я говорил все, что приходило в голову. Когда мы оба заметили странную паузу, я решил закончить диалог.

- Ну, это все, что я хотел сказать. Спокойной ночи, Реги

Я лежу, распластавшись на полу и не позволяя себе взглянуть на нее. Она что-то говорит мне, но я не слушаю и пытаюсь сбежать от стыда в сон. На сегодня, по крайней мере, я потерял всю решимость для разговоров с ней. Причина довольно проста. Когда я говорил о друзьях, которых у меня не было, я чувствовал себя самым лицемерным ублюдком на свете.

Спираль парадокса – 4

Здесь, в полуразрушенной аллее, где я впервые встретил Реги, даже шум города обращается в далекое эхо, идущее одновременно отовсюду и ниоткуда. Память о крови, пролитой тут, настолько яркая, что я даже могу вспомнить ее горький запах. Но теперь ее нет, унесена, как и все остальное, покрыта грязью аллеи и холодом октябрьского утра. Даже белые облачка воздуха, которые я выдыхаю, быстро исчезают, словно бы доказывая этот факт. Из того же всюду и нигде, где находится поток людей, я вычленяю звук часов, их тиканье, представляя себе движущиеся по кругу стрелки. Прошел уже месяц с тех пор, как я отринул дом и свою жизнь и сбежал. Но даже сейчас нет никаких видимых доказательств того, что полиция охотится за мной или хотя бы что они активно расследуют мое преступление. Каждый день я прохожу мимо окон близлежащего магазина электроники, на витрине которого телевизоры показывают новости. Я внимательно смотрю их, но там нет ни слова о моем убийстве. Та же история и с газетами, которые я краду со стоек. То, что я совершил, намного страшнее, чем обычное случайное убийство. Нет, это тот случай, который журналисты обязательно покажут в вечерних новостях, чтобы свести зрителей с ума - и не важно, что на это скажет полиция. Может быть, их не нашли? Нет, это невозможно. Но когда я думаю о телах, пролежавших в квартире целый месяц, меня начинает тошнить и разум охватывает чувство меланхолии. Я все думаю, стоит ли мне проверить их, но быстро отказываюсь от такой идеи, потому что у меня кишка тонка и потому что фараоны наверняка следят за этим местом на случай, если я вернусь. Думаю, мне ничего не остается, кроме как сидеть на обочине и ждать какого-то сигнала.

И все же, хоть раз... хоть раз я хочу увидеть это по телевизору, чтобы у меня был повод исчезнуть из жизни Реги. Как только имя Томое Эндзе станет известно обществу как имя убийцы, я начну приносить Реги сплошные неприятности, и именно в этот момент я должен перерезать те тонкие нити, что связывают нас, и покинуть этот жалкий город. Но, может быть, уже слишком поздно.

Откуда-то эхом звучит тиканье часов, и холодный северный ветер, кажется, усиливается с каждой секундой. Повинуясь ему, я покидаю аллею.

Когда я выхожу из лабиринта переулков, на дальнем пешеходном переходе я замечаю знакомую фигуру. Кто еще может носить кимоно и кожаную куртку, кроме Реги? Но еще дальше я замечаю одно едва знакомое лицо: один из парней, которые бегали за мной в ту жестокую ночь, когда я и Реги впервые встретились. Рассчитанными шагами он прячется позади Реги, стараясь не привлекать к себе внимания.

Это может плохо кончиться. Я секунду думаю, что делать, но потом тиканье часов бросает меня вперед. Я пересекаю людскую толпу и преследую человека, крадущегося за Реги. Немногим позже к нему присоединяется еще один из той компании, тот самый, который получил от Реги по голове. Не похоже, что они собираются что-то делать с ней или уже сделали. Если бы хотели, они бы провернули все вдали от любопытных глаз. Вместо этого они просто следят за ней. Удивительно, но они как будто уже занимались таким, ни единого лишнего или неверного шага. Спустя час, шоу преследующих и преследуемых заканчивается, и те двое прекращают идти за девушкой. Мне интересно, куда они пойдут, я продолжаю идти за ними, а они ускоряют шаг и направляются...

В ту же аллею, где я был час назад

Это похоже на ловушку, но для меня она или для Реги? И какова ее цель? Я не знаю. Я начинаю беспокоиться. Подбираюсь ко входу в аллею, где пространство сжимается в узкий проход, и останавливаюсь. Прислушиваюсь. Я медленно заглядываю за угол, чтобы

посмотреть, чем занимаются эти двое. И от того, что мне удастся разглядеть, я просто цепенею.

В середине аллеи стоит человек в ярко-красном длинном пальто, которое подчеркивает его стройный, высокий силуэт. Его длинные светлые волосы падают на спину. Даже с такого расстояния я вижу снисходительное, почти жалостливое выражение его лица.

- ***.

Он говорит на языке, в котором слышна сила, магия и амбиции. И хотя я его не понимаю, но каким-то образом чувствую, что человек говорит очень бегло.

Я осознаю, что за моей спиной кто-то стоит, и быстро оборачиваюсь, чтобы встретить гостя, но там никого нет. Я снова бросаю взгляд в аллею, но за тот короткий промежуток времени, который не длился и секунды, человек исчез.

Северный ветер носится по закоулку, кажется, он стал холоднее. Я дрожу и прижимаю руки к телу. Дрожь начинает усиливаться, и меня накрывает неконтрольное желание зарыдать, я еле сдерживаюсь.

В тот момент я всей кожей чувствовал конец осени, и лицом ощущал свой собственный конец.

Когда наступает ночь, я и Реги возвращаемся в ее комнату. Я рассказываю ей о том, что случилось утром. Как обычно, ее ответ краток до бесполезности:

- Правда? – выдавливает она, едва сдерживая зевок. – И?

- Не «и»-кай мне тут! Не только эти парни за тобой следили. Ты не видела иностранца в длинном красном пальто?

- Хм, классный парень, судя по описанию. Но нет, не видела.

Она быстро теряет интерес к беседе, как и всегда, когда не видит реальных или немедленных последствий. Думаю, даже если ее ошибочно обвинят в убийстве, она не обратит на это внимания. Для нее вес внешних событий менее важен, чем ее собственные чувства. Иногда мне кажется, что я сам хочу скопировать такое состояние разума, но тогда все было не так. Этот человек был реален, как и все, что я когда-либо видел. В нем было что-то «чистое», сходное с Реги Шики, и непостижимое для меня.

- Можешь хоть раз выслушать? Это не чужие проблемы. Это твои проблемы!

Мой крик каким-то образом заставляет Реги приподняться на кровати и сесть, скрестив ноги. Она посмотрела на меня, когда я изо всех сил пытался изобразить суровое лицо, и сказала:

- Ладно, поняла, это проблема. Чего я не понимаю – это почему ты так волнуешься, Эндзе.

- Я волнуюсь, потому что ты дура и ничего не хочешь слушать.

Краткая пауза

- Я не хочу, чтобы ты пострадала или с тобой что-то случилось.

Глотаю, на секунду отвожу взгляд, и после этого...

- Потому что я, блин, люблю тебя.

Раскаленная атмосфера в момент исчезает. Я сказал это. То слово, которого не должен был говорить. Которое я пообещал себе не говорить, потому что однажды мне придется уйти. Подняв бровь, будто бы наблюдая за какой-то причудливой диковинкой, Реги смотрит на меня. Проходит несколько секунд, прежде чем она наконец...

...взрывается смехом. Ее первый смешок был настолько резким, что она бы выплюнула молоко, если бы оно было у нее во рту.

- Что...

Она пытается сдержать смех, но у нее не получается.

- Что за чушь, Эндзе? Это же бред. Ты не влюблен в меня. Ты просто...

Еще одна вспышка бурного смеха

- Тебя просто загипнотизировал или еще что с тобой сделал тот парень в красном пальто.

Вспомни, я уверена, что ты вспомнишь маятник, качающийся перед тобой!

Значит, от этого вопроса она просто отшутится. Ее недоверие только провоцирует меня.

- Нет, это правда! Впервые увидев тебя, я понял, что первый раз встретил настолько реального, настолько похожего на меня человека. Но ты – ты не подделка, как все остальные. Я сделаю что угодно, чтобы ты поверила мне.

Я подхожу к Реги и кладу руки ей на плечи. Ее смех превращается в хихиканье, а после совсем стихает. Я вижу, как она переводит глаза с меня на мою руку и снова на меня.

- Понятно, – говорит она.

Внезапно она хватается за воротник и с ослепляющей скоростью, одним плавным движением, бросает как бумагу на кровать. Я смотрю вверх, а она нависает надо мной, лежит на мне. Я понятия не имею, в какой момент она достала нож, который держит в свободной руке.

- Тогда умрешь ли ты за меня?

Я чувствую, как острие ножа слегка колет мою шею, и вижу, как в глазах Реги появляется зловещий блеск. Я знаю, что вопрос не в том, умру ли я, делая что-то для нее, а в том, позволю ли я убить себя для ее удовольствия. Беспечно и равнодушно. Для нее это единственный способ показать любовь. Я боюсь, настолько сильно боюсь смерти, что мое тело парализовало страхом. Но в любом случае я в этом мире надолго не задержусь. Однажды полиция постучит в дверь, и все будет кончено. Вспомнив об этом, я говорю:

- Да. Я с радостью умру за тебя.

Едва заметная перемена, едва заметное движение брови Реги говорит мне, что я сказал что-то, чего она не ожидала услышать, и на секунду она засомневалась, ее глаза снова стали чуть более знакомыми.

- Сделай это. Убей меня. У меня все равно не очень много времени. Я убил своих родителей и это означает смертную казнь. Я лучше умру от твоей руки, а не от руки закона в петле.

- Ты убил собственных родителей?

Я все еще чувствую, как нож упирается в шею, но хватка заметно ослабла. Перед смертью я решил обнажить ужасные воспоминания просто чтобы убедить себя, что я воспользовался своим последним шансом покаяться.

- Да, убил обоих. Они были бесполезны – брали долги, о которых я не знал, и тратили все мои деньги. Я достаточно натерпелся этого дерьма, так что просто взял кухонный нож и раз за разом протыкал их. Чтобы быть уверенным. Та ночь была чертовски холодной, но внутренности... они были такими теплыми. Я чувствовал тепло, исходящее от выпущенных кишок, оно накрывало меня. Я онемел и почти сошел с ума. Мои пальцы не отпускали лезвие. Моя рука продолжала подниматься и опускаться, вверх-вниз, сама по себе. Никто бы не понял, взял я нож, чтобы убить их, или я просто хотел сойти с ума и покопаться в кишках. Никто бы даже не смог понять, убил ли их человек или зверь. Сейчас самое время разрыдаться, но не получается. Вместо этого я чувствую странное облегчение, как будто убийство моих родителей и правда выпустило меня на свободу.

- Томое, почему ты их убил?

Ее голос висит на грани жалости и любопытства. Каков ответ? Потому что я ненавидел их? Потому что от них было больше проблем, чем пользы? Тихими ночами я шепчу только ложь, чтобы смягчить мою память. Но на самом деле...

- Я боялся... сна. Сна, в котором я поздно прихожу домой с работы, ложусь на кровать. Я слышу, как ссорятся мои мама и папа, но потом шум прекращается. После этого дверь открывается, моя мать стоит в проходе, а за ней лежит покрытое кровью тело отца. Потом мать опускается на колени рядом со мной, поднимает нож и пронзает меня раз за разом. После чего перерезает собственное горло. Этот сон был настолько реален, что я думал, что и правда умер. Но наступило утро, и я точно так же проснулся. Этим все должно было кончиться? Просто однажды мне захотелось убить родителей, да? Но когда я видел это каждую гребаную ночь, каждый раз просыпался, тяжело дышал и почти кричал... Я не вынес этого. Я очень боялся той ночи, когда сон станет явью. Как-то раз я понял, что не смогу пережить сон еще раз, и сломался. Я убил их. Они не успели убить меня.

Я помню ту ночь также четко, как самые счастливые воспоминания. Я спрятал кухонный нож под матрасом, и когда мама зачем-то открыла дверь, я бросился на нее с лезвием, целился в грудь. Раз за разом я пронзал ее, словно в отместку за все те сны. И я освободился от моих бесполезных предков, от зловещего сна, ничто больше меня не связывало. Грязная, залитая кровью свобода.

- Ты чертов идиот, знаешь об этом? - откровенно говорит Реги, и это выбивает меня из моей мечты.

Она права намного сильнее, чем сама думает. Я редкий идиот, который не подумал о другом выходе. Но даже сейчас я ни секунды не жалею об этом. Пусть лучше меня поймает и бросит за решетку полиция, чем я вернусь в ту прошлую жизнь. Но пока я объяснял все это Реги, я подумал: как мог такой эгоистичный парень начать заботиться о незнакомой девушке? Это казалось какой-то ошибкой, парадоксом. Действием, на которое у меня не было права. Неудивительно, что она посмеялась над моим признанием. Но это не отменяет моей любви к ней, единственной настоящей мысли. И все же, к сожалению, оскверненной моим грехом. Когда я осознаю это, пыл страсти, который охватил меня несколько минут назад, начинает утихать. Но даже в этом парадоксе я все равно считаю убийство необходимым действием, и не жалею о содеянном.

Висящие надо мной глаза Реги кажутся ясными и далекими, она вглядывается в меня, изучает каждый изгиб губ, созданный произнесенными словами, каждый морщинку, созданную на лице непроизнесенными эмоциями.

- Ты неправильно понял свой выбор. Если ты столько времени жил с такими родителями, мог бы еще потерпеть – но выбрал простой путь. И в итоге только прибавил себе проблем. Когда я впервые встретила тебя, я думала, что ты пытаешься сбежать от того, кто ты есть. Ты был пуст. Вопрос в том, изменился ли ты с той ночи? Или ты все так же хочешь умереть, как и хотел тогда? – спрашивает девушка, которая могла бы убить меня из-за настроения.

Девушка, которой я предложил свою жизнь.

Она снова права. Еще одно противоречие. Той ночью я пытался отбросить свою жизнь, думая, что убить кого-то в пустой аллее – совершенно нормально. Но еще мне казалось, что если умру я – это тоже будет неплохо. Невыносимо было просто и бессмысленно существовать, словно заводная кукла, представляющая собой плохую копию человека. И все же я не хотел умирать, не хотел убивать себя. Этот жестокий парадокс захватил меня, разрывая на части, и то же происходит теперь: представ перед Реги, обнажив перед ней свои грехи, и все еще не готов принять смерть, глядящую прямо мне в лицо. И пусть я знаю, что жизнь - всего лишь длинный спуск к неизбежному концу. Мой конец будет просто немного раньше, немного глупее и немного никчемнее, чем у других людей. Эта никчемность – то, что я, похоже, не могу вынести. Если к этому все идет, то...

- Смерть от твоей руки будет ценнее. Реальнее.

- Может быть. А может, и нет. Единственное, что я знаю точно – это то, что сегодня ночью ты не умрешь. Не от моей руки. Мне не нужно забирать твою жизнь.

Реги убирает нож подальше от моего горла. Как кошка, потерявшая интерес к игрушке, она встает с кровати и уходит от меня, берет с вешалки куртку. Похоже, она куда-то собирается. Я не могу больше смотреть на нее.

- Скажи мне, Эндзе. Где твой дом?

Голос Реги вернулся к холоду, который я слышал при нашей первой встрече.

Забавный вопрос. Родители часто переезжали, нигде не задерживались больше чем на полгода. Наверное, это или из-за непоплаченных счетов за жилье, или из-за того, что агентства по сбору долгов искали их. С тех пор, как все это началось, я хотел настоящий, нормальный дом. Как тот, который у нас был, когда я был ребенком. Мне совершенно не нравилось скакать с места на место.

- Свалка под названием «квартира 405». А что?

- Я не об этом. Куда ты хочешь вернуться? Ну, я не удивлюсь, если ты не знаешь.

Реги открывает дверь и, не оборачиваясь, говорит:

- Чао, Эндзе. Приходи в любое время. Если захочешь.

Она выходит за дверь и, повернувшись, исчезает из вида, забирая с собой все цвета в комнате, оставляя тоскливую атмосферу. Несколько минут моя заржавевшая душа осматривает комнату, в которой я провел последний месяц своей жизни, прежде чем я решаю уйти и отделить себя от скучной монохромности.

Парадокс спирали – 1

И вот наступила зима.

Мне бы хотелось, чтобы лето длилось чуть дольше, чем выделил в этот раз год, но и сам город задолжал осени. Даже сейчас, когда я смотрю из окна офиса на нависшее над городом небо, кажется, что оно переполнено снегом, готовым вот-вот обрушиться на нас. Это кажется неправильным, словно кто-то перемешал порядок вещей и времен года, оставляя лишь незначительный след осени, которая наступила где-то в сентябре и закончилась в ноябре быстрее, чем это успели заметить.

Тогда, в октябре, мой родственник вытащил меня из города и записал в школу вождения, которую он держал где-то в глуши Нагано. Это был какой-то «водительский лагерь», где ты оставался на три недели и завершал курс обучения быстрее, чем в большинстве водительских школ. Меня немного раздражало, что придется покинуть этот прекрасный город на целый месяц, но с учётом того, что я не мог отказать просьбе родственника и, кроме того, мой босс, Токо-сан, дала мне своё благословение - выбора у меня особо и не было. Та школа больше походила на военный лагерь, но после трёх недель этого жалкого бреда я вернулся на родину и, надеюсь, надолго.

- Полное имя: Микия Кокуто, – читаю я вслух с водительских прав.

Они меньше, чем кредитная карта, и тем не менее содержат всю нужную информацию обо мне: имя, адрес, дату рождения, а еще мою уродливую фотку. Самая безобидная, общая форма идентификации, которая может быть у человека.

- Что вы думаете об этих правах, Токо-сан?

На кровати в углу комнаты лежит Токо-сан. Я не ожидал, что она ответит, но...

- Контракт, – говорит она в своём обычном непонятном стиле.

Она слегла с очень сильным гриппом, из-за которого её температура поднялась до 38 градусов, поэтому сейчас лежала в кровати. И даже так она казалась неукротимой и бдительной как всегда, доказывая, что даже грипп не может заставить ее уснуть на рабочем месте. Ну, или, может, она проголодалась, с учётом того, что сейчас полпервого. Несмотря на то, что окно закрыто, в комнате всё равно холодно, и этот сквозняк не дает расслабиться. Может быть, это потому, что мы на четвёртом этаже, в комнате Токо-сан - комнате, где я нечасто бывал. Я подвинул кресло к окну и кровати, так, чтобы можно было присматривать за ней. Глядя на свои права, я размышляю о сплошном невезении: после трёх недель вождения (что, прошу заметить, вовсе было не так интересно, как это кажется на первый взгляд) единственное, что меня ожидало по возвращении сюда – это молча дующая Шики и больная Токо-сан. Хотя они и говорят, что за время моего отсутствия их отношения стали лучше, но достаточно узнать о категорическом отказе Шики помогать Токо-сан или о том, как она говорит: «Пусть у тебя от гриппа мозги расплавятся!» ей прямо в лицо... Кажется, все осталось как прежде.

Полное имя той капризной личности – Рёги Шики, девушка, чья манера разговора в сочетании с неопределёнными чертами лица может запутать людей. Та, что лежит рядом со мной с мокрым полотенцем на лбу – Аозаки Токо-сан, мой босс в компании, на которую я работаю. Но помимо Токо-сан, я единственный работник в этой «компании», так что слегка неправильно называть её так. Она, грубо говоря, гений, и, как часто бывает с гениями, ей недостаёт хорошей компании. Кажется, она не вылезала из кровати весь день, но и не спала. Я думаю, что это такой повод уклониться от работы, и грипп тут ни при чем, хоть она и ругала себя за то, что не сделала прививок в этом году. Я советую ей встать и пойти к врачу вместо того, чтобы валяться здесь, но меня она будет слушать в самую последнюю очередь. Она сказала мне, что маги – люди упрямые, и будучи магом, она, возможно, одна из самых упрямых среди них. Именно из-за этой гордости она не может пойти к врачу, не может смириться с идеей отдать себя в руки другого «эксперта». Так что мне пришлось отложить встречу с Шики и позаботиться о Токо-сан.

- Контракт, – повторяет она свой безразличный ответ и нащупывает очки. Её длинные рыжие волосы, обычно собранные в хвост, сегодня распущены. В нормальных обстоятельствах вы бы первым делом заметили её суровый, может, даже слегка зловещий характер, но сейчас я вижу, насколько она привлекательна. Ещё немного - и я мог бы принять её за другого человека. Она продолжает беседу, чтобы не уснуть:

- Это, – указывает она на мои права. – Вариант контракта насчет того, что ты научился водить. Все встало с ног на голову. Теперь учишься не чтобы научиться. Учишься, чтобы получить оценки. И как только ты получил их, значимость всех знаний тут же исчезает. Просто ты выучил что-то на определённом поверхностном уровне. Просто контракт. Спутанные причина и следствие. Парадокс, да?

Она приподнимается, прислоняясь к спинке кровати, а я отвечаю:

- Но разве не для этого нужны результаты? Все учатся по своим причинам.

- Конечно, обратное тоже верно. Сейчас всё дошло до того, что цель и результат, действие и позыв могут поменяться местами. Есть люди, которые садятся за руль сразу, как только получили права. Есть те, кто получают права, уже научившись водить, и играючи сдают экзамен.

Обычно Токо-сан в очках очень вежливая, но сегодня, видимо, из-за жара, она ещё вежливее. Я давно научился ценить эти редкие моменты. Обычно она использует последнее предложение, чтобы указать на себя – учитывая, как она настолько легко сдала теорию и практику, что экзаменатору оставалось только глазеть и фыркать на неё – чтобы подчеркнуть своё превосходство. И все же без историй о ее прошлом как-то неуютно, поэтому я напоминаю ей:

- Насколько я знаю, вам уроки вообще не понадобились, Токо-сан. Представить, как вы идете в автошколу...

...Я не могу. Это напрягает. И забавляет.

Чувствуя несказанные слова, Токо-сан очень угрюмо смотрит на меня.

- Ладно тебе, Микия. Я тоже была ученицей, и нет ничего необычного в том, что я ходила в одну из них. Ты как будто считаешь, что у меня четыре уха и хвост.

Она хмурит брови и раздраженно закрывает глаза. Я никогда об этом не думал, но Токо-сан ведь тоже была подростком. В голове сразу появляется непрошеное изображение чопорной ученицы Токо-сан, и я сглатываю, а сердце пропускает удар - и не могу понять, оттого ли, что это смешно или оттого, что страшно.

- Простите, Токо-сан, но мой мозг подсказывает, что вы из другого измерения.

- О, вот оно как. Ты показываешь свою истинную натуру, только когда меня сразил вирус. Я хмыкаю, поскольку все шутки обычно направлены на меня. Я должен как-то восстанавливать равновесие сил.

Встаю, чтобы поменять полотенце у неё на лбу, и это вызывает у неё автоматическую реакцию:

- Я хочу есть. Иди. Приготовь чего-нибудь.

Увы, но ее завтрак уже давно переварился.

- Нам придётся заказать еду. Удон с яйцами из Конгецу устроит?

- О-о-о, нет. Я уже столько его съела, что точно знаю, сколько надо дунуть, прежде чем он остынет. Давай, Микия, просто приготовь что-нибудь. Ты счастливый холостяк и живешь один. Ты ведь чем-то питаешься?

Я бы хотел взглянуть в глаза тому, кто популяризовал эту сомнительную истину. Я пожимаю плечами, когда Токо-сан смотрит на меня в предвкушении вкусного обеда, который удовлетворил бы любого гурмана, и открываю ей жестокую правду:

- Ну, если вы не хотите лапшу, то ничем не могу помочь, Токо-сан. В худшем случае, вы получите что-то быстрозамороженное из рациона ученика колледжа, в лучшем - обычные макароны. Если вас это устраивает, то считайте, что я уже на кухне.

Она хмурится.

- Что насчёт того супа, который ты сделал утром? Он точно был не из магазина.

- Все благодарности Шики. Она нечасто готовит, но японская кухня у нее довольно неплохо получается.

Токо-сан издаёт тихий звук, думаю, означающий удивление. То, что Шики умеет готовить, не такой уж большой сюрприз. Она была избалованным ребёнком семьи Рёги, известной своим традиционным... эм-м, всем. И её склонности должны быть похожи. Она ест почти всё, но я думаю, это только потому, что она научилась прощать плебейский вкус еды, которую все, кроме неё, готовят. Когда она готовит, она находится на уровне, который сама может назвать достойным, так что естественно, что она так хороша в этом.

- Удивительно, что Шики согласилась сделать что-то для меня. Но учитывая, как хорошо она управляется с ножом, неудивительно, что она может использовать его для чего-то кроме драк.

Она разочарованно вздыхает.

- Ну, раз ничего не поделаешь, как насчёт того, чтобы принести мне лекарства?

Обиженно приняв то, что она не получит бесплатный обед, Токо-сан ложится в кровать. Я подхожу к её столу, чтобы взять три пузырька, но что-то привлекает моё внимание. Это фотография, стоящая на крышке стола, на которой изображена не Япония. Булыжная мостовая обрамляет картину снизу, а на фоне находится знаменитая часовая башня. Небо, попавшее в кадр, выглядит таким же серым, как и то, что висит сейчас над нами, и в центре, рядом друг с другом, стоят три человека - двое мужчин, одна женщина. Оба мужчины внушительного роста, но только один из них похож на японца. Другой выглядит так, словно чувствует себя как дома, без единой нотки несоответствия или дискомфорта. У японца безжалостные черты, которые даже на фотографии вызывают уважение. Его лицо частично затемнено, но недостаточно, чтобы скрыть его внешность, и я чувствую какое-то беспокойство, как будто он может выскочить из фотографии чистой силой присутствия. Моя грудь сжимается при мысли о том, что я его уже видел. Заставляет думать о той дождливой ночи, которую я никогда не забуду.

По мере того, как я приближаю лицо к фотографии, чтобы получше рассмотреть его, моё внимание притягивается к чему-то иному. Между японцем в чёрном плаще и светловолосым, голубоглазым мужчиной в красном пальто стоит молодая девушка. На фоне её иссиня-чёрной гривы плащ японца кажется бледным. Ее волосы доходят до её талии. Она выглядит спокойным, блистательным подростком, кажется, рождённым при скрещивании скрытого цветка, выросшего во тьме, и внешности доброжелательного духа.

- Токо-сан, – невольно начинаю я. – Что это за фотография?

Я слышу скрип кровати, когда она поворачивается ко мне, но не оборачиваюсь, поглощённый изображениями на фото.

- О, это? Это... старые друзья. Я начинала забывать их лица, так что достала фотографию из старого альбома. Это из тех времён, когда я была в Лондоне – в том месте, которое стало свидетелем моей первой и единственной ошибки.

Я не могу не заметить, что голос Токо-сан изменился, и быстрый взгляд на неё подтверждает, что очки на ней не надеты, а лежат на столике у кровати. Хотя она утверждает, что меняется только характер, а не личность (в отличие от другого моего старого друга), с моей точки зрения между этими понятиями немного различий. Токо-сан без очков, одним словом, холодная – речь, мысли и действия только подтверждают это. Несмотря на то, что я работаю тут несколько месяцев, я так и не смог привыкнуть к такому.

- Когда же это было? – задумывается она. – Примерно тогда моя сестра пошла в старшую школу, так что как минимум восемь лет назад. Никогда не могла запомнить лица парней на этих фото. Должно быть, это какой-то знак.

Она отворачивается от меня и ложится, обратив лицо к потолку, как будто проговаривание слов вслух поможет ей вспомнить. Нечасто видишь её, предающейся воспоминаниям, как и нечасто увидишь её больной. Короче говоря, я такого никогда не видел. Должно быть, грипп и вправду сильно вредит ей.

- Стоп, Лондон? Тот самый Лондон? – спрашиваю я, ставя три пузырька с лекарствами на прикроватный столик, придвигаю стул поближе и сажусь рядом с ней.

Она замолкает, чтобы засунуть несколько таблеток в рот, потом ложится лицом вверх и продолжает.

- Ага, тот самый Лондон. Я сбежала от деда, и, хотя я смогла урвать немного денег в процессе, этого едва хватало на выживание. Для начинающего мага вроде меня, у которого не было достаточно ресурсов или опыта, чтобы создать свою собственную мастерскую, не было другого выбора, кроме как утереть сопли и обратиться к Ассоциации. Это что-то вроде университета, со всей старостью, убожеством и академическим снобизмом. И всё же я не могла жаловаться. Она скрыта в британском музее, вдали от любопытных глаз. Там я нашла целый клад неожиданных чудес. Токо-сан рассказывает об этом так, словно она не только раскрывает мне историю, но и напоминает себе о полузабытых временах. Пока она говорит, я замечаю, что она чуть бледнеет. Когда я перебиваю её, чтобы сказать, что она могла принять не то лекарство, она только отмахивается от меня.

- Ладно тебе, Кокуто, это редкая возможность для тебя услышать что-то подобное, так что дай мне поговорить ещё немного. Посмотрим... было довольно странно для двадцатилетней девушки учиться за границей, особенно учитывая, что у Аозаки есть... прошлое, связанное с Ассоциацией Магов. Я решила изучать руническое искусство, поскольку знала, что им почти никто не интересовался, и Ассоциации нужны были исследователи. Мне понадобилось два года, чтобы понять, что я сделал всё, что могла для их коллегии, и ещё два для меня, чтобы добраться до оригинальных рун Общества Туле. Это тогда я впервые получила свою мастерскую вдали от Ассоциации и их любопытных глаз. В то время я была захвачена работой всей жизни по созданию кукол – и встретила его. У него были интересные данные: монах какой-то секты Таймицу или что-то типа того, с очень сильным желанием получить знание и великую тайну. Он горел энтузиазмом, был почти одержим, как адский огонь, обретший плоть. По большей части, он отталкивал людей, и несчастья, казалось, следовали за ним повсюду. Он никогда не умел нормально колдовать, но в его познаниях тайных искусств никто не сомневался. В чём-то он мне даже нравился.

Токо-сан сужает глаза, во взгляде читается ненависть. Она точно видит сейчас этого человека. Но во взгляде читается и жалость. Я едва понимал её бормотание, хоть и бормотал «угу», чтобы не злить её.

- Так вы научились делать кукол за границей? – спрашиваю я, чтобы заполнить пустоту, но понимаю, что этот вопрос просто до смешного не к месту. Токо-сан только кивает. Я не против того, чтобы послушать её болтовню, но хочу все-таки понимать, о чем она говорит. Поэтому я думаю, что, может, ей лучше поговорить о таких вещах с Шики или Азакой и не вмешивать меня, но Токо-сан, подгоняемая жаром, меняет тему посреди диалога.

- Писатель однажды сказал: «Творец знает, что достиг совершенства не тогда, когда ему нечего добавить, а когда, когда ему нечего убрать». Это я и пыталась сделать, когда создавала кукол. Я пыталась создать идеального человека, дойти до неопишуемого ‘ ‘. Человек, о котором я рассказывала, пытался сделать то же самое, только вместо плоти он использовал душу. Он жил, чтобы решить проблему невидимого кота в коробке, пойти дальше определённой истины коробки и увидеть невидимую душу ‘ ‘ внутри. Это напоминает ту давнюю чушь одного психиатра о «коллективном бессознательном». Он думал, что сможет достичь Истока, если будет просто следовать за крошками, маленькими знаками, оставленными для нас. Мы оба пытались достичь Истока, бесконечного потока, являющегося источником всего человечества. Сейчас люди разделены по расам, умениям и происхождению, и одни называют это причинностью, а другие – судьбой. Это формула, которой ты можешь управлять - добавь эту способность, добавь ту черту, и чудо детерминистических исходов даёт тебе жизнь, рождённую из генетического чертежа,

предсказуемого, как существо Лапласа. Это смешно, и если хочешь называть это судьбой - да будет так. Мы слишком много о себе возомнили в бесконечном человеческом желании всеислия. Четыре основы, содержащие спиральную структуру человечества, так просты и одновременно так сложны в своей спиральности, которая постоянно разрастается до тех пор, пока мы не попадаем в парадокс нашего собственного создания - парадокс, который невозможно увидеть. Поэтому и люди, и маги никогда не достигнут такого желанного Истока, так что я решила создать собственный. Но это было бесполезно. В свои попытки я вливала кровь, пот и слёзы, но не смогла сделать Платонического человека - только идеальную себя.

Она останавливается на несколько секунд и вздыхает. Я заметил, что вся её речь шла на одном дыхании, речь, которая звучала так, как будто говорящий понятия не имел о знаках препинания. Цвет возвращается к её лицу, несомненно благодаря лекарствам, но глаза, глядящие в пустоту, сохраняют свой тусклый вид. Она добавляет последнюю деталь: - Подумать только, этот ублюдок всё ещё пытается это сделать. Я знаю, что он был выброшен своим ментором за попытки найти Исток человека. Он был упрямым сукиным сыном. Я надеюсь, Кокуто, что ты никогда не встретишь этого человека. Если такое случится - убегай. Как можно быстрее.

Из последних сил, Токо-сан тихо ложится на кровать и закрывает глаза. Секунда, и она уже спит, её грудь вздымается и опускается в такт дыханию.

Это было... круто. Что за интересные лекарства, от которых она сначала вот так болтает, а потом удовлетворённо засыпает? Я заменяю полотенце у неё на лбу последний раз и покидаю комнату как можно тише, чтобы не побеспокоить её. Выхожу из её комнаты в пустующий офис. Только далёкие стальные звуки с соседних фабрик врываются в это одиночество. Пока пронзительное эхо карабкается по моей коже, я думаю, что не смогу исполнить просьбу Токо-сан. Есть лёгкое, скребущееся в уголке сознания чувство, маленькая черточка, которая подсказывает, что я уже встречал этого человека два года назад. Хотя я не могу быть уверен, что именно человек на фотографии спас меня в ту ночь.

Память о той ночи, непонятная личность человека, слова Токо-сан – шесть разных головоломок, которые я пытаюсь собрать из перемешанных кусочков. Мирная атмосфера, только что хозяйничающая в комнате, уступает место беспокойству - усиливающемуся в голове и скользящему по позвоночнику.

Парадокс спирали – 2

На следующий день в полдень, восьмого ноября, погода всё ещё не намерена менять её пасмурный оттенок, и такой же мрак царит в офисе, где нет ни одной лампы, которая разогнала бы темноту. Офис на самом деле довольно большой, хоть и завален разными оккультными безделушками и вещами из коллекции Токо-сан. Но даже с учетом этого, офис все еще слишком большой. Столов хватит на десять человек, есть даже диван для неожиданных гостей. Конечно, бетонное покрытие пола нагоняет только тоску (если не считать разбросанных артефактов и книг, которые его совсем не украшают), и стены выглядят также, но если бы у нас было достаточно работников, чтобы занять все эти столы, то здесь поселилась бы почти приличная и продуктивная рабочая атмосфера

К сожалению, лишь три человека занимают это пустое место. Стол Токо-сан у окна, но её самой нигде не видно. Благодаря чудесам современной медицины, грипп Токо-сан исчез, как только она проснулась, и на радостях она мгновенно выскочила на улицу, оставив меня работать. Сегодня я должен заказать некоторые материалы, которые нужны для её выставки в следующем месяце. Ориентируясь по написанному ей списку, я составлял свой собственный лист людей, у которых смог бы купить всё необходимое по дешёвке. Токо-сан обычно не занимается такой нудной работой, предпочитая просто появиться и начать продавать. Но я думаю, за этим она меня и наняла. Большую часть утра я просидел со списком в одной руке и телефонной трубкой в другой, договариваясь о ценах и повторяя этот процесс со следующим поставщиком, и так далее по бесконечной цепочке.

Пока я разбираюсь с проблемами и пытаюсь понять, на самом ли деле я занят или просто упорно прикидываюсь, в комнате сидят ещё два человека. Одна из них, Рёги Шики, чьё кимоно ни с чем нельзя перепутать, сидит на диване с выражением вселенской скуки на лице.

Другая, юная девушка в чёрной школьной форме, сидит на стуле за самым дальним от меня столом, в другом углу комнаты. Тёмные волосы девушки льются по спине, зовут её Азака Кокуто, она моя сестра, которая сейчас учится в первом классе старшей школы. С ранних лет она не отличалась хорошим здоровьем, так что, когда ей было десять лет, родители решили увезти её из города и доверить родственнику. С тех пор мы видели друг друга лишь несколько раз. Если мне не изменяет память, то последний раз это было на Новый Год в мой первый год старшей школы. Я помню, что тогда она была ещё совсем ребёнком, так что я был сильно удивлён, когда увидел её этим летом. Похоже, окружающая среда очень влияет на человека. Ей явно нравится стиль воспитанной, состоятельной девушки, и она сама стала очень активной. Не осталось ни намека на ту болезненную, хрупкую девочку.

Я бросаю взгляд на Азаку. Рядом с ней лежит открытая книга, достаточно толстая, чтобы вызвать сотрясение мозга, если воспользоваться ей как оружием. Её глаза скачут между книгой и листом, на который она что-то копирует - упражнение, которое оставила для неё Токо-сан на время своего отсутствия. Пока таинственные слова Токо-сан висят в моей голове, один вопрос не дает мне покоя.

- Микия, Токо-сан взяла меня в ученицы.

Она сказала про это около месяца назад, и я пытался её отговорить, но с новообретённым упрямством она просто проигнорировала меня. Блин, я считал, что моя семья абсолютно нормальная и скучная, ну почему в ней должен появиться эксцентричный волшебник?

- Азака? – решаю я оторваться от поцелуев с трубкой и зову её. Она заканчивает упражнение последней твёрдой чертой, прежде чем поднять на меня глаза. Хоть она и молчит, её спокойное, вежливое поведение, кажется, подсказывает мне, что я могу продолжать. – Я знаю, что у тебя выходной, потому что в твоей школе празднуют День Основания, но напомни, почему ты решила поехать в Токио?

- Тебе правда стоит почаще бывать дома, Микия. Может, тогда мы сможем поговорить за ужином, как нормальная семья, – она прочищает горло, прежде чем продолжить. – Общежития подождли, и их пришлось закрыть на ремонт. Они попросили всех, кто живёт неподалёку, временно перебраться домой, да и мама решила, что так будет лучше. Она отвечает со спокойствием, напоминая о главе ученического совета старшей школы – и это не только в хорошем смысле слова.

- Всё общежитие сгорело?

- Нет, только восточное крыло. Судя по всему – там жили ученики первых двух курсов. Чтобы все это не попало в новости, школа замяла дело.

Интересно. Женская академия Рейен известна воспитанием маленьких детей из самых влиятельных семей страны, и у них точно есть средства, чтобы СМИ не лезли куда не надо. Это было бы сильным ударом по школьной репутации... особенно если поджог осуществил ученик, на что и намекает Азака...

- Дорогой братец, я надеюсь, ты не слишком много думаешь об этом? – её глаза сужаются, когда она пытается прожечь во мне дыру взглядом.

В связи с некоторыми неприятными обстоятельствами, случавшимися летом, Азака не любит, когда я лезу в опасные ситуации. Молчаливая холодная война начинается в этом месте наших диалогов, но я решаю обойтись без неё.

- Боже упаси, Азака, конечно же, нет. Но ладно. Чем ты там вообще занимаешься?

- Ничем таким, что могло бы касаться тебя.

- О, я думаю, это меня всё-таки касается. Как, по-твоему, я буду объяснять, что ты собираешься стать... магом, волшебником, не знаю, как вы сами это называете! Как ты объяснишь это отцу, а?

- Так ты всё-таки собираешься показаться дома.

Чёрт. Подловила. Маленькая вредина знает, что я не могу вернуться домой после того большого скандала между мной и моими предками.

- Вообще-то между магом и волшебником есть разница. Ты так долго работал на Токо-сан и до сих пор этого не знаешь?

Хм, теперь, когда она напомнила, я вспоминаю, как Токо-сан говорила что-то такое. Что-то насчёт того, что лучше представляться волшебником для непосвященных, потому что это звучит таинственно и им это нравится, но эти два понятия означают абсолютно разные вещи. Как-то так.

- Да, слышал пару раз ее лекции, но по сути-то они одинаковые? Оба используют ту подозрительную магию, о которой всегда говорит Токо-сан.

- Вообще-то нет. Магия однозначно исходит из консенсуса, но все равно это просто способ сделать то, что уже было возможно, логически невозможным способом. Например...

Она встаёт и подходит к столу Токо-сан, доставая нож для писем, любимый нож Токо-сан, которым она часто пользуется. Заметив кусок бумаги, она что-то вырезает на нём ножом. Через секунду от него начинает валить дым и он медленно сгорает.

Я смотрю за всем шоу, не произнося ни слова. Токо-сан однажды делала нечто похожее (хоть и масштабы были побольше), но у меня нет слов, когда я смотрю, как это делает сестра. Думаю, я представлял этот момент с тех пор, как она сказала, что стала учеником Токо-сан.

- Прости, но я должен спросить... здесь есть какой-то фокус?

- Конечно. Для того, кто об этом не знает, это может выглядеть невероятно, но если ты задумаешься, то заметишь, что в этом нет ничего особенного. Ты мог бы сделать то же самое дешёвой зажигалкой. Не важно, делаешь ты это с помощью зажигалки или

собственных пальцев – ты все равно зажигаешь огонь, верно? И теперь не так таинственно. В этом и есть суть магии.

Судя по всему, магия – это замена технологии. Но с учётом того, что говорит Азака, лучше сказать, что это технология замена магии.

- Или, например, создание дождя, – продолжает она. – Его можно вызвать и магией, и технологией. Единственное различие в способе, но количество потраченных усилий будет примерно равным. Может показаться, что маг делает это мгновенно, но ты просто не знаешь, что для этого было сделано много приготовлений. Когда-то это могло казаться чудом, но времена меняются, точно также, как когда-то казалось невероятным превращение целой деревни в пепел, а сейчас есть ракеты, способные сделать то же самое. Может, этот способ даже более эффективен. Магия лишь делает то, что ты не можешь сделать сам, но что в принципе возможно, что делает ее очень незаметным. Это не чудеса. Чудеса – это лишь те вещи, которые невозможны для человечества, вещи, которые нельзя сделать, не важно, сколько денег и времени ты в это вложишь. Тех, кто могут сделать невозможное возможным, мы называем «волшебниками» и то, что они могут – это не просто дешёвые фокусы, вроде магии, а Волшебство. Истинная Магия.

- Так в прошлом было больше волшебников, чем магов? У них же не было зажигалок или ракет.

- Верно, и из-за этих ужасающих способностей люди боялись их. Но теперь всё иначе. Всё изменилось. Магия стало почти ненужной, и волшебство медленно исчезает день за днём. Подумай, не осталось почти ничего невозможного для человечества. Потому осталось всего пять настоящих волшебников.

Её голос становится тише от непонятной мне печали.

Единственное, что для человечества остаётся невозможным, это управление пространством и временем, но с развитием технологии мы сможем и такое, и магия останется лишь увядающим воспоминанием. То, как Азака рассказывает про это, напоминает мальчишку, однажды очарованного чудесами науки, но затем ставшего учёным и обнаружившего абсолютную банальность всего вокруг.

- Тогда остаётся надеяться, что последнее волшебство подарит всем счастье.

Я хотел добавить чуть оптимизма, но эффект оказался слабее, чем я рассчитывал, судя по тому, как она замолкает, бросает на меня взгляд, который обычно бросают на деревенского дурачка, а затем отворачивается от меня.

Тихо посмеивается.

- К сожалению, даже если это и так, Микия, сейчас очень немногие обладают способностями к волшебству. Я никогда не хотела стать волшебником. Мне хватает простого изучения магии для моих собственных целей.

- Ух ты, целишься на что-то меньшее? Это на тебя не похоже, Азака.

Азака качает головой и цокает языком.

- Позволь мне напомнить, что магию не стоит недооценивать. И, кроме того, она некоторое время была частью настоящего Волшебства. Только из-за развития человеческой технологии и существует магия. Лучше сказать по-другому. Дело не в том, что я не хочу изучать Волшебство. Я не могу. Маги – отпрыски длинных, бережно хранимых династий, бывших в прошлом учёными и передающими свои знания следующему поколению, которое в свою очередь повторяет эту бесконечную задачу вознесения. Так получилось, что я не являюсь частью одной из этих династий. Токо-сан сказала однажды, что она была в шестом магическом поколении, и что её третье поколение породило магического гения, так что, несмотря на возраст, у неё отличная фора из-за того, что она родилась в семье с историей. Для кого-то вроде меня это сложнее.

- Блин. Мир впереди тебя полон трудностей.

Все так же, как в обычном мире: люди, у которых много высокопоставленных родственников и куча унаследованных денег, имеют лучшие возможности. Но...

- погоди минутку. Тогда как ты можешь стать магом, если я знаю, что наша семья никогда не притрагивалась к оккультизму?

- Да, Токо-сан тоже это говорила, – отвечает она, надув губы. – Но ещё она сказала, что я одна из тех немногих, у кого это появляется случайно. Она сказала, что у меня очень хорошо получается поджигать, так что...

Её голос снова стихает.

Мне интересно, что это за «собственные цели» для обучения. Потому что я знаю, она вполне могла поджечь общежитие.

- Разве не ты только что сказала, что не извлечёшь много выгоды из одного поколения обучения? Не лучше тогда перестать стремиться стать магом и попробовать найти реальную работу?

Особенно с учётом того, что сегодняшний рабочий климат строже, чем когда-либо, хотел добавить я, но воздержался, не стоит провоцировать её ещё сильнее.

Рот Азаки начинает открываться, она хочет возразить, но её прерывает звук удара и шагов.

- Не обращай внимания на то, как он рассуждает о деньгах, Азака. Тебе предложат работу ещё до того, как ты сама начнёшь думать об этом. Подожди пару лет, и можешь стать даже куратором музея.

Звук удара был от открывшейся двери, а шаги принадлежали вернувшейся Токо-сан.

Она шла так уверенно, что вы бы никогда не подумали, что только вчера она была больна. Она идёт к своему столу и, сняв пальто, вешает его на стул, после чего занимает своё обычное место за столом. И я, и Азака замечаем, как она хмурит брови, видя, что нож для бумаги лежит в другом месте.

- Азака, что я тебе говорила о том, почему нельзя слишком сильно полагаться на инструменты для использования магии? На пользу твоим умениям это не пойдёт. Или ты просто хотела устроить шоу для Кокуто и не оплошать, а?

Секунду она молчит.

- Я сожалею.

То, как она отвечает со всей честностью, даже когда щёки светятся от смущения – мне это очень нравится.

- Что касается тебя, Кокуто, довольно необычно слушать о таком из твоих уст. Я думала, тебя магия не интересует.

- По-вашему, когда моя сестра вот так поджигает бумагу, мне будет все равно?

- Именно, – смеётся Токо-сан.

- В любом случае, Токо-сан, вы помните о том, что было вчера?

- Ничего после того, как я выпила лекарства. Не говори мне, что я рассказывала что-то неприличное, – она снимает очки и с интересом поднимает голову.

- Эм... нет, все в порядке.

- Ну ладно, – говорит она, пожав плечами, и достает сигарету и зажигалку.

Она затягивается перед тем, как продолжить:

- Теперь, Азака, мы должны поговорить насчёт того, что можно и нельзя рассказывать Кокуто. Скрытность и незаметность – лучшие инструменты мага, не забывай об этом. Ну, я думаю, поскольку это Кокуто, в этот раз я могу закрыть глаза.

- Не нравится мне, как это звучит, – громко вставляю я.

- Тихо, – шипит на меня Токо-сан и машет рукой. – Я только о том, что ты должен понимать, о чём можно говорить с разными людьми. Ты же не будешь говорить о магии с обычным человеком? Понял? Молодец! Кто бы мог подумать, что я такое скажу?

- Спасибо... наверное. В любом случае, вы так говорите, как будто то, что обычные люди знают о магии, не лучшим образом сказывается на бизнесе.

- И даже больше. Магия в чём-то... теряет смысл. Или скажу по-другому. Ты знаешь, откуда происходит слово «тайна»? – она наклоняет голову к столу, обхватив её сзади руками. В её глазах видно озорство, которое всегда искрит там, когда она снимает очки.

- Я не уверен, но, по-моему, из Греции, верно?

- Угу. Происходит от греческого глагола «*mūein*», означающего «закрывать». Дальше он превратился в «*mustērion*», означающего «тайный обряд». Оба подразумевают скрытную природу и некоторые отшельнические качества. Это точное отражение лучших качеств мага. Они занимаются этим потому, что факт того, что тайна является тайной, даёт ей смысл и значение. Реальность имеет дело с верой. Достаточно много людей верит, что магия исчезла, практически мертва и так оно и есть. Маги знают об этом, но всё же гонятся за своим искусством – именно это даёт им силы переделывать реальность по своей воле. Это самый болезненный парадокс для магов - они не могут позволить магии умереть, но слишком много магов умертвят ее, сделают ее обыденностью. Без тайны и столкновения веры и неверия, магия и общество, берущие свои силы из одного источника, ослабнут, и то же самое случится с магами всего мира.

Хотя я как обычно не могу понять всего, что говорит Токо-сан, я думаю, что на самом деле понимаю основную суть. Если секретность и таинство – их лозунги, то я могу понять, почему она недовольна тем, что Азака демонстрировала магию передо мной.

- То есть вы используете магию только там, где вас никто не видит, Токо-сан?

- Нет, даже там не использую, – говорит она, затушив сигарету в пепельнице. - Ну, если это будет дуэль, выбора у меня не останется. Но хороший маг знает, как использовать магию, не замарав рук. А умный маг знает, что лучше не пользоваться магией, если есть другой выход. А он часто есть. Кроме того, все маги помешаны на этом. Когда в средневековье маги организовали Ассоциацию и начали регулировать обучение магией, они знали, что с прогрессом науки магия сама истлеет. Так что они спрятали ее, сделали ещё более тайной, чем прежде, так что только несколько избранных смогли там обучаться. Они контролируют все утечки, которые находят, и строго карают их: за тобой высылаются убийцы Ассоциации, если ты вовлекаешь не-магов в демонстрацию магии. Наверное, именно это является источником распространённого мифа о том, что волшебник теряет силу, если открывает свою природу людям. Каждое использование – это риск обнаружения, и вскоре многие маги научились применять магию только когда это было действительно необходимо. Поскольку Ассоциация контролировала многие священные земли с богатыми маной жилами городов, они монополизировали большое количество материалов, необходимых магам для любых серьёзных исследований. Немногие отступники, которым не нравились их указы, сами себя поставили в крайне невыгодное положение. Типичная демонстрация силы большинства.

- Эм... Токо-сан, – вмешивается Азака с явным беспокойством в голосе. – Это значит, что мне однажды придётся отправиться в Ассоциацию?

- Ну, не то чтобы тебе *придётся*, но ты точно будешь учиться там быстрее. Но даже тогда никто не будет останавливать тебя, если ты захочешь бросить все на полпути. Хотя может показаться, что Ассоциация контролирует твою жизнь намного сильнее, чем хотели бы большинство магов, на самом деле это не так.

- Но разве сокрытие магии становится не бессмысленным? Ведь любой случайный маг может уйти и рассказать об этом, так что...

Хотя Азака заканчивает уклончивым тоном, Токо-сан кивает.

- Это так. На самом деле большинство людей поступают туда и хотят научиться немногим трюкам, а потом сбежать. Но как и желание посмотреть мыльные оперы с иронией, это долго не продолжается. Даже обычного объёма материала, который предлагает Ассоциация, достаточно, чтобы заставить их остаться. Для серьёзного мага учёный подход к магии превыше всего. Вообще, использовать ее – это последний выход. Исследование ведёт мага к великим тайнам и, со временем, к знанию. Однако, у тебя явно отличная от большинства магов цель, Азака, так что я думаю, Ассоциация для тебя будет только ядом. И всё же, если ты вдруг надумаешь заняться этим всерьёз, Ассоциация никуда не денется.

Азака благодарно вздыхает и опускает взгляд, который к моей радости говорит, что в ближайшее время она никуда не собирается. Обучаться магии – это одно, заставлять её учиться в каком-то эксцентричном университете – это то, с чем я точно не смирюсь

- Время вопросов, – раздаётся ленивый голос с дивана. – А друг от друга маги тоже имеют секреты?

Шики, которая до этого момента тихо сидела и изучала пейзаж (да и сейчас она продолжает этим заниматься), неожиданно подаёт голос. Я думал, ей на все это было плевать, но кто я такой, чтобы понимать, кого что волнует.

- Ну... да, – с сомнением отвечает Токо-сан. – Это очень раздробленное окружение, так что ты обычно не рассказываешь о своих целях до тех пор, пока не передашь эти знания наследнику. Секретность в крови, и секреты - наша сила.

- То есть вы исследуете, чтобы получить больше силы, которой не можете воспользоваться? Вы исследуете ради ... ещё больших исследований? Видимо, я просто не могу понять смысла такой жизни, Токо. Как по мне, так все маги работают ради чистой цели в виде большого жирного нуля.

На секунду Токо-сан горько улыбнулась.

- Забавно, что то, о чем говоришь, это и есть цель магов. Кто-то называет её «спираль истока». Другим больше нравится звучание «Записи Акаши». Великая масса небытия. Не важно, как ты это назовёшь, это их цель. Это то, с чего всё началось. И если ты знаешь, откуда всё началось, ты знаешь, чем всё закончится. Сложно назвать это просто абсолютным знанием. Это нечто большее. Все разные дисциплины и парадигмы изучения магии исходят из одного неразделимого источника. Будь то астрология, алхимия, каббала, синсендо или руны - все, кто ими пользуются, имеют одну цель. Первые счастливики, чувствовавшие её присутствие, мечтали об этом потенциале. Это не ради вопроса о смысле жизни, потому что они уже знают ответ. Это чтобы пронзить великую ложь этого мира и найти чистую истину, не важно, в какой форме. Идеальные маги заботятся только о себе, чтобы прожить жизнь, которая никогда не будет вознаграждена.

Пока Токо-сан медленно рассказывает нам это, её глаза фокусируются, и цвет меняется на пламя старых амбиций. Я задаю вопрос насчёт того единственного, что понимаю:

- Когда вы говорите, что они не будут вознаграждены, это значит, что никто еще не достиг Истока, верно?

- Некоторые достигли. Только благодаря этому мы знаем, что он и правда существует. Но те, кто смог это сделать, никогда не возвращались. Они исчезали в тот момент, когда достигали его. Маги считают это вознесением, но никто не знает наверняка. Поскольку применение магии и Волшебства означает стремление к Истоку, многие маги считают, что их нужно благодарить за то немногое, что мы можем делать с этим миром, потому что они думают, что те, кто добрался до Истока, стали чем-то вроде сосудов для нашей магии на той стороне. Плохо тут то, что они не могли передать никому свои знания. Единственная причина, по которой амбициозные маги берут учеников или рожают наследников - это, конечно, желание однажды достичь Истока по придуманному семей пути. Нет предела их амбициям и их окончательному разочарованию. Лично я думаю, что это просто

приманка для дураков, особенно сейчас, когда существуют маги, которые рады просто вмешиваться в работу других магов.

Вместо того, чтобы злиться, Токо-сан говорит последнее предложение с лёгким намёком на энтузиазм, и мне удаётся поймать сухой, беззвучный смех, сорвавшийся с её губ, как если бы она восхищалась тем, что такие неприятности существуют.

- Даже если кто-то из нынешних магов достигнет спирали истока, они никогда не смогут передать ее нам, никогда не смогут научить нас чему-то новому в магии. Всё это напоминает барахтанье рыбы на берегу, – говорит Токо-сан и пожимает плечами.

Только Шики считает себя обязанной высказаться насчёт парадокса, который только что продемонстрировала Токо-сан.

- Никогда не слышала ничего более странного. Не понимаю, почему маги до сих пор цепляются за эту ложную надежду, хотя вы знаете, что это вам не по силам.

- Может, потому, что для людей, обращающих сталь в резину и метящих огонь из рук, слово «невозможно» не является абсолютным приказом в жизни, или они просто заблудшие дураки, не знающие, когда остановиться, – Токо-сан довольной ухмыляется.

- Ну, по крайней мере, *ты* знаешь. Хоть это радует, – говорит она с лёгким намёком на удивление.

Часом позже в офис возвращается привычная тишина и покой, когда все заняты работой, учёбой или, в случае Шики, выполнением обязательного задания ничегонеделания. Когда часы пробили три, я решил сделать небольшой перерыв и сварил Токо-сан и Шики кофе - Азака пила только японский чай. Приказы, которые Токо-сан отдала мне, исполнены, так что со счастливыми мыслями о зарплате я сажусь за стол и делаю глоток из чашки. Атмосфера среди четырех человек, отпивающих и опускающих чашки на столы, подчёркивает тишину дня.

И конечно, Азака не удержалась, задала Шики самый неожиданный вопрос.

- Шики, ты парень?

Чашка почти выскользнула из моих рук от такого прямого вопроса. Шики, с другой стороны, спокойно делает глоток. Когда она опускает чашку, я вижу на её лице неподдельное недоумение, но ей хватает ума не отвечать моей глупой сестре. Азака, однако, интерпретирует это как сигнал к продолжению.

- Говорят, молчание – знак согласия, так что ты признаёшь, что ты мужчина, Шики.

- Азака! – строго говорю я.

Боже, поверить не могу, что я вмешиваюсь в это. Проигнорировать её было бы лучшим решением, но бестактность вопроса и его форму нельзя не заметить. Я встаю так быстро, что отталкиваю кресло назад, но не зная, что сказать ей, тихо опускаюсь назад. Когда я сажусь в кресло, то думаю, что понял, что чувствовал Наполеон, отступая из-под Ватерлоо.

- Тебя интересуют такие бесполезные детали? – отвечает Шики с кислым видом.

Одну руку она положила на висок, как она всегда делает, пытаясь бороться с нарастающей злостью.

- Да? Но это важная и необходимая информация, дорогая моя, – в то время, как Шики пытается сохранить хладнокровие, Азака также отвечает абсолютно спокойно. Положив локти на стол и сложив пальцы перед лицом, она напоминает вид президента на заседании совета директоров.

- Важная? Не думаю, что что-то изменится от того, буду я женщиной или мужчиной, и я уверена, что тебя это не касается. Или, может, ты пытаешься нарваться на драку?

- Я думала, это было очевидно с нашей первой встречи.

Хотя они не смотрят и даже не видят друг друга, их глаза вполне могли бы прожечь друг друга. Я определённо хочу узнать, что же было «очевидно», но сейчас, кажется, неподходящее время для вопроса.

- Азака, – перебиваю я её. – Хотя для меня остаётся загадкой, почему тебе нужно опять задавать этот вопрос, я снова повторю ответ. В этот раз чётко, чтобы твоя полная магии голова смогла его понять. Шики – женщина. Всё. Точка.

Однако, моя фраза ее только завела.

- Я знаю, Микия, – быстро отвечает Азака. – Заткнись на минутку.

Ну, если ты знаешь, то какого чёрта эта беседа вообще...

- На самом деле я хочу узнать ментальный пол Шики, а не физический. Посмотри, она же внешне похожа на мужчину, но...

Азака позволяет своему голосу стихнуть, рискуя бросить косой взгляд на Шики, чья злость начинает заметно нарастать.

- Не важно. Я та, кто я есть, и мой пол ничего не изменит. С другой стороны, что *ты* собиралась делать, если бы я оказалась парнем?

- О, ничего особенного. Может, организовала бы тебе свидание с кем-то из моих друзей из Рейена.

Я сглатываю, осознавая, что я мало что могу сделать, чтобы предотвратить последующую эскалацию силы. Их вражда началась с первого дня их встречи в Новый год, когда я и Шики были ещё в старшей школе. Я время от времени приглашал Шики домой, и в тот день так получилось, что Азака тоже вернулась на короткие зимние каникулы. Тогда она встретила с **Шики**, другой личностью, с бурным поведением и грубой речью (возможно, даже более грубой, чем поведение нынешней Шики). Это так изумило и разозлило Азаку, что она решила весь день проспять вместо того, чтобы поговорить со мной. Хотя я не особенно удивлён тем, что Азака всё ещё помнит об этой вражде два с половиной года спустя, - сейчас она переходит черту. Я не удивлюсь, если Шики захочет ударить её.

Я встаю и начинаю:

- Азака, прекра...

Меня прерывает Шики, которая в то же время встала с дивана.

- Здорово, спасибо, но вынуждена отказаться. Те сучки вряд ли смогут выдержать то, что я могу им устроить.

Шики выдаёт последнее «пФ-ф-ф», прежде чем разворачивается, идёт к двери и выходит из офиса. Колыхание её сине-фиолетового кимоно и звук шагов по ступенькам - последнее, что напоминает о её присутствии. Я секунду думаю о том, чтобы пойти следом, но зная её, она просто разозлится ещё сильнее, если я еще раз упомяну Азаку.

Уже планируя принести жертву, чтобы произошло чудо и ничего этого не было, я сажусь на кресло чтобы хоть ненадолго насладиться моим кофе. Чёрт, уже остыл. Неважно. Допиваю.

- Блин, она опять сбежала. Я на самом деле хотела получить ответ, даже если бы она ударила меня. Но то, что она ушла, не дав ни того, ни другого – это просто глупо.

Она цокает языком, чтобы подчеркнуть сказанное, и явно выходит из боевого состояния, облакачиваясь на спинку кресла и потягиваясь, как будто это всё было забавным упражнением. Я уже давно научился избирательно игнорировать Азаку, когда она начинает показывать свою *сучность* во время разговоров с Шики, но в этот раз это было настолько опасно, что мне кажется, я обязан поговорить с ней.

- Хорошо, Азака. Давай объяснимся.

- Чего? Вы с Шики явно не помогаете мне найти ответ, понял? Не говори мне, что ты ни разу не задумывался о том, встречается с тобой Шики как парень или как девушка.

Хотя она говорит чётко, у меня возникают проблемы с пониманием того, что она хочет сказать, пока я не замечаю, что её щёки покраснели.

- Потому что я думаю, что заморачиваться насчет этого глупо. Да и спрашивать такого человека, как Шики, какого она пола, когда она не хочет отвечать – это один из самых опрометчивых поступков в мире. И опять, в энный раз, какая разница, если она девушка, пусть и думает как парень?

Азака сужает глаза и пялится на меня с явным подозрением.

- То есть, я правильно понимаю, что если Шики девушка, то проблем никаких, да, Микия? Тогда ответь на один вопрос. Допустим, два человека влюбляются в тебя...

Я фыркаю, пытаюсь сдержать рвущийся наружу смех.

- Один из них мужчина, сделавший операцию по смене пола, другой – женщина, сделавшая такую же операцию. Если они оба безумно любят тебя, любят глубоко, по-настоящему, кого ты выберешь? Изменившую пол женщину или изменившего пол мужчину?

Ну, это... сложно. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что это какая-то ловушка. Импульсивно, как нормальный мужчина, я бы выбрал девушку, но тут нет такого очевидного выбора. Физически девушка сменила пол на мужской. Может, это просто показывает, что я всё ещё не понял, что любовь полами никак не ограничена? Мой мозг начинает думать, что меня волнует только внешность, и постепенно, я начинаю чувствовать себя паршиво. Стоп, я думаю, находясь под ложным допущением, что однополые отношения запрещены. Если я забуду об этом, может, я выберу девушку, которая на самом деле парень, но... а, чёрт, я сдаюсь. Погодите. Разве здесь нет парадокса в самой ситуации? Разве это на самом деле не вопрос с подвохом? Если ты застрял в мышлении запрещённых однополых отношений, то здесь нет правильного ответа. Когда я замечаю это, я поднимаю голову с недовольным видом. Токо-сан прикрывает рот ладонью, хихикает и, похоже, пытается сдержать лавину смеха.

- Блин, Азака, он сломался. Я практически слышу, как у него в голове проворачиваются шестерёнки, а из ушей валит дым.

- Да, Токо-сан. Немного Эпименида¹ в рассуждениях никогда не повредит.

- Клянусь, с вами двумя не соскучишься. Надеюсь, вся семья Кокуто такая же двинутая, как и вы двое.

Пока Токо-сан разве что не падает на пол со смеху, Азака смотрит на меня с абсолютно серьёзным выражением лица.

О, так вот что это такое было. Думаю, это персональный запатентованный способ Азаки беспокоиться обо мне. Видя, что Шики толком не объяснилась во время разговора, думаю, на меня выпадает бремя прояснения.

- Не знаю, что ты пытаешься сказать, Азака, но я ценю твою заботу. Просто мне правда не важно, какого пола Шики. Блин, я не думаю, что изменил бы свое отношение, даже если бы она всё ещё была **Шики**.

Я чешу щеку, чтобы скрыть смущение, но Азака, кажется, восприняла это по-другому, потому что она от изумления встаёт с места:

- Постой, ты говоришь, что даже если бы она ещё была этой... жутковатой личностью **Шики**, тебе бы всё равно нравилась она... он?

- М-м-м... да, пожалуй.

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эпименид>

Не проходит и секунды, как я чувствую, что что-то ударяет мне в лицо, я теряю равновесие и только слышу, как Азака кричит:

- Да пошёл ты!

После этого слышу, как она убегает. Открывается выход на лестницу - и снова её удаляющиеся шаги. После того, как мир перестаёт вертеться и переворачиваться, я понимаю, что Азака бросила в меня толстую книгу, которую читала. Азака исчезла, оставив меня наедине с Токо-сан, которая наслаждается невиданным доселе уровнем веселья, пока я поправляю мою челюсть и потираю будущий синяк на лице.

Проходит ещё два часа с той постыдной интерлюдии, прежде чем наступает время уходить. Шики и Азака так и не вернулись, видимо из-за того, что сильно разозлились друг на друга (или, в случае Азаки, на меня). Пока я завариваю последний кофе для себя и Токо-сан перед тем, как уйти, - практика, которая давно стала частью ритуала ежедневной работы, - я размышляю, стоит ли навестить Шики.

- О, забыла кое-что попросить, Кокуто. Не против выполнить дополнительную работу?

Токо-сан делает глоток и резко снижает любые шансы на поход домой.

- Что за «дополнительная работа», Токо-сан? Ещё один случай, похожий на Фуджин...

- Нет, нет, ничего такого. Я говорю «дополнительная», потому что эта тебе не нарисует ещё нулей на чеке. Помнишь, этим утром я уходила? Я услышала интересную историю от знакомого копа. Знаешь апартаменты Огава в Каямихаме?

- Каямихама – восстановленная земля, на которой запрещены коммерческие и публичные высотки, верно? Это должен быть образцовый район для будущих жилищных планов города.

- Угу, а ещё удобные тридцать минут езды на поезде отсюда. Они планируют там реально шикарное жильё, такого ты в центре города не увидишь, но что нас на самом деле интересует так это апартаменты, над которыми я не так давно работала, пока их ещё строили. Судя по всему, около десяти часов служащая подверглась нападению на улице, похоже, попытка изнасилования. Нападавшие были неосторожны, и это закончилось тем, что она заработала рану в живот и была брошена. Подозреваемые скрылись. Без телефона, без единой живой души в такой поздний час, она доползла до ближайшего жилого комплекса – апартаментов Огава – оставляя за собой кровавый след. Но на первых двух этажах того никто не живёт, так что ей пришлось подняться на третий этаж, прежде чем кто-то смог услышать её крики о помощи. Она сумела управиться с лифтом и добраться до третьего этажа, но, думаю, после этого она не могла двигаться. Она продолжала звать на помощь, но никто в квартирах не обратил на неё внимания, и она скончалась примерно в одиннадцать часов.

Чёрт. Вот что происходит, когда квартиры становятся больше, а стены – толще.

Настолько, что ты больше не разговариваешь с соседями. Может быть, ты даже не можешь услышать ничего снаружи, даже крики умирающей. Безразличие становится природой вежливости. Напоминает мне историю, которую я слышал недавно от друга, когда все жители на этаже слышали крики соседей, которые становились все громче и громче. Никто не постучал, чтобы поинтересоваться, что происходит, а утром обнаружилось, что родители убили собственного ребёнка. Когда полиция опросила их, люди сказали, что всё слышали, но подумали, что это какая-то шутка.

- Вот здесь и начинаются проблемы, – продолжает Токо-сан. – Эта женщина кричала так громко, что её слышали даже в соседних зданиях. Это были не просто крики, она, похоже, на самом деле кричала «помогите». Жители соседних домов проигнорировали ее, потому что думали, что люди в апартаментах Огава помогут ей.

- Погодите, вы же не хотите сказать...

- Ага, люди в здании Огава клялись, что ничего не слышали. Я бы не обратила на это внимание, если бы это был первый раз, но знакомых коп рассказал, что такое уже случилось. Был похожий инцидент, но тогда это звучало слишком фантастически. Однако там что-то происходит, и мой друг-детектив проконсультировал меня на этот счёт.

- Так что вы хотите от меня, Токо-сан? Осмотреть место?

- Нет-нет-нет, мы осмотрим его как-нибудь потом. А сейчас я хочу, чтобы ты вытянул список жильцов из жилищного бюро - прошлые адреса, места работы и тому подобное. Ещё раз, это не добавит нулей в твоём чеке, так что можешь не торопиться, но постарайся успеть до ноября.

- Нет проблем, Токо-сан, – отвечаю я голосом, до краёв полным уверенности.

И всё же я не могу избавиться от чувства, что это дело будет странным, несмотря на то, что Токо-сан отмахнулась от сравнения с делом Асагами Фуджино. Я делаю глоток горького кофе, чашка снова почти пуста.

- В любом случае, сменим тему... Кокуто?

- Хм-м?

- Тебе правда всё равно, парень Шики или девушка?

К счастью, моё хорошо поставленное изображение офисного хладнокровия выдерживает вопрос Токо-сан, потому что если бы его задал Гакуто, я бы обязательно окатил его кофе.

- Мне нравится Шики, но если позволите выбирать, то думаю, что предпочту женский вариант.

- О, ну, тут нет проблем, – разочарованно говорит она и пожимает плечами.

- Я думаю, что мне нужно пояснение насчёт того, о чём конкретно вы говорите, Токо-сан.

- Я о том, что она явно девушка, физически и умственно. **Шики** давно исчез, так что, технически, в ней нет мужской личности.

Я не знаю, согласен ли я с Токо-сан, поскольку стиль речи Шики всё ещё довольно мужеподобен. Шики два года назад, до комы, никогда так не говорила.

- Смотри, можешь сравнить Шики с символом *Тайджиту*, – продолжает она. – Все мы знаем его, половина чёрная, половина белая, словно каждая сторона пытается поглотить другую. И внутри каждой части есть маленькая точка противоположного цвета - черная в белой половине, белая в чёрной. Этот символ, вращающийся и танцующий в конфликте – спираль чёрного и белого.

- Спираль... конфликта? – моя голова начинает болеть. Я чувствую, как я...

- Да. Инь и Янь, свет и тьма, правда и ложь, мужчина и женщина. Изначально относится к Китайской космологии. Идея о том, что изначально было одно, которое делится на две части. В *онмиодо*, японской практике разделения, этот разделение известно как *рёги*, «пара крайностей».

- *Рёги*? Но разве это...

- Да, фамилия Шики. Её жизнь с двойной личностью была предопределена заранее. Шики имеет две личности потому, что была рождена в династии Рёги, или потому, что династия долго ждала дня, когда она родится? Думаю, последнее. Рёги, как и Асагами и Фудзе, просто одна из старых семей, помешанных на создании наследника, наследующего их династию, долго изменяемую магией и ритуалами. Они видят вознесение как их право, но метод однозначно менее научен. Среди них семья Рёги особенно интересна. Они знали, что наличие псионических способностей или ясновидение заставили бы их слишком сильно выделяться в современном мире, так что они создали ту, что скрыта за фасадом нормальности. Скажи, Кокуто, знаешь, почему в мире существует специалисты?

Захваченный врасплох внезапным вопросом, я не могу сразу ответить. Честно говоря, я думаю, мой мозг достаточно намучался за сегодня, и количество информации голове

скоро превысит границу. И всё же, я слышал немного о семье Шики, но сегодня был первый раз, когда Токо-сан упомянула её схожесть с остальными, которых уже довелось встретить.

- Это потому, что эксперт, настоящий специалист, посвящает свой разум чему-то одному. Выбираешь одну гору и карабкаешься по ней, пока хватает сил. Полностью подчиняешь ее себе. Династия Рёги понимала это, и они нашли способ вкладывать несколько умов в одно тело. Как компьютеры, на которые устанавливают разные программы и они могут выполнять разные задачи. Это потому её и зовут Шики. То же «шики», что в «*шикигами*», теургии Гоегия². То же «шики», что в «*сушики*», что значит «ритуал». Результатом этого стали люди, которые по желанию могут передавать их понятия о морали, знаниях и умениях. Пустые куклы, ждущие, когда их наполнят.

Мне не понравилось, как Токо-сан подвела итог в последнем предложении. Мне кажется, это оскорбление Шики как человека. И всё же Шики знала всё это. Постоянная тень её неестественного детства, сопровождающая любую подозрительную семью, должно быть, является причиной того, почему она не позволяет себе подпустить кого-то слишком близко к себе.

Китайский философ Фу Кси сформулировал идею о том, что из первородного хаоса пустоты, *рёги*, рождается пара противоположностей. И из *рёги* происходит *шисо*, четыре феномена, а из них – *хакке* или восемь триграмм. Это может быть ещё одним способом проиллюстрировать, чем Шики должна была быть. Она пытается сбежать от своего прошлого, но её возвращают к нему снова и снова.

Токо-сан зажигает энную сигарету за день, после указывает сигаретой на меня.

- Это ты сломал её. Безумные люди не думают, что они безумны сами по себе. Им нужен другой человек. Это был ты, случайно или нет, ты заставил Шики думать неестественно о её собственном существовании.

Она протягивает мне сигарету. Я не курю, но, тем не менее, позволяю ей лизнуть пламя протянутой зажигалки и приложить её к губам. В последнее время зажжённые сигареты всегда имеют любопытный и таинственный вкус.

- Блин, я ведь даже не хотела говорить о *рёги*, но посмотри, до чего мы дошли. То, что ты всё это знаешь, может значить, что завтра ты можешь умереть, Кокуто, – говорит Токо-сан с тёплой улыбкой.

- Не волнуйтесь. Буду завтра смотреть в обе стороны перед тем, как переходить дорогу, чтобы весь день проработать тут, Токо-сан.

- Рада слышать. В любом случае, помнишь две точки противоположного цвета в тайджиту? Белая на чёрном, чёрная на белом. Всё, что она говорит о половых различиях – это только то, что мы несём в себе немного противоположного пола. То, что Шики говорит по-мужски, не значит, что в ней больше янь, чем инь. В каждом из нас есть частичка друг друга. Шики – женщина, и её мужской стиль речи, я думаю, просто способ компенсировать отсутствие умершего **Шики**. Понимаешь? Она, по крайней мере, хочет помнить его. Хм, она ведь мила. По-своему.

Кажется, я понимаю. Она может говорить как парень, но она никогда не вела себя настолько по-мужски, как **Шики** два года назад. Она всё ещё не оправилась от его потери. Она может сделать хорошую мину, и другие люди могут быть обмануты, но я не совершу той же ошибки. Шики всё ещё терзается виной, и одиночество пожирает её изнутри. Уязвимость, которую я в ней чувствовал, совсем не изменилась с наших школьных лет.

Я и сам несильно изменился. Я всё ещё не мог оставить её одну. И прошло два с половиной года с тех пор, как она последний раз была близка к тому, чтобы попросить об этом, но когда придёт время, я спасу её от этой жизни.

² [http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EE%E5%F2%E8%FF_\(%F2%F0%E0%E4%E8%F6%E8%FF\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EE%E5%F2%E8%FF_(%F2%F0%E0%E4%E8%F6%E8%FF))

Парадокс спирали – 3

На следующее утро я просыпаюсь в девять утра – спасибо будильник, орущему в самое ухо.

Боже, я ужасно опаздываю.

Я срываюсь в офис, схватив очень тяжелый груз в сумке, похожей на контейнер для бамбукового меча, и обнаруживаю, что Токо-сан и Шики уже ждут меня.

- Простите, я опоздал.

Я ставлю сумку у стены и останавливаюсь, чтобы перевести дыхание - тяжело дышу, будто только что пробежал марафон. Хотя контейнер не длиннее метра, в нем явно что-то тяжелое, возможно, стальное. Когда я пробежал с ним всего сто метров, моя рука онемела. Пока я потираю ноющие плечи (оба, потому что приходилось менять руки) и разминаю уставшие мышцы, Шики подходит ко мне.

- Доброе утро, Шики. Хорошая погода сегодня, ага?

- Хм. Говорят, такая погода останется на ближайшее время, так что пока есть возможность, займись собой.

Шики просто не была бы Шики, если бы за утро она ни разу не нагрубилась. Она одета в очень причудливое белое кимоно, которое сильно контрастирует с ее красной курткой, или контрастировала бы, если бы та не лежала на диване в таком виде, словно ее выбросили на свалку. Сегодня ее *оби* украшен узорами, в противоположность ее обычному вкусу. Узоры из падающих листьев украшают пояс, и даже на краях рукавов есть изображения *мицубы* и красных осенних листьев.

- Микия, чье это?

Ее белый палец указывает на сумку, прислоненный к стене.

- Это? Что-то, что Акитака собирался отдать тебе. Тебя не было прошлой ночью, когда я заходил, и как ты думаешь, кого я встретил у двери? Мы с Акитакой поболтали часок, но когда стало понятно, что ждать тебя еще долго, он отдал мне это. Кажется, он сказал, что это Канесада или что-то вроде этого.

- Канесада? – вырывается у Шики. – Тот самый кузнец-что-выписывает-кудзи-на-своих-мечах Канесада?

Ее лицо сияет, она мгновенно подходит к сумке и без труда берет ее одной рукой. Она начинает расстегивать молнию, чтобы открыть ее, осторожно, как будто очищает банан. Чуть погодя она убирает верхнюю часть ткани, обнажая длинный, тонкий кусок стали, которой на вид много лет. Мы видим процентов десять от предмета, но нет ничего удивительного, что моя рука онемела, когда я нес его. Эта штука, под метр длиной, полностью замотана в хлопковую ткань, и мне видны два отверстия на конце. Кажется, на стальной поверхности вырезаны какие-то символы, но я не могу прочесть их отсюда.

- Откуда, во имя всего святого, это у Акитаки?

Я никогда не видел ее такой счастливой или шокированной. Она едва сдерживает восторг. Странно, но не так уж необычно видеть, как беззастенчиво она наслаждается этой вещью, а не случайными мелочами в повседневной жизни.

- Что это, Шики?

Она оборачивается с самой широкой улыбкой, которую я когда-либо видел на ее лице.

- Хочешь взглянуть? Такие клинки сегодня трудно найти, – говорит она, начинает доставать клинок, но Токо-сан останавливает ее.

- Шики, я знаю, это очень старая вещь. Даже не думай вытаскивать ее здесь, если ты, конечно, не хочешь срезать всю защиту этого места, – услышав это, Шики замирает. – Он впечатляет, я даже могу прочитать Кудзи: «позволь богу-воину осветить мой путь». Он крут. Но защита, поставленная мной, не выстоит против меча с такой историей.

Слова Токо-сан, как мне показалось, грозили ужасной бедой, так что у Шики не было выбора, кроме как отложить меч.

- А, хрен с ним. Не думаю, что Микию вообще мечи интересуют. У этого еще даже рукоятки нет. Аки така и остальные, видимо, совсем выжили из ума, если забыли об этом. Многие промахи Аки така и остальных в доме Шики списываются на возраст, который лишь недавно перевалил за тридцать. Ему еще есть куда расти. Он помогал Шики с десяти лет, так что не думаю, что ей стоит называть его слабоумным.

Шики расстается с клинком так, словно расстается с хорошим другом, нежно касаясь двух отверстий на конце. Потом я узнал, что эти отверстия предназначены для крепления рукоятки. Он выглядит хорошо сохранившимся, хотя может относиться к 16 или даже 12 веку. Если так, он может считаться важной культурной ценностью, но что-то говорит мне, что Шики не собирается передавать его в музей.

- Старые мечи создают свою собственную тайну и веру вокруг своей истории, и становятся оружием, способным разрезать даже магические заклинания, – объясняет Токо-сан. – Так что больше не доставай его. Я не отвечаю за все сверхъестественные кошмары, которые ты можешь выпустить, и которые заберут тебя.

Сказав это, она вздыхает с облегчением.

- Так, Кокуто, давай-ка выслушаем твою причину опоздания.

- Прошу меня простить. Я был занят расследованием, о котором вы попросили прошлой ночью. У меня есть имена жителей апартаментов Огава, а также еще кое-какая информация, которая может вас заинтересовать.

Недавнее распространение общедоступного интернета сделало расследования в эти дни намного проще. За ночь дело очень хорошо пошло, и прежде чем осознал это, уже светало. Все, что мне нужно было сделать – это поискать и добавить некоторые вещи, которые я попросил у кузена Дайске, и вот уже у меня вся информация, и при этом мне даже не понадобилось идти в Бюро Жилья.

- Я же сказала, что ты можешь это сделать в декабре. Так не терпится начать? Ну что ж, послушаем.

- Итак. Здание Огава уникально даже среди многоэтажек Каямихамы. Потом можете сами взглянуть на эти странные чертежи. Строительство шло с 1997 по 1998 года при участии трех сторон. Вы, Токо-сан, интересовались восточным подъездом. У меня есть список строителей, а также хронология строительства, если они вам нужны.

Я выуживаю из сумки толстую стопку распечаток, которые я сделал для нее, и кладу их на стол Токо-сан. Почему-то в ее глазах я вижу напряжение каждый раз, когда она бросает взгляд на стопку.

- Странность здания в том, что это на самом деле сразу два здания, объединенных друг с другом. Если вы посмотрите на чертежи, вы поймете. Это два полукруглых, десятиэтажных здания, стоящих напротив друг друга, и если посмотреть снаружи, то они образуют полный, почти неразорванный круг. Изначально это должно было быть корпоративным общежитием, и первые два этажа предназначались для залов отдыха. Из-за недавних спадов, однако, им пришлось затянуть пояса и отказаться от этих планов. Если забыть о первых двух этажах, на каждом этаже здания есть пять квартир, итого десять квартир на этаж. Все квартиры имеют схожий дизайн, с тремя комнатами, гостиной, столовой и кухней, архитектурный дизайн является смесью японского и западного стилей. Водопровод и канализация сделаны не очень качественно, поэтому у них, скорее всего, появятся протечки в ближайшие десять лет, если уже не появились. Есть парковочные места снаружи, на сорок машин, и подземная стоянка еще на сорок. Более чем достаточно для нынешнего количества жителей. Когда для первых владельцев наступили трудные времена, весь комплекс был куплен другим человеком. Он планировал сделать из здания жилую многоэтажку вместо корпоративного общежития. Владелец

размещал рекламу до марта, но смог продать чуть больше, чем половину квартир. Сейчас ремонтируют западное крыло. Вот чертежи

Я кладу документы на стол, при взгляде на которые Токо-сан дважды моргает, прежде чем еще сильнее нахмуриться.

- Здания разделены на западное и восточное, но холл на первом этаже обычный. И там всего один лифт. Он на удивление паршивый для такого большого здания. Думаю, понятно, на чем они поскупились. Согласно отчетам, до марта он вообще не работал. Что касается комнат, отсчет начинается с шестичасового положения против часовой стрелки - комнаты 01-05 в восточном здании, потом 06-10 в западном. Есть выход на крышу, но он закрыт. Жители третьего этажа по комнатам: Сонода, свободно, Ватанабе, свободно, Ицки, Такемото, свободно, Хаймон, свободно, Тоендзи. Четвертой этаж: свободно, свободно, Сасая, Мотизуки, Синтани, свободно, свободно, Цудзиномия, Камияма, Эндзе. Пятый этаж: Нарусима, Теннодзи, свободно, свободно, Ширазуми, Найто, Кусумото, свободно, свободно, Инугами. Шестой этаж: ...

- Ладно, ладно, хватит, – Токо-сан поднимает руки, словно она. – Блин, ты выкладываешься на полную, стоит отпустить тебя в свободное плавание. Ты, наверное, еще знаешь, какой рукой жильцы в носу ковыряют.

Она жестом просит дать ей список.

- Ну, меня бы не удивило, если так и есть.

- Спасибо. Я все равно начинал уставать от чтения.

Как только она опускает глаза на список, она присвистывает, редкое проявление восхищенного изумления.

- Посмотри-ка. Ближайшие родственники, места работы, предыдущие места жительства. Боже, Кокуто, если ты однажды станешь детективом, все выстроятся строем, чтобы запихнуть тебя в агентство по конфискации имущества.

- Ладно вам, ребята там обычно работают намного лучше меня. Я ведь даже еще не проверил и половину семей.

Я хотел, но сон взял свое. В конце концов, я смог детально проверить только тридцать из пятидесяти жильцов апартаментов Огава. Об оставшихся двадцати я знаю только то, как зовут их и ближайших родственников.

Токо-сан тихо читает список. Шики же с момента чтения имен уставилась на него с мрачным лицом, поглощенным размышлениями. Наконец, когда ей не хватает сил себя сдерживать, она начинает говорить:

- Токо, дай-ка мне посмотреть этот список.

Она встает с дивана и заходит Токо-сан за спину, бросая взгляд на список через ее плечо.

- Так и думала. Ни у кого больше не может быть такого редкого имени.

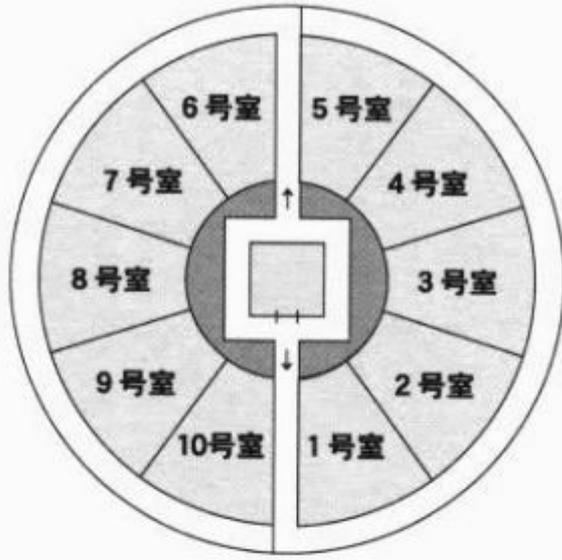
Цокает языком, непонятно, то ли от раздражения, то ли от одобрения.

- Простите, ребятки, но сегодня я уйду рано. Есть у тебя мотор, Токо?

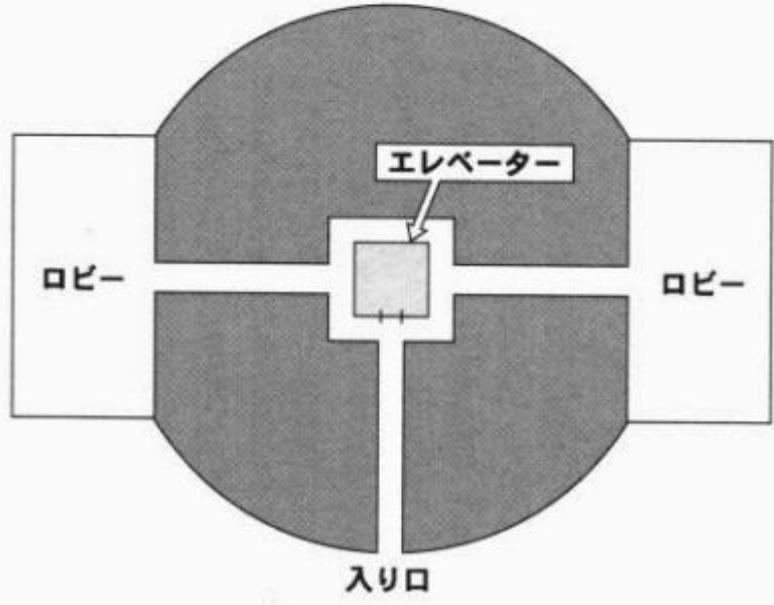
- Вроде есть двухсоткубовый мотоцикл в гараже

- Ехать на мотоцикле в кимоно. Зашибись. Удобно, слов нет.

小川マンション 見取図

3 F ~ 10 F (共通)

1 F ~ 2 F

- Ну, если ты не привередлива, у меня есть одежда в шкафу. Она для тебя немного великовата, но это лучше, чем повредить твоё бесценное кимоно. Не бери Харлей, я от него коляску не отцепила ещё.

Шики кивает перед тем, как схватить свою кожаную куртку и уйти вместе с сумкой с лезвием внутри. Её кимоно шуршит, как зловещая змея. Мне это не нравится.

- Шики, – кричу я ей вслед. Она поворачивается ко мне с таким видом, словно вспомнила, что я хотел разыграть её.

- Что такое, Микия? Не говори мне, что у меня грязь на спине.

Она говорит так, словно идет в магазин. Почему я позвал её? Что я хотел сказать?

- Эм, забудь. Я зайду вечером, тогда и поговорим.

- Ну-у-у-у-у... ладно. Погоди, вечером? Конечно, я буду дома. Пока.

Она машет рукой на прощание и закрывает дверь.

Прошел час с необычного момента, когда Шики позаимствовала мотоцикл Токо-сан, и мы с начальницей решаем нанести визит зданиям апартаментов Огава, чтобы осмотреться на месте. Это тридцать минут к Каямихаме, и немногим позже её любимый Моррис Минор 1000 летит по прибрежной дороге, открывая нам ясный вид на западное побережье и гавань с её загрузочными доками. Многоэтажки Каямихамы видно уже отсюда, они стоят на фоне еще более высоких зданий. Поднимающиеся и опускающиеся дома напоминают о 8-битной графике.

Жилой комплекс, который мы ищем, стоит прямо в центре Каямихамы, круглое здание, выделяющееся среди квадратных и прямоугольных братьев; его видно издалека, но требуется время, чтобы подъехать к нему. Когда мы прибываем, оно кажется еще больше, чем раньше.

Десять этажей делают его необычно высоким по сравнению с другими зданиями, с которыми оно делит землю. Тут есть кирпичный забор, который отгоняет нежданных гостей. Длинная узкая дорожка тянется от стоянки к входу в холл, делая подъезд похожим на странный Тадж-Махал.

- Хм, не вижу подземную парковку. Ну и ладно, – отмахивается Токо-сан.

Не желая платить за парковку, она бросает свою причудливую старую машину около стоянки.

- Пошли, – заявляет она, после чего зажигает сигарету и вылезает из машины.

Как только я выбираюсь следом, у меня начинается легкое головокружение, но я не обращаю внимания. Видимо, это из-за сегодняшнего солнца. Я иду чуть позади Токо-сан и бросаю взгляд на крышу здания, а чувство головокружения лишь увеличивается. Быстро догоняю её, и мы вместе входим в холл. Один шаг внутрь, и я чувствую, как содержимое желудка начинает проситься наружу. Все стены кремового цвета – они поддерживаются в той же безупречной, больничной чистоте, что и пол. Впечатляет. И, тем не менее, я чувствую одолевающее беспокойство, которое грозит превратиться в натуральное отвращение. Плохое предчувствие пытается захватить голову. Температура внутри здания близка к температуре человеческого дыхания, в противоположность холодному воздуху снаружи. Тепло закручивается и оборачивается вокруг, заставляя думать о клаустрофобии.

- Это только трюки твоего воображения, Кокуто, – шепчет Токо-сан мне на ухо, и почему-то головокружение останавливается. Так намного легче, и я еще раз осматриваю здание. Кажется, лишь холл соединяет два здания, и это еще заметнее начиная с третьего этажа, поскольку только через холл можно перейти между восточным и западным зданием.

В середине стоит высокая колонна, которая проходит через центр здания. Внутри этой колонны находится лифт, а вокруг шахты закручена спиральная лестница. Объединение всего этого в одну конструкцию снова вызывает чувство клаустрофобии.

- Не самое приятное здание, – комментирую я.

- Напоминает мне о фильме с Джеком Николсоном в отеле. Что-то в нем не так, да? Хотя в целом ничего уникального. Все мелкие детали в архитектуре здания могут быть устроены так, чтобы играть с твоим умом. Все - от цвета стен, до расположения и вида лестниц. Поменяй немного, но так, чтобы было заметно, и этого будет достаточно, чтобы свести тех, кто привык тут ходить каждый день, с ума, потому что их привычное восприятие полетит в тартарары.

Токо-сан входит в ожидающий лифт, и я следую за ней.

- Какой этаж, уважаемый? – спрашивает она с улыбкой.

- Хм-м, думаю, нам стоит начать с четвертого.

- Ладно. Поехали, – говорит Токо-сан, осматривая лифт. Даже кабина лифта круглая, вкручивающаяся в середину всей конструкции. Поскольку она не рвется нажать на кнопку сама, я нахожу «4» среди помеченных от «Б» до «10» кнопок и нажимаю ее.

В ту же секунду лифт оживает, и я чувствую его движение по зданию; я даже слышу, как он производит довольно громкий, искусственный звук, возможно, намекая, насколько ветхое это устройство. Звук, в сочетании с формой кабины лифта, заставляет меня думать, что я опускаюсь, а не поднимаюсь. Немногим позже двери лифта открываются, выпуская нас в холл четвертого этажа. Первое, что мы видим – это коридор, который ведет нас в восточное здание, соответствуя расположенному на юге входу, как и указывали чертежи.

- Пойдем по коридору, и он приведет к 401-405, – замечаю я. – Продолжим идти, и со временем упремся в тупик, внешнюю стену западного здания.

- И попасть в западное здание можно только вернувшись назад и пойдя в противоположный коридор за лифтом, правильно? – спрашивает Токо-сан.

- Угу. Странное размещение. Им стоило бы соединить коридоры для удобства.

- Они видимо хотели уникальной атмосферы. Не знаю. Уникальность для меня всегда значила меньше, чем удобство. Но думаю, то, как ты тратишь деньги, отличает одного богача от другого.

Она вздыхает, оборачивается ко мне и в подозрении сужает глаза.

- Итак, Кокуто, почему ты выбрал четвертый этаж? Хочешь нанести визит семье, которая предположительно умерла?

Ее удивительный вопрос отдается эхом от кремовых стен холла, отражаясь как свет. Время суток тут определить затруднительно, потому что я чувствую, днем и ночью тут ничего не меняется. Только теперь я замечаю, что мы не видели никого с того момента, как вошли в здание, и если бы не свет и чувство ухоженности, я бы никогда не подумал, что здесь кто-то живет.

- Токо-сан, откуда вы знаете...

- Я же говорила, у меня есть друг-детектив. Воришка прибежал и рассказал, что все умерли, да? Я не запомнила имя, но я знаю, что ты собирался их проверить.

Ну, она права. Поэтому я разбудил моего кузена Дайске посреди ночи.

- Ну, пошли или так и будем стоять?

- Ну, я так и хотел поступить, но когда мы здесь...

Мне страшно. Перед тем, как приехать, я думал, что это может быть даже забавно, но сейчас, оказавшись здесь, я чувствую, что предпочел бы не приезжать, что только усиливает силу бабочек, порхающих у меня в животе. И да, я в курсе, что сейчас светло.

- Иди, Кокуто. А я попробую сама воспользоваться лифтом. Увидимся этажом выше. Поднимись по лестнице. И лучше закрой глаза, когда будешь подниматься. Увидимся позже

Я слежу за ней, пока она не заходит в лифт и он не закрывается, огни над лифтом поднимаются на десятый этаж, моргая во время движения. Я оцепенело смотрю на них и осознаю, что я на этаже один. Теперь мое дыхание подчеркивается давящей тишиной холла, где время больше не существует, пустой мир в странном месте, где смешаны клаустрофобия и агорафобия. Не думал, что это здание может казаться настолько оторванным от окружающего мира.

- Блин, она и правда не спускается? – бормочу я, продолжая ждать, что она скоро вернется.

Разговоры с собой обычно помогают преодолеть страх, но в этот раз эффект полностью противоположен. Отражаясь от стен холла, звук моего голоса возвращается ко мне настолько измененным, что он кажется совсем чужим.

Ладно, с меня довольно. Ничего не изменится, если я просто буду тут стоять. Я собираюсь с духом и начинаю идти через коридор. Как только я прохожу по нему, беспокойство, окутывавшее меня в холле, мгновенно исчезает, только чтобы уступить место абсолютной незаинтересованности. Коридор выходит наружу, открывая скучнейший вид на сходные апартаменты. Я скольжу по ним взглядом, пока не дохожу до комнаты 405.

Это была ночь на девятое число. Грабитель вломился в квартиру и обнаружил несколько тел. Он вернулся с патрульным, но когда они снова пришли, то застали семью за обедом, что еще сильнее свело взломщика с ума. Возможно, он галлюцинировал. Возможно, вся семья устроила какое-то коллективное представление, и возникло большое недопонимание. Не узнаю, пока не позвоню, что я и делаю.

Звонок издает традиционный, счастливый, двухтонный звук. Несколько секунд спустя дверь открывается со скрипучим звуком. Первое, что я вижу - внутри темно. Второе - рука. Потом голова.

- Да? Квартира Эндзе. Кто вы?

В проходе стоит мужчина средних лет, выглядящий и говорящий также недовольно, как и любой, к кому заявится неожиданный гость посреди дня. Выходит, это и вправду была ложная тревога. Казалось, с семьей Эндзе в квартире 405 все нормально.

Я возвращаюсь в холл и гляжу на огни лифта - они все еще остаются на десятом этаже. Я мог бы вызвать его, но уже вижу, как Токо-сан замечает это и называет меня трусливым цыпленком за то, что я воспользовался лифтом вместо лестницы. Не тратя ни секунды более, я начинаю подниматься по лестнице. Лестница опутывает себя вокруг шахты лифта, тянущейся вверх и вверх, освещенной тусклыми красными огнями. Хотя воздух в холле холодный и мертвый, нормальность семьи Эндзе дает мне столь необходимую твердость духа. И все же я не могу перестать думать о том, что красное освещение, придающее кремовым стенам столь зловещий вид, напоминает дрожащее пламя факела, освещающее путь в темном замке. Маленькие закоулки и уголки лестницы, которые должны быть освещены, остаются в темноте, и каждый шаг вверх кажется мрачнее предыдущего.

Я сражаюсь с воображением, которое склонно размещать какого-то хищника в конце моего пути, и сбегая от меланхоличной атмосферы лестницы в холл пятого этажа... который выглядит точно также, как холл четвертого. Я знаю, что комплекс создан из шаблонных материалов и похож по дизайну на универмаг, но все же такая одинаковость меня разочаровывает.

- Вот ты где. Теперь поехали вниз?

Из холла слышен голос Токо-сан. Не говоря ни слова, она запрыгивает в уже ожидающий лифт, я смотрю ее, она ждет меня. Когда я вхожу, она обращается ко мне, не оборачиваясь:

- Викторина, умник. Запомни, на каком мы этаже.

- Что? Ладно. Просто запомнить этаж, правильно?

Двери лифта закрываются тихо, еле слышно напоминая о себе. В противовес этому я слышу громкий и четкий звук работающего лифта. Проходит меньше четырех секунд, прежде чем мы достигаем этажа, на который нас отправила Токо-сан. Эта маленькая, вызывающая клаустрофобию коробочка, называемая лифтом, останавливается в большом, вызывающем клаустрофобию пространстве, называемом апартаментами Огава.

- Вопрос на миллион: на каком мы, по-твоему, этаже?

Я поднимаю голову. Двери лифта открыты, и я вижу холл. Он выглядит точно также, как и на других этажах, за исключением одной вещи: пластиковая табличка на стене с цифрой «5».

- Стоп. Пятый этаж?

Я уверен, что лифт двигался. Я слышал это. Значит, я где-то ошибся. Через секунду очевидный ответ приходит мне в голову.

- Мы только что были на шестом этаже, верно?

- Бинго. Ты подумал, что поднялся на этаж, но вместо этого поднялся на два. С лестницами вроде этой такое легко провернуть, если того хочет дизайнер. Апартаменты и квартирные здания в этом плане довольно странные. Единственный способ понять, на каком ты этаже - посмотреть на табличку в холле. Убери номера в лифте и заставь кого-то подняться на верхний этаж высокого здания. Знают они, на каком они этаже?

Сомневаюсь. Поменяй местами номера этажей на кнопку и станет еще хуже, по крайней мере, для того, кто не привык ездить на нем каждый день. Хм-м, я хочу попробовать такое в другом здании. Слушай, давай заберемся туда ночью и поменяем кнопки?

Бред, но это в ее стиле. Она закрывает двери лифта, нажимает на единицу, и вот мы уже выходим из лифта на этаже, с которого и начали.

- Постой, давай-ка проверим и восточный холл? – предлагает Токо-сан. – Оба крыла имеют холл на этом этаже, верно?

- Эм, да. Он продолжается и на втором этаже. Это как в большом отеле - секунду, вы же сами отвечали за дизайн восточного холла?

- Правда? - говорит она голосом, полным не то сарказма, не то подлинного удивления, перед тем, как знающе улыбнуться.

Центральная комната, содержащая лифт, соединена с холлами коридором по обе стороны, и Токо-сан уже начинает идти к тому, что ведет в восточный холл. Я следую за ней, и вскоре мы прибываем на место. Это просторная комната, в которой мало что интересного, кроме лестницы, ведущей на мостики, крепящиеся к стенам второго этажа. Состояние кажущейся вечной чистоты, в котором содержится комната, напоминает мне вид старого Наполеоновского танцевального зала, только пустого и мертвого. Мраморные полы и те же кремовые стены, такие же, как и все стены, которые мы видели в этом здании, довершают картину.

- Думаю, я остановлюсь здесь, – слышу бормотание Токо-сан. - Идеальное место для экстренного заклинания...

После этих слов ее голос затихает настолько, что я перестаю его слышать. Я смотрю, как она опускается на колени на мраморный пол и блуждает руками по его поверхности, как археолог, ищущий ископаемые.

- Токо-сан, что вы делаете?

- Просто небольшая заготовка на будущее. Кстати, ты заметил кое-что странное, когда мы поднимались по лестнице? Не показалось, что они двигались?

- Лестницы... двигались? Но они внутри жесткой колонны. Значит, она тоже двигается?

- Я не сказала, что вся колонна двигается. Только лестница. Ты бы увидел следы царапин, если бы посмотрел на углы, где лестница прижимается к стене. Или ты и правда был настолько испуган, что голова не варит? – спрашивает она, продолжая странный осмотр пола.

Ненавижу признавать это, но она права. Было так темно, что я не видел даже лестницы, так что вряд ли что-то изменилось бы, даже если бы я присматривался.

- Но это невозможно, Токо-сан. Движение этой колонны означает, что вам понадобится разорвать все здание, чтобы сделать это.

- Слушай, что я говорю, ладно? Я *сказала*, что двигается только лестница. В целом это напоминает карандаш со сменным грифелем.

- Что такое карандаш со сменным грифелем?

Как только я задаю вопрос, ее руки перестают искать и она встает с удивительной ловкостью.

- погоди минутку. Ты не знаешь, что такое карандаш со сменным грифелем? Что у тебя за родители было, Кокуто? Это карандаш, в котором есть много наконечников во внутренних патронах. Когда наконечник затупляется, ты берешь его и выталкиваешь сзади наподобие базуки, и наружу выходит новый острый кончик, и не нужно хвататься за классную точилку. Может, их сейчас не продают.

Я понятия не имею, о чем она говорит, но, кажется, понимаю, что это за устройство.

- То есть вы говорите, что лестница выталкивается снизу, как пистон?

- В этом и суть. Видимо, они оставили пол-этажа высоты, чтобы двигать спираль. Север становится югом, юг становится севером. Что-то в этом есть. Но сейчас мы уходим.

Она идет к выходу, и я следую за ней. Когда мы выходим из здания, она что-то бормочет себе под нос, что-то, что я едва слышу.

- Блин, ты правда не знаешь, что такое карандаш со сменным грифелем? А они были популярны, когда я была маленькой.

Похоже, жизнь и вправду хочет еще раз ударить ниже пояса за наши усилия в этот день, потому что когда мы подходим к машине Токо-сан, мы обнаруживаем квиток о нарушении правил парковки, приклеенный к лобовому стеклу. Я думаю, стоило об этом подумать, раз мы были единственными, кто припарковался, несмотря на ширину дороги перед апартаментами. Видимо, гаишникам было нечего делать.

Парадокс спирали – 4

В ту ночь, покончив со всеми исследованиями, которые мне было необходимо выполнить для Токо-сан, я направился к дому Шики. Было лишь немногим больше восьми вечера девятого ноября, и я обнаружил, что её нет дома, что само по себе не так уж неожиданно. За исключением того, что на следующий день она не вернулась.

Парадокс спирали – 5

Неосознанно, прежде чем мои разум или тело осознали это, ноги принесли меня к дому Реги. Войдя, я замечаю, что здесь все также тоскливо, как и в последний раз, когда я признался Реги, что убил собственных родителей. Перед тем, как закрыть дверь, я вижу, что небо уже потемнело, хотя все еще освещается заходящим солнцем. Часовая стрелка указывает на шесть, и, как обычно, в этом тихом месте непрекращающееся тиканье секундной стрелки постепенно начинает раздражать и только усиливает головную боль.

Прошло девять дней с тех пор, как я видел Реги последний раз. В это время я шатался по улицам среди бродяг и уличных ребят, которые молчаливо приветствовали смену месяцев и занимались своими делами. Я практически не ел, останавливаясь только чтобы посмотреть на попавшиеся под руку газеты или экраны телевизоров, искал новости о нахождении тел моих родителей. Возможно, из-за того, как низко я пал, моя головная боль не проходит, и с каждым днем достигает все новых высот. Вдобавок ко всему, мое тело постепенно слабело, все конечности становились тяжелее каждый раз, когда я пробуждался от - по идее - освежающего сна.

- Что за хрень я с собой делаю? – шепчу я, обнимая собственные колени.

Я не собирался возвращаться. Но сейчас голос Реги – единственное, что я хочу услышать. Мне страшно, и мне нужна чья-то, чья угодно, помощь, и неосознанно я вернулся сюда.

- Эндзе? Что ты... неважно. Я не хочу знать, чем ты занимаешься в темноте в одиночестве, – раздается голос девушки, одетой в красную куртку поверх белого кимоно.

Она ни капли не удивлена тому, что я здесь. Ничего в ней не изменилось: от волос, достающих до плеч, до глубоких, темных глаз и тона голоса. Это все та же Реги, которую я знаю.

- И тем не менее, ты не мог найти лучшего времени для визита.

Она подходит к кровати и кладет на нее длинную сумку, которую она держит в руках. Открыв дверь в комнату, которую она ни разу не использовала, пока я был здесь, она достает деревянную коробку примерно такой же длины, как и сумка.

- Извини, но тебе придется подождать, пока я закончу. Я жутко хочу собрать этого малыша.

Она развязывает узел, обнажая голое лезвие меча. Движением, которое говорит о том, что она уже много раз это делала, она открывает деревянную коробку и достает ножны и рукоять, а также овальный предмет, который должен быть гардой.

- Блин, ножны не подходят. А ведь других у меня нет, – расстроено говорит она, превращая голое лезвие в великолепную катану, прикрепляя разные детали к концу клинка. Она заканчивает и с гордостью смотрит на него, после чего кладет меч на кровать и оборачивается ко мне

- Ну, так о чем ты хотел поговорить?

В противоположность тому, насколько восторженно звучит ее голос, ее выражение лица абсолютно безразлично. Я пытаюсь что-то сказать, но ничего не выходит. Я просто хочу, чтобы мне кто-то помог. И я понимаю, что ничего не изменилось. Все так, как и было в тот раз, когда Реги впервые спасла меня в темной аллее, но теперь я не могу вспомнить, от чего я хотел спастись.

- Я не знаю, черт возьми. Я много чего натворил, вокруг меня что-то происходит, я просто запутался, – говорю я.

Реги лишь молчит и смотрит на меня. Похоже, мне нужно продолжать.

- Когда я блуждал по городу, я видел свою маму. Сначала подумал, что это просто кто-то похожий на нее. Но я проследил за ней - она пошла в то здание, где жил я. Это полный гребаный бред! – кричу я, моя дрожь усиливается с каждым словом.

Реги встает.

- Короче говоря, ты думаешь, что она жива. Ты ведь в новостях ничего не углядел, так что все может быть.

- Нет! Я убил ее, и отца убил. Я в этом уверен. Это живые подделки! – я говорю со всей энергией, которую могу выдать, как будто крик делает слова правдивее.

Я не знаю, верю ли я в то, что говорю. Что я видел? Я помню, как превратил дом в наглядный пример залитого кровью кошмара, но кто же тогда входил туда?

- Я могу и ошибаться. Как насчет того, чтобы выяснить все раз и навсегда? Почему бы нам просто не пойти и не удостовериться?

- Что...

- Мы идем туда, стучим в дверь, смотрим, есть ли кто дома, спрашиваем. Так и узнаем, живы они или нет. Я серьезно! – сказав это, Реги не теряет ни секунды.

Она мгновенно встает, берет со стола нож, запикивает его в пояс кимоно. Зловещий вид клинков противоречит бытовому виду Реги – кажется, она просто собралась выйти за сигаретами. Девушка уже решила идти, со мной или без меня. Я хотел возразить, но видя, насколько она серьезна, заставляю себя пойти с ней.

- Не хочешь прокатиться на мотоцикле, Эндзе?

- Почему-то мне кажется, что у меня нет выбора.

- Хорошо. Я оставила его на парковке, на нем и поедем.

Мы спешно идем к подземной стоянке. Я удивлен, что у такого маленького здания есть стоянка, но намного больше я шокирован мотоциклом, на который указывает Реги: большой, тяжелый на вид Харлей с коляской. Подталкиваемый ее уверенностью, я забираюсь на мотоцикл, завожу мотор и мы выезжаем к апартаментам, где еще месяц назад жил я.

Мы очень долго ехали к многоэтажке, потому что я не привык управлять такими большими мотоциклами. Ноябрьский ночной воздух холоден, почти невыносим, и езда в открытом средстве передвижения ни разу не согревает. Но, несмотря на это, мы наконец прибываем к круглым апартаментам, таким высоким, что, кажется, они вот-вот коснутся луны. Странная круглая форма, и то, что это на самом деле два соединенных здания, - все это очень выделяет комплекс среди обычных четырехугольных соседей. Моя бывшая квартира располагалась на четвертом этаже восточного крыла. Насколько я знаю, в западном крыле никогда не было жильцов. Здесь вообще мало кто жил, так что, видимо, вторая половина здания так и осталась бесхозной. Я слышал, многие люди хотели купить там квартиру, но владелец был придирчивым и очень необщительным малым, так что он заполнил лишь половину квартир. Наверное, мой отец знал его, так что семья довольно легко получила место по знакомству.

- Ну, вот оно, – говорю я Реги, сидящей в коляске. Она поднимает глаза на здание и смотрит на него с подозрением, как будто видит призрака в одном из окон.

- Что с этим местом?.. – единственное, что она говорит.

Я паркую мотоцикл на улице перед апартаментами и веду Реги в здание. Бетонная стена окружает комплекс, делая его похожим на одно из плохих социальных учреждений. Круглая форма уменьшает занимаемое им место, но взамен окружающая флора забирает большую часть этого места себе. Ее рассекает мощеная дорога, идущая с улицы к самому зданию. Не говоря ни слова, Реги идет за мной до входа. Внутри мы мгновенно замечаем большую центральную колонну, которая возвышается над остальной конструкцией, словно древний памятник. Внутри нее находится лифт. И вокруг шахты лифта закручена

спиральная лестница, хотя вряд ли ей кто-то пользуется. Я нажимаю кнопку «вверх», чтобы вызвать лифт.

Где-то тикает секундная стрелка. Что-то не так. Мое сердце бьется намного быстрее, чем обычно, я тяжело дышу. Наверное, я не должен удивляться этому, все-таки я собираюсь нанести визит семье, которую убил. Едва ли это можно назвать методом расслабления.

Лифт прибывает.

Двери открываются

Я захожу.

Шики следует за мной

Я нажимаю кнопку четвертого этажа.

- Он крутится, – говорит Реги, ни к кому конкретно не обращаясь.

Лифт останавливается на четвертом этаже. Я выхожу и направляюсь к ведущему в восточное здание коридору. Реги тихо следует за мной. Теперь по левую руку от меня двери квартир, а по правую – вид на мир снаружи. Стена по грудь высотой находится справа, чтобы обезопасить людей от трагичных случаев. Все это освещается оранжевым светом дневных ламп с одной стороны, а с другой – мягким синим лунным светом.

- Мы просто идем до конца коридора, чтобы попасть ко мне домой.

Я продолжаю шагать. Здесь тихо, не считая еле слышного шума, доносящегося из квартир, но это тот фоновый шум, который мозг склонен не замечать, да и вообще тут мы никого не встретим. Наконец, мы подходим к последней квартире в тупике, и я останавливаюсь прямо перед дверью.

Мы и правда это сделаем? Рука не двигается, а зрение на секунду расплывается, когда я смотрю на дверную ручку. Стоп. Правильно. Сначала надо позвонить. Это абсолютное правило, даже несмотря на наличие ключа. Если я не сделаю этого, мама опять испугается до смерти. Это из-за того случая, когда сборщики долгов выломали дверь. Надо позвонить, чтобы развеять мамины страхи. Я тянусь к звонку. Реги останавливает меня.

- Как насчет того, чтобы *не* звонить и просто войти, Эндзе?

- Какого черта? Ты хочешь просто вломиться туда?

- Это же *твой* дом? Да и потом, если ты позвонишь, я не смогу увидеть весь фокус, и это будет очень плохо. Дай мне ключ.

Реги резко хватает ключи, которые я достаю из кармана, и вставляет их в замок, поворачивая на оборот.

Дверь открывается, изнутри я слышу тихое бормотание телевизора.

Внутри кто-то есть.

Звуки беседы. Гудение беседы. Отец валит проблемы на маму и мир. Мама слушает вполуха и кивает, соглашаясь со всем, что он говорит. Повседневная жизнь человека по имени Томое Эндзе.

Реги тихо входит, я следую за ней. Мы выходим из коридора, открываем дверь, ведущую в гостиную - откуда идет звук. Внутри находится дешевый стол, который этой хорошо выглядящей комнате совсем не подходит. То есть она была бы таковой, если бы в ней прибирались почаще. А сейчас мешки с мусором, распиханные по углам, смотрятся как необходимая мебель.

Посреди всего этого - мои родители.

- Боже, Томое все еще нет дома? Восемь часов уже. Он опаздывает на час! Где, мать его, этот засранец застрял?

- Кто знает...

- Это потому, что ты избаловала его. Он ведет себя так, словно мы не его родители. Этому чертову сопляку стоит начать вкладывать деньги в дом, или я выкину его задницу за дверь. В чьем доме он живет, а?

- Кто знает...

Что... что это за хрень?

И отец, трусливый глава семейства, и мать, которая служит его верным «да»-спутником, - живы. Два человека, которых я убил, продолжают жить, как будто ничего и не случилось. Но это не самое подозрительное. Они к нам даже не оборачиваются, хотя я и Реги стоим в дверном проеме у них на виду.

- Когда ты пришел домой? – шепотом спрашивает Реги.

- Около девяти, – ошеломленно отвечаю я.

- Блин, час? Ладно, придется ждать.

- Реги, какого хера? – шепчу я, думая, что эти двое могут нас услышать. – Объясни, что за чушь тут творится.

Ее безразличие меня злит, но в ответ я получаю лишь раздраженный взгляд.

- Мы не позвонили и не постучали, так что они не воспринимают нас как гостей. Мы не сделали ничего, что могло бы вызвать predetermined ответ. Так что они продолжают вести себя так, словно никто не пришел.

Закончив свое наблюдение, Реги идет в комнату позади нас.

В мою комнату.

После некоторых сомнений, я следую за ней, пытаюсь избежать взглядов родителей. Здесь я могу только стоять и ждать. Реги выбирает место у стены, опирается на нее и так застывает в комнате без света. Но чего она ждет? Никого иного как меня, Томое Эндзе, и моего возвращения. Так что я жду себя в месте, где я совершил убийство. Не самый нормальный для меня момент. Время течет одновременно быстро и медленно, вечность сжимается в секунду, в час, когда мое чувство реальности утекает каждый раз, когда где-то вдали тикает секундная стрелка. И, наконец, я слышу, как открывается дверь. Наконец я пришел домой. Чувство облегчения и ужаса одновременно, две парадоксальных эмоции соединяются вместе, когда я смотрю, как другой я входит в дом, не произнося ни слова, не начиная беседы с родителями, и входит в мою комнату. Все то же самое: волнистые рыжие волосы, тело и лицо, заставлявшее всех называть меня девчонкой до старшей школы, унылый вид, проклинающий весь мир, и тяжелый вдох после уединения в комнате; медитативное действие, почти ритуал, который, казалось, отгонял проблемы.

Другой Томое не обращает на меня и Реги ни капли внимания. Он ложится на матрас. У меня в голове становится пусто, когда я смотрю, как засыпает Томое Эндзе, пусть я и видел такое кучу раз. Я знаю, что сейчас случится. Звуки ссоры врываются в комнату. Мама повышает голос на отца, наверное, в первый раз в жизни. Потом нечеловеческий крик. Оба лают, как дикие псы. Далее неприятный звук чего-то твердого и металлического, ударяющегося о живую плоть. После этого - только отчаянное дыхание мамы. Шаги, один за другим. Часы тикают и тикают.

- Нет, – шепчу я, хотя знаю, что это ничего не изменит. В конце концов, я все это уже видел.

Дверь отодвигается, и Томое приоткрывает глаза, чтобы оглядеться. Он видит силуэт матери, держащей широкий кухонный нож.

- Умри, Томое.

Ее голос звучит оторвано, безэмоционально, но, возможно, это не так. Потому что Томое не мог видеть ее лицо, оно в тени, но сейчас Томое видит. Мама плачет. И все же идет резать его, словно одержимая какой-то отчаянной силой, каждый удар странно совпадает с движением секундной стрелки часов по циферблату. В живот, в грудь, в шею, в руки и

ноги, в бедра, в каждый палец, в оба уха, в нос, в каждый глаз, и, наконец, в лоб. Потом нож ломается, и мама прижимает сломанное лезвие к своей шее, протыкает ее, а затем проворачивает этот кусок металла. Она и нож вместе падают на пол с глухим звуком, который эхом отдается в комнате.

После этого - ничего. Только вечное тиканье часов, становящееся громче и громче. Это...

- Сон.

... который стал наконец реальностью. Или тем, где мы сейчас. От увиденного меня тошнит, но дальнейшие мысли останавливаются звуком шуршащего кимоно. Реги идет к выходу.

- Если твое любопытство удовлетворено, мы можем идти. Нам тут делать нечего.

- Нечего? Человек только что... Я только что тут умер!

- Да ну? Правда? Посмотри внимательно и увидишь, что тут нет ни капли крови. Они проснутся утром в полном порядке. Это цикл, в котором они рождаются утром и умирают вечером. Соберись, Эндзе. Ты жив. В этом, – она указывает на труп, – дырок намного больше.

Я поворачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на трагическую картину. Все так, как и сказал Реги - ни на ком из них нет крови, хотя тут должны были пролиться литры красной жидкости.

- Что, как...

- Эй, я тоже ничего не знаю, но в любом случае нам тут делать нечего. Давай, пошли дальше.

Реги идет к выходу. Я зову ее, но она не отзывается.

- Что значит «дальше»? Куда, мать твою, ты идешь, Реги?

- Тормоз. Туда, где ты на самом деле жил, Эндзе, – говорит она.

Уверенность ее действий рассеивает мое замешательство, пусть и временно. Сначала, пока я шел за ней в центральный зал, я думал, что Реги воспользуется лифтом. Но вместо этого она обходит его, направляясь в противоположную сторону вестибюля, где находится коридор, ведущий в западное здание. Без всяких формальностей она проходит по коридору и идет в коридор западного крыла. Я думаю, меньшего не стоило и ждать. Я осознаю, что, хотя я жил тут больше полугода, ни разу не видел, чтобы кто-то из восточного здания входил в западное. Это словно какое-то негласное правило.

Мы идем по коридору, порывы холодного, кусачего ветра напоминают мне, насколько сейчас поздно. Я бросаю взгляд на часы, сейчас около десяти. Насколько я знаю, в западном здании никто не живет, поэтому тут почти не горят лампы. А еще не слышно никакого шума из квартир. Ведомая лунным светом, Реги продвигается по слабоосвещенному коридору.

406, 407, 408, 409. Когда мы доходим до последней квартиры, 410, она резко останавливается, смотрит на дверь и начинает говорить:

- Я пришла сюда из-за одной догадки. Я кое-что заметила. Хотя ты сказал, что жил в 405, я точно помню, что Микия назвал твое имя последним. Не в его стиле путать порядок имен. Так что я подумала, что семья Эндзе должна жить в последней квартире четвертого этажа - другими словами, в квартире 410.

- Чего...

- Ты говорил, что лифт долго не работал, да? Он заработал только тогда, когда все жильцы уже расселились по квартирам, словно кто-то дал ему сигнал. Это трюк – лифт поворачивается и меняет местами выход, чтобы спутать север и юг. То, что он круглый, этот и громкий звук, который он издает при движении – все это прячет суть фокуса.

Поэтому же на втором этаже нет квартир. Требуется запас в один этаж, чтобы он мог повернуться на пол-оборота.

Поменять местами выход? Звучит как редкий бред, но что, если это на самом деле так? В конце концов, я точно не знаю. Хотя я абсолютно уверен в том, что когда выходишь из лифта, коридор перед тобой ведет в восточное здание. Я не задумывался об этом, потому что это казалось очевидным. Но если ее слова правда, то я все время путался, и просто не замечал, потому что все казалось таким же. Неважно, в какой коридор пойдешь, в итоге ты повернешь налево, а на дверях нет номеров, так что ты не заметишь разницы.

- То есть это мой дом?

- Ага. Квартира, в которой ты жил месяц до того, как заработал лифт, если быть точным. После этого ты жил в том цирке, где мы только что были. Если подумать, лестница тоже двигается, иначе вся штука не будет работать. Она же спиральная, правильно?

Я даже не утруждаю себя кивком.

- Но это невозможно. Ты же должен заметить все это дерьмо! – возражаю я, но Реги, со всем своим хладнокровием, давит мой протест.

- Ты все еще называешь это место нормальным после того, что мы видели в 405? Это место - замкнутое пространство. Все здания, которые ты видишь отсюда - одинаковые четырехугольные многоэтажки без особых различий между собой. Все стены, делящие это место, имеют какой-то странный цвет с маленькими узорами, которые ты не замечаешь, но твой разум обрабатывает и запоминает их. Нет маленьких несоответствий, и твой разум перестает замечать очевидные. Это не то же самое, что у Токо, но это охренительная защита.

Она берется за ручку двери.

- Поехали, Эндзе. Возвращение домой спустя полгода, – говорит она с легкой ноткой веселья в голосе.

Она открывает дверь. Теперь назад пути нет.

Внутренность 410-ой поглощена вязкой тьмой, такой, что никто из нас не видит дальше собственного носа. В моей голове возобновляется тиканье, а тело и все суставы снова тяжелеют.

- Где чертов свет? О, вот он, – я слышу голос Реги. Через секунду, над нашими головами загорается яркий свет.

Я сглатываю. Но не удивляюсь. Почему-то я знал, что все так и будет.

- Похоже, прошло полгода с тех пор, как они умерли, – говорит Реги голосом, по которому ясно, что она тоже не удивлена.

Хотя я понимаю, что мы должны быть как минимум ошеломлены, потому что в гостиной, куда мы только что вошли, лежат два неубранных трупа. Лишь несколько кусочков кожи висят на их костях. Большая часть плоти, отпавшей и разлагающейся на полу, лежит подобно куче мусора. Они выглядят так, словно их тела бросили на свалке и оставили гнить, глазницы черные и пустые как пещеры, а лица в таком состоянии, что никто с уверенностью не сможет опознать их. Кроме меня. Это останки Такаюки и Каеде Эндзе, родителей, которых я убил месяц назад. Но, как и говорит Реги, похоже, что они лежат уже намного больше месяца. Вдобавок, есть еще и другая семья Эндзе, до сих пор живущая с другой стороны.

Это парадокс, о котором у меня больше нет сил думать. Как и Реги, я стою в комнате и смотрю на тела, как будто так я смогу угадать точное время и дату. По сравнению со сном, который каждую ночь становится реальностью, тут уже точно все закончилось. Бессмысленная, бесполезная смерть моих родителей.

Даже так я не могу оторвать глаз от зрелища разложения. Я хочу закричать, но у меня не получается. Хочу ощутить отвращение или шок – но нет.

Звук входной двери врывается в мои мысли

- Нарываемся на драку, да? – улыбаясь, говорит Реги.

Она вытаскивает из крутки нож, и одним плавным движением обнажает лезвие. В то же время кто-то входит в гостиную - мы не слышим ни его голоса, ни шагов. Его лицо – лицо обычного мужчины средних лет, с которым можно запросто столкнуться на улице, не выражающее эмоций. Нет никаких намеком на приближающуюся опасность. Как только я подумал, что вроде бы узнаю его, он бросается на нас.

Это становится сигналом для Реги броситься ему навстречу и легко избавиться от атакующего одним ударом ножа. Спустя секунду, еще один, нет, три, нет, четыре человека вваливаются в комнату явно с теми же намерениями, но Реги не тратит времени попусту. Двигаясь к ним, она колет и режет с изяществом танцора, напоминая мне о спектакле в ту ночь, когда мы впервые встретились. Только сейчас она намного смертоноснее. Спустя мгновение все кончено, а у входа в гостиную валяется четыре трупа. Она хватается за мою руку и тащит за собой.

- Ну, жильцы четко выразили свое мнение, – говорит она. – Сваливаем отсюда.

Думаю, я могу рассчитывать, что она сохранит хладнокровие до конца. Я все еще не отошел от созерцания трупов моих родителей, но и не могу игнорировать происходящее. Я отпускаю ее руку.

- Какого черта, Реги?! Почему ты...

- Они не люди. Они трупы, это очевидно. Они просто куклы с посмертной волей. Омерзительно. В любом случае, хватит разговоров, бежим, бежим, бежим.

Я вижу на ее лице выражение абсолютного презрения, но у меня нет ни времени, ни желания гадать, чем оно вызвано. Реги бежит впереди, пока я пробираюсь через кучу трупов, которые она оставила за собой. Вижу взрослых и детей. Похожи на семью.

Я вылетаю через входную дверь, которую Реги оставила открытой, чтобы увидеть на полу еще пять так называемых «трупов». Крови нет, как и у тех четверых, которых она оставила внутри. Я думаю, это подтверждает ее слова о том, что они не люди.

За то время, пока я выбирался из квартиры, Реги уже добралась до входа в 408, где и сражалась с очередным трупом. Наблюдая за ней, я, наконец, осознал, насколько потрясающе она умела драться. Враги не давали ей поблажек, атаковали с яростью живого человека.

Но этого недостаточно, чтобы сражаться с Реги, которая ныряет и крутится, за ее движениями невозможно уследить. Каждый взмах, каждый удар, рассекающий кости, мышцы и сухожилия делает ее все менее похожей на девушку, и все более похожей на силу природы - белый жнец, прорубающей себе путь к центральному холлу. Несмотря на массу быстрых движений, перекрывающих мое поле зрения, я вижу другой конец коридора, освещенный светом справа. Там стоит черная фигура.

Сначала, из-за всей неподвижности его позы, я принимаю его за черную статую, но скоро осознаю, что это человек, одетый в черный плащ. Он чем-то отличается от трупов, с которыми расправляется Реги. Через секунду после того, как я увидел его, я застываю, от макушки до кончиков пальцев, просто не могу шевельнуться. Как марионетка, лишившаяся нитей, я поглощен ужасом. Я не должен был видеть его. Нет, не так. Мы вообще не должны были приходить сюда, так что мы не смогли бы встретиться с ним и призрачным спокойствием, которое исходит от него; неподвижность окутывает его, подобно плащу.

Глава 11

Человек стоит в конце коридора, не шевелясь, блокируя единственный узкий проход в центральный холл. Длинный чёрный плащ окутывает его тенью, которая отталкивает лунный свет, делает его темнее ночного неба. Он безмолвно смотрит на то, как, танцуя и кружась, девушка уничтожает сопротивление. Чувствуя взгляд, Рёги Шики замирает в тот момент, когда она подрезает последний труп. Расстояние между человеком и девушкой составляет меньше чем пять широких шагов. То, что она, не заметив его, позволила кому-то подойти так близко, заставляет её ненадолго потерять концентрацию.

Но это не единственное, что замечает в этом человеке Шики. От него ничего не исходит, нечего читать на его лице, нет никаких мелких движений, - или они слишком мимолётны, чтобы быть замеченными, или их на самом деле нет. И Шики это беспокоит. Капля пота собирается на её брови, трещина в её спокойной внешности.

- Иронично. Это должно было случиться после завершения подготовки.

Вес его голоса подавляет, его достаточно, чтобы подчинить просто словами. Он делает шаг к Шики и становится уязвимым, открывается. Девушка могла бы этим воспользоваться, но она понимает, что это невозможно. Она знает, что этот человек – враг, и что, в худшем случае, он намерен убить и её, и Томое Эндзе. Тем не менее её ноги прикованы к полу, она неспособна заставить их двигаться. Причина проста: хоть Шики и неплохо это скрывает, она на самом деле сильно обеспокоена - её Мистические Глаза Смертельного Восприятия видят линии на всём... кроме этого человека; ни следа линий смерти, никакой отметки энтропийной конечности, которую несут все и вся, и которую она всегда могла при желании увидеть.

Шики фокусируется на мужчине, как учила её Токо, пытаясь увидеть линии сильнее, чем когда-либо прежде. Хотя её разум стонет от напряжения, на мгновение она видит... что-то иное. В центре груди человека находится отметина, линия, закручивающаяся наружу. Как будто детский рисунок, напоминающий пустую дырку.

- Я знаю тебя, - говорит она, в голосе отчетливо слышен яд.

На мгновение, когда она видит странную отметину, она вспоминает фрагмент старой памяти. Видение, которое уносит её в ту залитую дождём ночь двухгодичной давности, но только на секунду. Мужчина отвечает:

- Да. Два года - это так долго.

Тяжесть его голоса заползает в уши Шики, когда он легко касается пальцем своего виска. Там, протягиваясь ото лба до левого уха, находится шрам от пореза, та рана, которую нанесла Шики два года назад.

- Ты...

- Арайя Сорен. Я тот, кто убьёт тебя, – объявляет мужчина, его лицо всё ещё хранит стоическое спокойствие.

Плащ, свисающий с его плеч, смотрится просто странно – он заставляет его выглядеть как архаичного волшебника. Он медленно поднимает руку, словно пытается ухватить Шики за шею, но между ними всё ещё слишком большое расстояние. В ответ она принимает стойку, расставляя ноги чуть пошире, и подносит левую руку к рукоятке ножа, готовая добавить силы в удар.

- У тебя паршивое приветствие, – поддевает его Шики – И что за хрень вообще творится с этим домом?

Она кричит этот вопрос, отчасти чтобы сдержать первый подлинный страх, который она чувствовала в жизни. Бурчащим тоном, который, скорее, снисходителен, чем уступчив, Арайя отвечает:

- Здесь ты не найдёшь великих планов или теневого заговора. Это всего лишь продукт моей собственной воли.

- Тогда правильно ли я понимаю, что все эти повторяющиеся жизни – просто твоё безобидное хобби?

Её взгляд, направленный на человека, также неподвижен, как и он сам. Пока они обмениваются словами.

- В настоящее время он незавершён, но я создал мир, длящийся один день. Однако, жизни и смерти самих по себе недостаточно, чтобы описать *рэгги*, состоящее из жизней и смертей разных людей, и этого точно недостаточно, чтобы сдержать тебя, не сейчас. Цикл смерти и перерождения незавершён. Он, однако, описывает спираль конфликта, ибо за Инь, я предложил смерть, а за Янь – жизнь.

- Так вот поэтому западное здание полно смерти, а противоположное живет обычной жизнью. Вы, маги, любите маяться самыми странными и бессмысленными ритуалами.

- Как я и сказал, тут нет великого плана.

Арайя бросает взгляд на парня, который всё ещё ошеломленно стоит позади Шики. Томое Эндзе безмолвствует, он может только смотреть на фигуру, глядящую на него.

- Ибо не может быть более одного состояния для человека. Жизнь и смерть не могут существовать вместе. Это место – парадокс, где никто из них не может спастись в комфорте и согласии.

Забыв об Эндзе, он снова обращает своё внимание к Шики:

- Это лишь простой эксперимент. Я хотел увидеть, как будет повторяться людской конец. Все люди умирают, но Исток гласит, что смерть предопределена. Будь исходом обгорелый кусок плоти или полное сожжение - человек, умирающий от огня, умрет таким образом; сражается он или сдаётся - человек, убитый семьёй, не избежит участи. Возможно, у него раз или два получится задержать свою кончину. Со временем смерть все равно найдет его, и только наше упорство определит, сколько мы проживём. Но человек, умирающий тысячу раз... по закону случая там могло случиться отклонение. Но, похоже, этого еще не произошло, по крайней мере, за двести повторов.

Он рассказывает всё это с больничной сухостью врача. Шики не знает, как он это делает, и её это не волнует. Но она знает, что он заставляет семью Эндзе бессмысленно убивать друг друга каждый день в «эксперименте», который, похоже, даже его самого особо не интересует. Что-то внутри неё говорит убить этого человека прямо здесь, и эта мысль ей нравится.

- Так что, каждое утро они начинают одинаково и разыгрывают эту жуткую драму их последнего дня на Земле? Интересное, но отвратительное хобби. И я не думаю, что научное сообщество так и рвётся увидеть результат.

- Не думай, что это случайные семьи. Они были выбраны, потому что они уже распались, сломались. Их жалкие жизни достигли бы того же финала. Я всего лишь подстроил более быстрый конец, которого они сами достигли бы после долгого пути, полного боли, страданий и непонимания, будь то через месяцы или годы.

Нет гордости, нет и сдержанной печали в том, что он говорит. Только любопытство наблюдателя.

- Называй меня безумной, но что-то говорит мне, что они с тобой не согласились бы. Посмотри вокруг. Полы слегка наклонены, незаметно, но достаточно, чтобы угробить твоё восприятие равновесия. Слабое освещение, которое, в сочетании с краской и рисунками, медленно сводят с ума любого внутри твоего цирка, даже без магии.

- Прекрасная похвала, но обращена она не к тому. Ты должна говорить это Аозаки, ведь она создала это, пусть и не зная зачем.

Он пробует сделать ещё шаг. Шики направляет нож к основанию шеи Арайи. Прежде чем время разговоров закончится, она задаёт ему последний мучавший её вопрос:

- Почему ты хочешь убить меня, Арайя?

Поначалу кажется, что он не намерен отвечать. Но, спустя мгновение, он выдаёт абсолютно неожиданную фразу:

- Кирие Фудзе и Асагами Фуджино не справились со своими задачами.

- Что ты сказал?

От неожиданного ответа Шики теряет дар речи. Пользуясь моментом нерешительности, Арайя сокращает дистанцию ещё на шаг.

- Я держу перед тобой треснувшее зеркало, и ты видишь Кирие Фудзе, женщину, которая процветала за счёт смерти, чтобы уцепиться за жизнь.

Он называет имя женщины, поглощённой неизлечимым заболеванием, не знающей, когда она умрёт. Человек, живший благодаря желанию умереть. Она могла иметь два тела, но всего одну душу, и эти тела были неразрывно связаны.

И вот есть Рёги Шики, имя девушки, которая способна чувствовать себя живой, лишь когда сталкивается со смертью, когда держит её рядом, словно любимую побрякушку, но никогда не позволяет ей поглотить себя. Она могла иметь две души в одном теле, и их соединение сейчас разрушено.

- Изображение в зеркале меняется, и ты видишь Фуджино Асагами, женщину, которая чувствует удовольствие благодаря смерти.

Он называет имя девушки, которая ничего не чувствовала, и потому не понимала движений мира вокруг ней. Только через крайности убийства она могла получить удовольствие господства и радость жизни. Её опасные способности были запечатаны той же семьёй, от которой она унаследовала их.

И потом, есть Рёги Шики, имя девушки, которая могла сопереживать другим через действие взаимного убийства, рискуя смертью и сражаясь с ней. Её отточенное умение было даровано ей семьёй, от которой она его унаследовала.

- На краю пропасти Кирие Фудзе выбрала смерть, в то время как ты выбрала жизнь. В краже жизней Асагами Фуджино нашла удовольствие, в то время как ты дала ему вес и значение. Ваши сходства и ваши различия как убийц очевидны.

Шокированная, Шики может только смотреть, как вместе с человеком приближается тьма.

- Два года назад я не справился. Я не осознавал, что мне нужны другие индивиды с тем же истоком. Возрадуйся же, Рёги Шики, ибо и Кирие, и Фуджино были жертвами ради тебя.

В его голосе слышна страсть и едва заметно наслаждение, которое он, по его мнению, заслуживает. Но в то же время его лицо всё также напоминает маску из камня. Видимо, он страдает от невидимой ноши на плечах.

- И последний кусочек – если Аозаки не помешает мне, я его использую. Эндзе Томое стал нежданным благословением, вернувшись оттуда, откуда мои заклинания не могли заставить его повернуть назад.

- С меня довольно. В общем, виноват во всем ты. Осталась всего одна деталь, – бормочет Шики со слышимым возбуждением в голосе.

Она еще сильнее захватывает нож. Мужчина не отступает и указывает пальцем на тела кукол, что столкнулись с её ложью. На долю секунды тень Арайи притягивается ближе, иллюзия слегка выводит Шики из равновесия.

- Сама пустота – твой основной импульс, твой Исток. Брось взгляд в эту бездну и найди себя.

В этих словах живёт проявление истины, нить магии. И хоть оно зарывается глубоко внутрь Шики, та всё равно сжимается для нападения и кричит:

- С дороги или умрёшь!

Как стрела, она срывается вперёд с животной скоростью, и убийство – единственное, о чём она может думать.

Расстояние, разделяющее их, не превышает трёх метров, и здесь некуда бежать, кроме как вперёд или назад по узкому коридору, поэтому оба даже не думают об отступлении. Со скоростью рыбка, Шики меньше чем за секунду преодолает это расстояние. Она держит нож у бедра, готовясь выпустить мужчине кишки.

Но у мага другие планы. Ему нужно лишь проговорить слова:

- **Фугу.**

Воздух вокруг него рябит, и Шики замирает.

- **Конго.**

Он вытягивает руку. Шики отчётливо видит линию, начинающую проявляться на полу.

- **Дакацу.**

При звуке этого слова девушка чувствует, как замирает воздух вокруг неё.

Шики качнулась от неожиданной остановки, её тело словно наполнили свинцом. Линия, которую она увидела мистическими глазами, замкнулась, превратившись в три тонких круга, разделённых, окружающих человека словно орбиты планет. Внешний круг, который шире коридора, начинает забираться на стены. Шики понимает, что попала в ловушку, её остановили в тот момент, когда она вступила во внешний круг. Теперь она словно белая бабочка, запутавшаяся в паутине.

- Я возьму это тело.

Маг идет вперед, призрачная тёмная плавность его движений перекликается с белой вспышкой атаки Шики. Теперь он стоит прямо перед девушкой, которая беспомощно застыла и смотрит, как плащ мага развевается на ветру. Только теперь её разум догоняет события, и она осознаёт, насколько опасный враг Арайя. Он протягивает к ней руку, ладонь раскрыта, как будто собираясь схватить и раздавить лицо Шики.

- Не подходи! – кричит Шики, слова выходят тяжёлыми выдохами, рождёнными с огромным трудом.

Но та же мощь, что парализовала её, теперь будит её силу воли. Когда пальцы Арайи начинают касаться её лица, она извивается, чтобы избежать их, и, приложив силы, которых она даже сама от себя не ожидала, вырывается из невидимых цепей и умудряется взмахнуть рукой с ножом сверху вниз. Левое запястье Арайи отрезано...

- **Тайтен,** – говорит он, и рука, что падала на пол долю секунды назад, не касается пола.

Шики видела, всё видела. Клинок прошёл через запястье, как нож сквозь масло, но теперь на руке нет и следа от раны.

- **Чогио.**

Его правая рука двигается, и двигается неожиданно быстро, как будто он ждал того, что только что сделала Шики. В этот раз у него получается ухватить её лицо, и сделав это, он поднимает её в воздух. Шики пытается что-то сказать, но её голос сдерживается той же силой, что не давала ей говорить раньше, и она издаёт только сдавленные звуки. От этой руки Шики чувствует неописуемо холодное ощущение, которое ползёт под её кожей к глубинам её разума, прежде чем соскользнуть по спине и просочиться в каждую клеточку её тела. И впервые в жизни, она чувствует последние, отчаянные волнения того, кто вот-вот умрёт.

- Тебе многое предстоит узнать. В моей левой руке находится *сарира*, и даже Мистические Глаза Восприятия Смерти не могут увидеть её слабых мест. Простой порез

не сможет меня ранить, – объясняет он, пока его рука продолжает сжимать лицо Шики как машина, не расслабляясь ни на секунду.

Ногти вгрызаются в кожу всё глубже и глубже. Он изучает её с видом, похожим на любопытство учёного. Девушка знает – одно неосторожное движение, и его рука сожмётся со всей силой, которую он сдерживает, и раздавит ей голову.

- Я не умру, – продолжает он. – потому что я пробудил свой Исток – неподвижность. Он управляет мной. Как ты убьёшь то, что уже упокоилось?

Глаза Шики яростно бегают из стороны в сторону, пытаясь воспользоваться тем полем зрения, которое ей ещё доступно. Она старается найти хоть одну линию смерти на его теле, но тщетно. Отчаянно желая отогнать вползающий в неё холодный страх и боль от продолжающегося давления, она ищет уязвимость. Но прежде, чем это произойдёт, маг приходит к заключению.

- Я заберу твоё тело. Но, скорее всего, твоя голова мне не понадобится.

Внезапно Арайя направляет в свою руку мощную, разрушительную силу. Шики слышит, как трещит её череп и как начинает ломаться челюсть. Её глаза расширяются, пока она ищет. Есть! Слабая, но есть, на правой руке. Шики вливает все оставшиеся силы в разрезание этой линии, и это срабатывает. Рука отрезана.

Арайя только ворчит, но всё же отступает на несколько шагов. Отрезанная рука, от локтя до ладони, всё ещё держится за лицо Шики, но она отбрасывает её в сторону и прыгает назад. Она опускается на колени, когда решает, что дистанция между ней и Арайей стала достаточной, смотрит на землю и яростно вдыхает воздух, потому что боль и усилие по поддержанию слабого видения линий было слишком тяжелым. После паузы Арайя говорит:

- Возможно, я недооценил эти глаза. Сцена, которую ты устроила в больнице, должна была дать мне всю необходимую информацию. Энтропия. Не важно, живо что-то или нет, для тебя нет никакой разницы, если Глаза и линии работают за счёт энтропии. Даже меня и мой Исток ещё связан со спиралью. Интересно... через какое время ты увидишь линии на моей левой руке?

Не обращая внимания на отрезанную руку, он продолжает:

- Эти глаза – пустая трата способностей и твоя ответственность. Ты будешь скована прежде, чем я уничтожу их.

Он возобновляет своё наступление шагом, но Шики уже давно пялится на три круга вокруг него, пытаясь угадать ключ к победе.

- Тебе бы стоило отступить, когда у тебя был шанс, – предупреждает Шики, перехватывая нож лезвием наружу. - Не думай, что я вижу поля первый раз. Видишь ли, у них есть такая черта, что они обязательно замкнуты, как те барьеры, что чудики Сугуендо предположительно нанесли на Гору Омине, чтобы отгонять женщин и их искушения. Я ничего не смогу сделать с тем, что внутри, потому что поля для того и созданы – они не должны чего-то пускать. Другими словами, если линия исчезнет, исчезнет и смысл.

С этими словами Шики берет нож и бросает его в землю, ударяя фугу, внешний круг быстро приближающегося защитного поля Арайи, после чего «убитый» круг исчезает.

- Глупое наблюдение, – возражает маг и ускоряет шаг.

Но в этот раз, уменьшив число барьеров Арайи до двух, Шики готова. И маг не учёл, насколько широки возможности Мистических Глаз Шики. Допустить, что они могут убить что-то бесформенное и безжизненное, вроде защитного магического поля – это что-то за гранью его даже самых пессимистичных предсказаний. И теперь он начал торопиться.

- Однако, осталось ещё два поля.

- Котелок не варит, да? Ты не слушал? Твой трюк раскусили.

Всё ещё на коленях, Шики заводит руку за спину, чтобы достать что-то, засунутое внутрь пояса кимоно. Это второй нож, который она взяла с собой. Как только она достаёт его, то тут же бросает в сторону Арайи. Как камень, отскакивающий от воды, он летит над полом, рассекая второй барьер, потом третий и, отскакивая от пола ещё раз, набирает высоту и летит магу в голову.

Невероятная ловкость Арайи позволяет ему спастись от прямого удара, но сила и скорость Шики поражают даже его. Кровь течёт по полу. Несмотря на его уклонение, нож всё равно прошёл через ухо, отрезав его напрочь, и теперь кровь, мясо и неопишуемые жидкости – все это на полу.

Маг рычит от боли - не столько от травмы, сколько от шока столкновения с чем-то, что ударило его тело на полной скорости. Белая масса, на которую он не успел обратить внимание после внезапности ножа. К моменту, когда он осознаёт, что это Шики ударила его, исход дуэли уже предрешён.

Шики нанесла удар плечом со всей скоростью и яростью, на которую была способна – достаточной, чтобы сломать несколько костей – прежде чем ловко направила нож в тело Арайи.

Маг откашливается мелкими каплями крови, крупинки песка сыпятся из его рта, пачкая пол и белое кимоно Шики. Она вытаскивает нож, чей серебряный блеск потускнел от красной крови. Не тратя времени, она кладёт свободную руку на ручку своего оружия, хочет усилить следующий удар, и поднимает клинок, чтобы ударить Арайю в шею настолько сильно, насколько возможно финальным ударом милосердия, хотя победитель очевиден. Причина проста...

- Твоё упрямство сослужит тебе плохую службу в аду, Шики.

...Её враг всё ещё жив.

- Чёрт! Почему... - кричит она, хотя заканчивает только в своих мыслях.

Почему? Почему ты ещё не умер? Маг удерживает свое характерное суровое выражение лица, за исключением глаз, светящихся от удовлетворения. Если бы глаза могли улыбаться, то сейчас бы именно это и делали.

- Я двести лет жил на земле, и даже Мистические Глаза Восприятия Смерти не могут так быстро обнулить этот срок. Энтропия на мне уже работает, быстрее, чем ты думаешь, но если это цена, которую я должен заплатить, чтобы пленить тебя, то так тому и быть.

Дуэль предрешена. Его левая рука со сжатым кулаком летит к Шики, ударяя её в живот с силой, достаточной, чтобы расколоть бетон. Она отрывается от земли на несколько дюймов, выплёвывая столько же крови, сколько и Арайя. Шики слышит, как её тошнит, жестоко и жалко. И успевает понять, что ребра и внутренние органы повреждены, прежде чем потерять сознание. В итоге, несмотря на силу Мистических Глаз и умение драться, её тело остаётся таким же хрупким, как и у любой девушки. Она бы потеряла сознание, даже если бы Арайя вложил в удар и половину силы.

Маг хватается Шики единственной оставшейся рукой и бросает её в стену коридора, словно хочет переломать в ней все кости, но вместо этого стена, кажется, глотает Шики, позволяя ей утонуть в ровной поверхности, как будто это была вода. Лишь после того, как Шики полностью исчезает, маг позволяет себе опустить протянутую руку. Нож Шики всё ещё торчит из его шеи, и его глаза теряют пугающий эффект. Проходят секунды, но чёрный плащ не двигается.

Тело мага мертво.

Спираль парадокса – 5

Наступает утро 10 ноября, и всё ещё ни намёка на то, что Шики хочет вернуться домой. У неё есть дурная привычка уходя не закрывать квартиру, но в последнее время она стала запирает её, поэтому я не могу даже попасть внутрь. Мне приходится часами ждать здесь, в коридоре.

Недавно я с Акитакой так же стояли под дверью, но потом он пришёл к выводу, что это бесполезное занятие и доверил тот объект в сумке мне. Я знал, что ночные прогулки Шики могут продолжаться до рассвета, тут не было ничего удивительного. Но с того момента, как она вчера покинула офис, что-то было не так.

Я беспокоюсь и хочу подождать её до утра, но даже когда солнце встаёт и небо окрашивается в голубой, её все ещё нет.

Спираль парадокса – 6

За то время, пока я жду Шики, город обретает свой утренний вид. Погода, однако, решила вернуться к серо-облачной, а я уж понадеялся, что она вчера передумала. Не позволяя моему беспокойству слишком сильно меня грызть, я выкидываю его из головы и направляюсь в офис.

Я добираюсь до него в начале девятого. Во мне теплится надежда, что Шики пошла прямо на работу, но меня встречает только Токо-сан, одиноко сидящая за столом.

Я ее быстро приветствую. Вхожу, сажусь за свой стол и продолжаю работать над тем же, над чем работал вчера. Мой мозг не хочет выполнять свои обязанности, и всё же я действую, как машина, видимо, потому, что этим я занимаюсь каждый день. Это сила рутины моего беспокойного ума, которая справляется даже с возможной неполноценностью работы.

- Кокуто, насчёт информации, которую ты мне вчера дал.

До меня доносится голос Токо-сан.

- Ага, – лениво отвечаю я.

- Это насчёт той многоэтажки и её жильцов. Помнишь, ты немного злился после того, как накопал информацию только на тридцать из пятидесяти семей, но на самом деле это всё. Оставшихся записей просто не существует. Поэтому ты смог найти только их имена и семейные древа. Эти семьи – чистая выдумка. Я сама пробовала искать, но просмотрев четыре раза добытую информацию, сдалась. Они просто воспользовались записями о людях и семьях, которые уже много лет как отправились на тот свет.

- Ага, – повторяю я.

- И все они в восточном здании. Не знаю, что творится, – она обрывает себя на полуслове, неожиданно хмурясь от раздражения, как если бы по ней полз жук.

Она бормочет только одну фразу, которая возвращает меня в реальность

- Кто-то идёт.

Она быстро достаёт что-то из шкафчика в столе, нечто, похожее на кольцо, сделанное из травы. И бросает мне.

- Держи при себе и не задавай вопросов, – беспокойно объясняет она. – Не надевай. Не привлекай внимания. Ничего не трогай. И не глазами по сторонам. Если всё сделаешь правильно, наш незванный гость уйдёт, не заметив тебя.

Напряжение в её словах заставляет меня не задавать вопросов, и, уловив резкость происходящего, я следую её указаниям. Кольцо – дилетантская работа, но, тем не менее, я сжимаю его изо всех сил, как будто это сможет искусственно усилить тот эффект, который оно должно производить. Я встаю у стены за диваном, на котором часто лежит Шики, и жду.

Немного погодя, мы оба слышим отчётливый звук шагов. По лестнице этого недостроенного здания поднимается индивид с подчеркнuto размеренным шагом – возможно, он это делает намеренно. Шаги не останавливаются, а вместо этого идут прямо в офис, и вскоре сюда заходит человек, одетый в красное.

Поразительно светлые волосы и голубые глаза мгновенно выдают в нём приезжего, а его острые, чёткие черты лишь усиливают это впечатление. Движениями он напоминает шоумена: изысканные, отточенные, с хорошо отмеренной дозой театральности. Я бы сказал, что ему чуть больше двадцати, по национальности, очевидно, европеец, скорее всего немец. Красный плащ довершает иллюзию того, что он только что сошёл с иллюстрации Викторианской эпохи. Войдя, он сразу же жестом приветствует Токо-сан.

- Доброе утро, Аозаки. Давно не виделись. Как твои дела, дорогая?

Его нарочитые манеры звучат даже в голосе, который поднимается и опускается в тех местах, которые он считает драматичными. Улыбка полна фамильярности, но в его действиях я вижу нечто змеиное. Человек останавливается прямо перед столом Токо-сан. Она обращает на него холодный взгляд.

- Корнелиус Альба. Могу я узнать, что наследник Аббатства Спонхейм делает так далеко от дома?

- Ну, я думал, это очевидно! К тебе приехал, конечно! Ты была так полезна тогда, в Лондоне, что я подумал, что надо предупредить тебя. Или моя доброта тебя раздражает?

Он широко разводит руки в приветственном жесте и улыбается. Пышность его поведения ярко контрастирует с Токо-сан, которая продолжает создавать атмосферу едва скрытой враждебности. Но мужчина позволяет себе смешок прежде, чем продолжить объяснение.

- И почему бы не остаться? Всё-таки Япония такая прекрасная страна. Современная, но имеет эту изолированную атмосферу «Макондо», именно потому Ассоциация склонна не обращать на неё внимания. Здесь свои семьи, свои причудливые традиции в Магии, как это Онмиодо, которой я не отличаю от Синто, но не важно. Просто прекрасная традиция – тут не принято вторгаться в чужое личное пространство, в отличие от любопытной Ассоциации. Когда случается что-то, идущее вразрез с их правилами, они не вмешиваются, но потом замечают следы, как уборщики. Японцы такие же. Не пойми меня неправильно. Мне это в них *нравится*. Но я привык совсем к другому, хотя ситуация просто отличная для порвавших с Ассоциацией отступников. Но я тоже часть Ассоциации, так что меня это не касается.

Он смеётся, завершая своё разъяснение, и это уже начинает раздражать.

Думаю, Токо-сан сказала правду. Он не смотрит в моём направлении, кажется, вообще не знает, что я тут. Бросив взгляд на парня, который как пулемёт отстрочил эти слова, Токо-сан, наконец, отвечает:

- Если ты хочешь потрепаться, то можешь идти туда, откуда пришел. Ты вторгаешься в мою мастерскую, так что я могу убить тебя на месте, и никто меня не осудит.

- О, но не забывай, что ты первая сделала это, ворвавшись в мою мастерскую, так что *моё* дело приоритетнее. В тот раз тебя сопровождал кто-то ещё, и я не знаю, был ли он одним из нас, так что я воздержался от приветствия, которое должен сделать хороший хозяин.

- Так я была права насчёт высоты? Если это ты вплетал Магию в то любительское поле, то, возможно, тебе стоило бы несколько... снизить свою самооценку.

Токо-сан позволяет себе незаметнейшую улыбку, но блондин не воспринимает шутки:

- Ты не видишь его гениальности? Мы создаём наши мастерские и наши святилища как места, отделённые от мира, и наши барьеры созданы, чтобы не впускать глупых людишек, ещё больше сдерживая нас и наши труды. Ты усиливаешь барьер всё больше и больше, строишь стены всё выше, и однажды Ассоциация обратит на тебя внимание. В любом случае, это кто-то заметит - маг или нет. Но это жилое здание – не такое. Его природа скрыта. Этот маленький мир, где мы можем спокойно проводить исследования, недоступен Ассоциации. И насколько я знаю, только один человек мог повернуть такое, его методы далеки от грубого узора неофитов и выскочек.

- О, так ты пришёл за похвалой? За одобрением? Доказать, что ты догнал меня и его? – спрашивает Токо-сан. – Ну, если хочешь, чтобы кто-то отметил твои школярские усилия, то я побалую тебя. Поздравляю, Корнелиус Альба!

Её голос сочится сарказмом.

- Не смей так легко забывать обо мне, Аозаки. Араяя не сравнится со мной. Он должен благодарить меня за кукол в том здании и за мозги, которые я держу живыми и работающими. Без меня он ничто.

Теперь выражение лица человека превратилось в пародию на его изначальное веселье, а молодость, которую он излучал, проходя через дверь, заменилась угрожающим видом.

- Боже, как вырос наш мальчик. Не обманывайся, Альба. Для Ассоциации мы оба отступники, и наши неофитские дни закончились. Что ты тут забыл? Если намерен просто хвастаться исследованиями, оставь их для своего неистового фанклуба, у тебя он точно есть.

- А мы все не меняемся, да? Тогда отложим этот разговор на потом. Твоя мастерская похожа на унылый цирк. Со временем ты вернёшься в то здание, и, возможно, там мы нормально поговорим в более изысканной обстановке.

Он делает паузу, они оба буравят друг друга взглядами, прежде чем он говорит:

- Аозаки, *тайджиту* у нас.

Глаза Токо-сан дергаются, когда она слышит необычное слово.

- Держите Тайджиту в себе? Вы правда так хотите достичь спирали Истока? Вы полные идиоты, если ставите себя выше других магов и думаете, что сможете справиться с ответом Контр-силы.

- Как я сказал, Контр-сила не вмешается, как и консенсус³, из которого исходит её власть. Это не наша выдумка, это просто старый фокус, который мы никогда не раньше не использовали. Всё же мы будем осторожны. Не волнуйся. Твоя Рёги получит всю заботу и внимание, которые ей нужны.

- Что ты сделал с Шики?!

Неспособный сдерживать себя, я кричу, как только слышу это имя. Они оба оборачиваются ко мне одновременно, на лице Токо-сан читается разочарование – я снова выставил себя идиотом. Мужчина в красном недоверчиво смотрит на меня. Чёрт с ним, ещё успею поупрекать себя. Отойдя от шока, он улыбается своей самой широкой улыбкой.

- Ты, должно быть, тот вчерашний парень, который приходил с Аозаки.

Он оборачивается к Токо-сан

- Я думал, ты не берешь учеников, но, похоже, у нас тут доказательство обратного. Прекрасно! Просто прекрасно! Ещё один повод для радости!

Он жестикулирует руками, словно оперный певец, и со всеми случайными переменами певучего голоса кажется крайне необычным.

- Я думаю, бессмысленно говорить, что он не мой ученик? – вздыхает Токо-сан, раздражённо потирая лоб пальцами. - Ладно, если это всё, то спасибо, что поделился информацией. Только ответных благодарностей не жди. Ты не думал, что я могу доложить об этом Ассоциации?

- Бюрократия этой организации работает против неё. Все их приготовления и выписка разрешений займут как минимум шесть дней, ещё два на то, чтобы связаться с местными отделениями, и разведать обстановку. Медленнее, намного медленнее, чем библейский Бог и его акт творения. Так много можно успеть за это время!

Восклицание завершает утверждение, он смеётся так, что сгибается пополам, а я чувствую себя неуютно. Устав, он отворачивается от нас. Единственным следом смеха остается улыбка, слегка приподнимающая уголки его рта.

- Ну, до свидания. Я знаю, тебе тоже необходимы приготовления, но я жду нашей следующей встречи.

Мужчина уходит, красный плащ развеивается от его бурных движений.

- Токо-сан, объясните, что за хрень только что случилась?

³ Вероятно, синоним Алайи.

Её напряжение развеялось в ту же минуту, как человек вышел за дверь, и она возвращается к своему обычному спокойному виду. Она даже отвечает спокойно.

- Ничего. Просто дружеское соседское предупреждение о том, что они схватили Шики, вот и всё.

У меня нет слов, кроме вопросов, ответы на которые я и так могу найти в беседе Токо-сан и человека в красном.

- Где?

- Апартаменты Огава, где-то на верхнем этаже, наверное. Если следовать логике их безумных ритуалов, то Шики, как Инь, должна быть в восточном здании.

Из нагрудного кармана она достаёт сигарету, затягивается и с кажущимся облегчением лениво глядит в потолок. К сожалению, я не такой оптимист. Я не могу заставить себя поверить словам человека в красном о том, что с Шики всё хорошо. Надо проверить. Я уже направляюсь к двери, как Токо-сан восклицает:

- Стоять!

Я поворачиваюсь к ней.

- Послушайте, Токо-сан, я знаю, это ваша политика – не вмешиваться, пока вам деньги на стол не положат, но...

- Успокойся на минутку, ладно? – ругает она меня, не столько от досады, сколько от раздражения. – Просто для справки, я знаю, *кто* такая Шики. Я чувствовала, что этот день придёт с самой первой встречи с ней в больнице. Это просто судьба забирает долг, который я тогда взяла у неё. Кокуто, нельзя идти в святилище мага, не зная, как ты будешь с ним сражаться. Даже Альбе пришлось пробиться через несколько грязных ловушек, просто чтобы подняться сюда, и тебе придётся сделать то же самое, только ты не будешь видеть их. Войди туда не глядя по сторонам - и я гарантирую, что ты не успеешь и десяти метров пройти, как превратишься в такую форму жизни, что тебя мать родная не узнает.

После объяснений я наконец понимаю, что этот чудик в красном такой же, как Токо-сан, и реальностью может управлять так же.

- Но что насчёт вчера? Всё же было нормально?

- Потому что они думали, что ты обычный человек. Я разве не говорила? Маги не используют свои способности на обычных людях, если они не загнаны в угол. Ты расслабляешься, развешиваешь заклинания как попало, а потом это оборачивается головной болью. Но не ошибись; Альба хочет убить тебя также, как меня.

- Так и есть, – говорю я, обдумывая всё сказанное. – Я думаю, он мог просто поиграть с моим мозгом или ещё что-нибудь такое учудить.

- Да, – кивает она. – И нет. С мозгом могут работать многие специализирующиеся на этом маги. Но это не значит, что это все делают. Старое «он псих, потому что феи ему крышу снесли» объяснение больше не работает, поскольку люди входят в социальные группы – семью, круг друзей, социальные ниши, к которым они принадлежат – и там это все хорошо видно. Чем больше ты прячешься с помощью магии, тем больше внимания ты привлечёшь к какой-то странной хрени, творящейся вокруг тебя, и рискуешь выдать себя. И, кроме того, заклинание не вечно. Это постоянная борьба между заклинанием, которое создаёшь ты, и волей подверженного ему разума. Иногда, разум одерживает верх, и человек возвращает память – и это что значит, что тебе не повезло.

Она ломает сигарету о пепельницу и оставляет её там. Я знаю, что Токо-сан права. Необъяснимое потребует объяснений, люди будут искать их, потому что в эти вещи ясно лишь то, что для них нет объяснений. Если этот блондин начнёт убивать, он привлечёт кучу внимания. Добавьте к этому новую игрушку – интернет – и становится всё легче и легче выследить человека и посмотреть, куда он пошёл. И это выведет их на здание Огава.

Поэтому у него такой неброский вид, чтобы люди в нём чувствовали себя настолько нормально, насколько возможно. Судя по беседе Токо-сан и Альбы, этот тип явно замышляет что-то плохое - и всё же он не помешал грабителю и ничего не сделал с раненой женщиной, потому что для него намного лучше, чтобы полиция пришла, осмотрелась и ничего странного не увидела, чем начало полноценного расследования.

- Вот как-то так, – Говорит Токо-сан со вздохом. – Заметь, Кокуто, как Альба разливался насчет своего безупречного поля. И, тем не менее, судьба даёт нам даже не один, а два инцидента, которые поставили многоэтажку под подозрение, а теперь и Шики исчезла там же. Если здесь есть мораль, так она звучит так - реальность всегда ненавидит парадоксы, не важно, как хорошо они скрыты.

- Это то, что вы оба назвали Контр-силой?

Как только я упоминаю странное слово, на лице Токо-сан появляется выражение отвращения, и она кивает в знак согласия.

- Возможно. Это только теория, метафизическое правило вселенной. Это «консенсус», о котором я всегда говорю, как о главном союзнике человечества, и главном враге магов. Мы не желаем людям плохого, просто хотим жить в мире. К сожалению, реальность хочет того же. Объединённая воля всего человечества формируется в общую парадигму, которая требует восстанавливать реальность в стабильную форму, сражаться с вещами, которых не должно существовать... например, с магами и с магией. Иногда, когда консенсус слишком сфокусирован, он получает физическое воплощение. Он может направить судьбу так, что обычные люди свергнут великих. Консенсус человечества сам по себе является его невидимым защитником, и люди, которыми он управляет, становятся известны как герои, хотя в современном мире, где информация расползается с невероятной скоростью, сложно стать по-настоящему знаменитым и великим, когда человечество само себя может уничтожить за считанные минуты. Контр-сила постоянно спасает людей, хотя мы этого не замечаем. Но не думай, что она соперничает людям. Это только верность консенсусу, и его не волнуют такие вещи как людское счастье. Мы можем быть уверены только в двух вещах: это воплощение воли человечества, и оно будет уничтожать все парадоксы в мире, всех магов и их эксперименты с алогичной магией.

Уважение и ненависть одновременно слышны в речи Токо-сан, как будто она сама не знает, как относиться к этой «Контр-силе». Её рассказ напоминает о многих вещах, о многих философах, которые говорили о чём-то похожем, и о той истории об одной крестьянке из Орлеана, действия которой направлял, по её словам, Бог. Возможно, это и была «контр-сила»?

- Ну, это многое объясняет, Токо-сан. Я так понимаю, Шики стала частью похожего эксперимента, да?

Я знаю, чем это кончится, потому что я привык, что она ничего не говорит просто так, даже если значение её слов станет ясно намного позже. Я понял из её беседы с Альбой, что этот эксперимент – или что там это такое – и есть причина исчезновения Шики.

Она тушит сигарету, затянувшись в последний раз, потом оборачивается ко мне и чему-то удовлетворенно улыбается.

- Не знаю, что конкретно Альба планирует сделать с Шики. Я только знаю, что он хочет достичь спирали Истока. В какой-то момент им придётся воспользоваться её телом, но Альба не любил такой неприятной работы, и, как и всё остальное, это вряд ли в нём изменилось. Он будет думать об этом до последней минуты. Если предположить, что они взяли её живой, то она и сейчас в порядке.

- Верно, – твёрдо отвечаю я. – Ведь о чём ещё он мог говорить, когда сказал, что позаботится о ней?

Я осознаю, что смотрю прямо на Токо-сан, и она могла ошибочно посчитать это обвиняющим взглядом. Но я просто не могу избавиться от страха того, что Шики убили.

- Поэтому нам надо действовать

«Но как?», - спрашиваю я себя. Я могу вызвать полицию и доложить на парня, но, судя по Токо-сан, я уверен, что у мага всегда есть план побега. Так что остаётся два варианта: убить Альбу или пробраться туда и вытащить Шики. Но если честно, я думаю, что вариантов нет. Я иду искать чертежи здания среди разбросанных документов Токо-сан. Может, найду что-нибудь полезное.

- Стоп. Стоп, стоп, стоп, – говорит Токо-сан с явно слышным раздражением и размахивает руками, чтобы привлечь моё внимание. – Ты правда настолько глуп, что не услышал ни слова из сказанного мной? Не сможешь ты попасть туда. Как и тогда, когда Шики только вышла из комы - сейчас не твой черёд танцевать. Маг должен противостоять магу. Так и должно быть.

Сказав это, она резко встаёт и надевает свой коричневый дождевой плащ, сделанный из кожи и способный выдержать скользящий удар ножом.

- Хотя в одном ты прав. Нет смысла с этим тянуть. Я отправлюсь туда сегодня ночью. Кокуто. Будь добр, принеси мне оранжевый портфель из шкафа.

В её голосе слышно смирение, я иду в её комнату и открываю шкаф. Внутри вместо одежды, которую вы ожидаете увидеть в таком месте, находятся сумки и искомый оранжевый портфель. Все они выглядят так, словно набиты для долгой поездки. Когда я несу его, я замечаю, что он очень тяжелый. Несмотря на непристойное количество приклеенных к нему стикеров, он сохраняет свой приличный внешний вид. Когда я возвращаюсь и отдаю его Токо-сан, она вытаскивает пачку сигарет из нагрудного кармана и передаёт её мне.

- Сохрани это для меня. Это сигареты из Тайваня, на редкость херовые, но есть только одна пачка, сделанная каким-то чудиком. Это, наверное, моя вторая любимая вещь в мире. Она поворачивается ко мне спиной и уходит.

- А ваша первая любимая вещь – это вы? – спрашиваю я.

- Хорошая попытка, – смеясь, отвечает она. – Но даже я не поставила бы человека на уровень вещей.

Перед тем, как выйти, она сообщает:

- Кокуто, маги добры к своим друзьям. Это единственное, что у них есть во враждебном мире. Так что сделай мне одолжение: держись подальше от неприятностей и просто жди тут, ладно? Я верну Шики сегодня ночью.

С этими словами маг в коричневом пальто открывает дверь и уходит, даже не попрощавшись, пока я слушаю непривычный звук её шагов по лестнице.

5
矛盾螺旋・下

Paradox Paradigm.

Part IV: Paradox Spiral

Глава 13

На западе пылает оранжевый закат, купая спиральную многоэтажку в своих лучах и создавая длинные тени, указывающие на восток. Аозаки Токо стоит снаружи здания, пока город довольствуется приближением сумерек. Ее внушительный дождевой плащ совсем не подходит ее хрупкой фигурке, он больше похож на доспех, а не на элемент одежды. Она бросает на верхний этаж многоэтажки один короткий взгляд, прежде чем взять оранжевый чемодан, прошагать через сад и войти в здание.

Внутри бьют лучи заката, окрашивая стены и пол в такой же красный цвет, каким пылает сейчас излучающее их солнце. Потратив секунду на последний вдох, она идет вперед, доходит до центрального лифта, резко поворачивает направо и направляется в восточный холл.

- Какой сюрприз! Как легко оказалось уговорить тебя прийти сюда, Аозаки.

Эта произнесенная высоким голосом фраза эхом отдается от стен. Ничего не ответив, Токо вместо этого смотрит на немного наклоненные ступени в центре, на одной из которых стоит человек в красном пальто.

- Но это, конечно, сюрприз из разряда приятных. Я приветствую тебя, мастер марионеток, в моей геенне.

Улыбаясь, Корнелиус Альба демонстрирует свои зубы и столь же величественным жестом кланяется.

- Геенна? – спрашивает Токо, подняв бровь.

- По-моему, подходит. Это место так похоже на древнюю долину, куда Баалиты однажды выбросили своих детей - прям в обжигающее пламя. Хотя, к сожалению, бог Молох не пришел на нашу вечеринку. Это реальность, великолепно отделенная от консенсуса, и здесь мы создадим свой путь к вознесению.

Он смотрит на Токо сверху вниз, в его голосе слышен триумф. Но она не дает мужчине и шанса прочувствовать это, когда отвечает:

- Едва ли можно считать сюрпризом, что наследник Корнелиуса Агриппы возможный иудаист. Но, в отличие от тебя, я думаю, что Агриппа угадал бы истинное назначение этого места. И если ты хочешь увидеть столь милые тебе резню, плач и стенания, рекомендую сделать остановку в Косово или Конго. А у вас тут просто детский сад какой-то.

Токо ставит чемодан на пол с сухим щелчком.

- Это место – не более чем чистилище, которое не проходит ни одна душа. Здесь бесконечное страдание – конечная цель, а не наказание. Это не божественно, и это не магия, во всяком случае, не в исполнении такого, как ты.

Лицо мага в красном выдает его лишь едва заметной судорогой. Токо смотрит на Альбу и в то же время за него, как будто ее противник не человек, но само здание.

- А теперь, - продолжает Токо, – давай перестанем прикидываться, что это ты додумался до этой идеи с *Тайджиту* и, наконец, заставим Арайю показаться. То, что скоро случится, тебя почти не касается. Я не знаю, почему ты здесь, но вряд ли это как-то связано с высшими тайнами. Просто даю тебе дружеское предупреждение в благодарность за то, которое ты дал мне.

Токо оглядывает стены, ища невидимого врага и не обращая на Альбу внимания. Маг в красном смотрит на нее с убийственным и почти рыдающим выражением.

- Ты всегда была такой, – бормочет он. – Да, всегда была такой!

В этот раз громче.

- Ты всегда смотрела на меня сверху вниз. Я изучал руны до тебя, я изучал Магию кукол и марионеток задолго до тебя. Но как, как ты обманула тех имбецилов Ассоциации, заставив их думать, что ты была лучше, что ты была креативнее?! Мы оба знаем правду. Я все-таки наследник Спонхеймского Аббатства! После сорока лет изучения Магии, мага-ребенка я даже не замечу!

Где-то посреди его тирады бормотание превратилось взволнованный крик, который раздавался эхом в холле. Токо без интереса глядит на человека, который отбросил любезности только чтобы побольнее уколоть ее.

- Возраст для ученых не главное, – отвечает она. – И, Корнелиус, не пойми меня неправильно, я считаю, что тратить время на то, чтобы выглядеть моложе – нормально, но ты так заиклен на этом, что твоя магия теряет всякий смысл.

Она спокойно сообщает это, но в то же время это самые страшные оскорбления, которые она могла бросить в него. Лицо, которое, казалось, принадлежавшим молодому человеку, искажено ненавистью, оно возвращается в подходящий возраст.

- Я не сказал, почему на самом деле я приехал сюда? – с глубоким вдохом, Альба восстанавливает контроль над собой. – Меня не интересует маленький эксперимент Арайи и я не разделяю его желания достичь Акаши, этой сверхъестественной концепции, которая, может, существует, а может и нет. Зачем плыть против течения ради знания и вознесения – я не понимаю.

Он поднимается на ступень вверх.

- Рассказать тебе о Реги Шики было моей идеей. Старик Арайя неслабо подставился, когда захватывал девчонку. Нокаутировали друг друга почти одновременно, по-моему. И таким образом, это место принадлежит мне, пока конструкция не изменит ход времени и не вернет его в исходное состояние, но я не намерен продолжать работу Арайи. Вряд ли ты догадывалась об этом, но я пришел на этот край света только затем, чтобы убить тебя, Аозаки!

Альба шипит ее имя так, словно это проклятие, которое могло лишить его дара речи. Он бежит наверх, на второй этаж, а Токо только смотрит на него с любопытством. Из стены течет интересная субстанция, которая кажется жидкой, имеющей тот же кремовый цвет, как и стены.

- Используешь свои Тульпы⁴? – говорит Токо со смесью удивления и презрения.

С потрясающей скоростью субстанция стекает по стенам на первый этаж, в центре которого стоит Токо. Приближаясь к полу, она начинает сгущаться в разных местах и образует разные формы: гуманоидную, звероподобную. Все они вполне реальны. Их поверхность напоминает келоид, и их тела постоянно изменяются, лицо здесь, лицо там. Едва опознаваемое животное, выглядящее так, словно оно в состоянии полного, неприглядного разложения.

- Не лучшие Тульпы, которые я видела, Альба. Хотя это неудивительно. Эй, может, ты ответил бы за свои спецэффекты! Сам посмотри - конечно, ты ограничен созданием чудищ для второсортных ужастиков, но это лучше, чем сидеть в старом аббатстве, верно? – кричит она Альбе, даже когда сущности приближаются все ближе.

«Ну, может это и есть фильм ужасов», - думает Токо. «Но не из тех, где проблема решается дробовиком и крестом.» Хотя лишь два метра отделяют ее от медленно продвигающихся Тульп, она не двигается с места, инстинктивно ища в нагрудном кармане отсутствующую пачку сигарет. «Черт, я же отдала их Микии. Надо было купить каких-нибудь японских. Ну, всем нам приходится время от времени чем-нибудь жертвовать, даже ради чего-то скучного, вроде демонстрации магии.»

⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тульпа>

- Если подумать, Альба, может, Голливуд это не твое! – кричит Токо. - Сейчас аудитория намного пронизательнее. Время соревнования дизайнов зверушек! Посмотрим, сможем ли мы научить тебя паре трюков!

Неожиданным движением она пинает чемодан, стоящий на полу рядом с ней:

- **Пошел!**

Ее голос грохочет, власть в словах не терпит сопротивления. Когда раздается это слово, сумка открывается, но в ней пусто. И все же что-то черное создает узкий периметр вокруг Аозаки Токо. Как темный вихрь, обретший форму, а Токо прямо в центре шторма, черный объект вертится, все расширяясь и расширяясь, со скоростью, скрывающей от нее и Альбы свою истинную форму. За несколько секунд Тульпы полностью исчезают, не оставив и капли слизи.

Токо Аозаки все еще стоит в центре всего этого. Рядом с ней лежит открытый пустой чемодан... и мирно отдыхающая кошка. Альба оцепенел. Эта кошка больше Токо, ее тело абсолютно черное. Она словно сделана из тени.

- Что это за *хрень*? – спрашивает Альба, недоверчиво глядя на кошку.

Их глаза встречаются. И хотя и он, и Токо знают, что на «лице» у нее нет ничего, кроме глаз, он чувствует, как тварь улыбается ему. Альба выглядит так, словно только что увидел кошмар, но Токо молчит. Где-то размеренное метрономное царапанье задает ритм мертвому воздуху.

- Так те слухи были ошибочны? Твоя сестра-маг не уничтожила твоего фамильяра? – неспособный выдерживать гнетущую тишину, спрашивает он.

- Давай не будем разбрасываться обвинениями в адрес твоих источников, кем бы они ни были.

После чего она обращает внимание на силуэт кошки, поднимая руку, чтобы погладить ее и приторно-ласково говорит:

- Хорошая девочка. Следующее блюдо – человеческое *мясо*, это должно быть намного вкуснее, чем куча тульп, сделанных из *прима материя*, которых ты только что проглотила. Это питательнее. Не сдерживайся, он все-таки мой старый друг. Помнишь, сколько раз я тебе говорила, какие они вкусные?

В мгновение ока черный силуэт срывается с места, словно летя над мраморным полом к подножью лестницы, затратив всего десять секунд на то, чтобы достичь первой ступени. Ее ноги, кажется, не двигаются, или, по крайней мере, глазам смертного так кажется. Но Альба, как и Токо, видит не как простой смертный, но как маг, и мага так легко не убить. Прежде, чем тeneвая кошка начала двигаться, Альба уже начал творить заклинание.

- ***Ложная тень, что не может ни коснуться, ни видеть, позволь свету моей Магии отправить тебя в забвение!***

Со спокойствием, неожиданным для его текущего затруднительного положения, Альба произносит слова, магическую формулу, называемую Лорика, которую многие используют, чтобы украсить сотворение Магии. Лорика и текст – выбор самого мага, основанный на его личности, способ творить Магию через мнемонику, знакомую парадигме их ума. Цель – своего рода самогипноз; приведение разума в такое состояние, которое усиливает возможности заклинания, чтобы оно могло лучше управлять правилами материального мира. «Впечатляюще», - думает Токо. – «С тех пор он смог ускорить пятистрочную формулу. Не заняло и двух секунд. Похоже, он может совершенствоваться.»

И тем не менее, Токо выражает свою похвалу, фыркнув в его сторону.

- ***Да станет воля моя кулаком моим и уничтожит тебя.***

Он делает жест, вытянув руку в направлении приближающейся тени, добравшейся до лестницы. Когда она касается первой ступени, воздух вокруг гремит, и в холле мгновенно

становится жарко. Прямо перед собой Альба создает колонну голубого огня, колеблющуюся, словно мираж гейзера, и пожирающую лестницу. Протягиваясь от пола до потолка, который она пробивает, колонна начинает высасывать из комнаты кислород, и тень, которая начинала карабкаться по лестнице, чтобы напасть на Альбу, исчезает. Ни одно животное не может пережить такой жар, этой температуры хватило бы, чтобы обратить любой обычный твердый предмет в ничто.

За секунды колонна огня исчезает, но то, что видит Альба на ее месте, заставляет его глаза расширяться.

- Невозможно, – только и может выдать он, потому что в середине обугленной лестницы виден черный фамильяр, облизывающий себя, словно огонь ему был приятен.

На секунду их глаза встречаются, после чего фамильяр продолжает движение к Альбе. Тот даже не думает:

- *Еще!*

Альба повторяет заклинание, но теперь значительно слабее, без преимуществ Лорики. Синяя колонна появляется, однако сдержать фамильяра не в силах. Альба почти видит, как огонь скользит по тени и проходит насквозь, пока тварь неумолимо движется к нему.

- *Еще!*

Пламя снова появляется и исчезает. Кошка-фамильяр приближается к жертве.

- *Еще!*

На четвертый раз ничего не меняется. Кошка достигла второго этажа, она приближается к Альбе и открывается, все ее огромное тело ломается от головы до пальцев как тюльпан, теряя всякое сходство с кошкой. В том, что можно назвать внутренностью, Альба видит цепляющиеся за стены полости Тульпы, на которые он возлагал большие надежды, и он наконец осознает, что этот фамильяр – всего лишь пасть, объект, который поглощает. Просто он принял форму кошки.

- *Ещ...*

Глядя в лицо смерти, Альба пытается еще раз сотворить заклинание, но прежде чем он успеет это сделать, тварь хватается за пасть, полость затаскивает его за красный плащ, свисающий с плеч. Чернота тени – это последнее, что он помнит, прежде чем погрузиться в забвение.

- *Окен.*

Раздается третий голос, и Лорика эхом отдается от стен холла.

После этого слова теневой фамильяр, который держал Альбу за воротник, мгновенно замирает. Токо знает достаточно о владельце голоса, чтобы встретиться с ним взглядом в тот же момент, когда она услышала его. Позади Альбы стоит человек в черном плаще, отягощенный глазами, полными вечной меланхолии и жесткости. Он стоит, не шелохнувшись, как будто наблюдал за происходящим с самого начала, и невозможно найти следов его неожиданного появления. Мужчина забирает Альбу одной рукой и бесцеремонно бросает его на пол. Кошка-фамильяр, вступившая в тройной круг, неподвижна, как камень. Когда мужчина наконец замечает Токо, она чувствует, как воздух становится холоднее, из него исчезает расслабленность, хотя и хочется верить, что это только ее воображение. Само здание, кажется, напрягается, приветствуя своего истинного хозяина.

- Аозаки. Ты так изменилась. Много лет минуло, не так ли?

- Много. Но могло бы и побольше.

Человек, известный как Арайя Сорен, спускается по почерневшим ступеням, пепел падает с потолка, находя пристанище на его плечах, а фамильяр Токо, кажется, нанизан на заклинание барьеров. Он остается на первой ступени, заставляя Токо слегка поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

- Альба нарушил границы дозволенного. Я хотел, чтобы этот эксперимент прошел незамеченным для тебя. Данная встреча – любопытное совпадение, но, возможно, она была неизбежна.

- Совпадение, – вздыхает Токо. – Это удобное слово мы используем, чтобы не видеть священной таинственной игры судьбы.

Она медленно отступает к стене, чтобы выиграть время. Сорен отличается от Альбы. Хотя их возможности в магии примерно равны, Арайя Сорен имеет преимущество хозяина поля здесь, в его мастерской. Она смотрит только вперед, даже отступая, ища любую уязвимость, которой она могла бы воспользоваться. Она знает, что Арайя делает то же самое.

- Так скажи мне, что это за особняк Шредингера? - задумчиво спрашивает она. – Ты ведь знаешь, и это было довольно наглядно доказано - невозможно достичь Истока, просто убив кучу людей и создав резонанс смерти, верно?

- Я знаю историю. Но я также знаю истину, которой не знаешь ты. Я был слишком ослеплен успехом, который мне обещали простые числа. С достаточным количеством людей я бы нашел душу, которая смогла бы пройти границу, и последовал за ней, возвращающейся в спираль Истока. Но я потерпел неудачу, ибо я искал число, а не способ смерти. И я изучал смерти. Как и предписывают гексаграммы *Ай Чинь*, я смог различить шестьдесят четыре способа смерти, каждому из которых соответствует один из жильцов. Здесь я создал микрокосм вселенной. Я становлюсь свидетелем мучений и описываю их значимость, и со временем, возможно, реальность и моя воля превратят шестьдесят четыре гексаграммы в восемь, а затем в четыре *сисо*, а их в пару крайностей, которые являются *реги*, и, наконец, в Акашу, великий исток.

- Блин, Арайя, это действие с собиранием всего воедино плохо на тебя влияют. Ты предаешься своей оккультной Магии, упуская главную идею полярности *реги*: противоположности таковы не из-за конфликта, а из-за динамизма. Противоположности определяют друг друга, и потому они не являются целыми. Ты столько ставишь на тотальность смерти, делаешь столь важными ее хроники, что забываешь о жизни, которая дала ей значение. Посмотри на себя! Эта игра в святого Петра с книгой жизни, которую ты запустил, погубит тебя.

- Умру я или нет - это неважно. Я лишь хочу достичь Истока.

Его слова уверенны, в них нет места сомнению. Он и правда верит в свой долг, который сам себе и навязал.

Это здание со скрытой внутри спиралью смерти и перерождения достаточно долго существовало вне консенсуса, чтобы стать отдельной реальностью. «Это место - его храм, его продолжение, и связь здания с ним так сильна, что оно склоняется пред его волей», - думает Токо. – «Все это место отдает резонансом ненависти людей, живущих здесь и неспособных ее выразить. Это омерзительно, и Арайя усиливает ее с каждым днем смертями, у которых нет шанса пройти через границу.

Смерть молчаливая, рожденная любовниками и семьей, от матери и отца, и тихого хода времени.

Смерть злобная, рожденная любовниками и семьей, от коллег и друзей и конфликта ненависти незнакомцев.

Альба был прав в одном: все это – слияние искаженной энергии, вся мана здания направляется из земли, вся смерть – большой жертвенный алтарь, ограненный с пугающей симметричностью. Все ради безумной мечты Арайи.»

И Токо наконец осознает, что это намного больше, чем просто трюки, которые может дать Магия, но это ближе к легендарному Волшебству, чистой магии, продукту истинного знания, недоступному смертным, и в первый раз она сомневается в своих словах.

- Как может это здание существовать и не быть разорванным в клочья консенсусом человечества? Что-то должно было случиться за такое время. Контр-сила уже должна была вступить в игру, вводя своих агентов, запуская события, которые вызовут ваш крах. Почему этого не происходит? – спрашивает Токо с сомнением и любопытством.

- Ты не спрашивала себя, почему сама находишь в этом городе? Почему мужчина вдруг начинает грабить этот конкретный дом? Почему женщина, умирая, заползет в это здание? Я проводил эксперимент так незаметно, как только мог, и все же Контр-сила работает против меня. Однажды я пытался найти способ обмануть ее, но все это, как осознал я, лишь временно. Это просто невозможно.

Впервые в его голосе слышно что-то сродни разочарованию. Он все еще сфокусирован на Токо, и не видит ничего кроме нее.

- У любого человека падает самомнение, когда он осознает, что не менее могущественен, чем любое другое животное. Люди рвутся к идеалу, но обрекаются на неудачу консенсусом, парадоксом, который формирует тему наших жизней: существовать, чтобы забираться все выше, но отказываться от простого существования.

- Маги, которые вознеслись – те, кто достиг Истока – не стремились к власти, но вместо этого получили власть над детерминистическими свойствами, которую энтропия накладывает на нашу реальность. Когда ты говоришь о способности, ты на самом деле говоришь лишь о судьбе, предопределенных решениях, возможностях и выборах, что составляют нашу жизнь. Мы, люди, имеющие потенциал к восхождению, пали в материальный мир, наша природа так рассеяна и размножена, отделена от силы, которая принадлежит нам по праву рождения. Так я осознал, что, хотя я не могу препятствовать Контр-силе и осознаю путь к спирали Истока, я лишь нуждаюсь в ком-то из множества, кто сможет это сделать. Мне нужна была пустая душа, чья природа привязана к неопишуемому ‘ ‘. Я потратил много лет...

- Но ты нашел ее. И ее имя – Реги Шики, – Токо ненадолго задумывается, знала ли семья Реги, какую опасность несло их потомство и чем оно могло стать. - Тогда ты использовал Кирие Фудзе и Асагами Фуджино как приманки, чтобы заманить Шики, не привлекая внимания Контр-силы к себе. Ты подносишь к ней два разбитых зеркала, чтобы она осознала, чем она является. Должна отдать должное, нет лучшего учителя, чем опыт. Однако, твои планы на Шики все еще не ясны. Чем это кончится? Вернешь **Шики** к жизни? Или ты похитил ее просто ради звонка в социальные службы?

- То, что я сделал два года назад, только привело судьбу, созданную для Реги *Шики*, в движение. Решение пришло само. Ей не нужно тело, так что я заберу его на собственные нужды.

- Погоди-ка. Только не говори, что ты собираешься перенести ее душу... - голос Токо затихает, ее указательный палец соединяет невидимые точки в воздухе, пока все не становится для нее ясно.

Арайя не отвечает, считая, что это очевидно. Наконец, Токо говорит:

- Ты вообще в курсе, что ты больной? Но раз ты здесь, с Шики все нормально. Не думаю, что будет невежливо с моей стороны попросить вернуть ее мне?

- Если ты этого хочешь, иди и забери ее.

- То есть, дуэль. И я даже не считаю себя жестокой. Видимо, с этими ударами я смирилась, когда решила взять ее к себе.

- Не думаю, что с моей стороны будет невежливо спросить, согласишься ли ты работать со мной в этом предприятии? – предлагает Арайя, хотя его враждебное отношение не изменилось ни на йоту. Токо отвечает лукавой улыбкой, вежливо опуская голову и закрывая янтарные глаза, как будто она только что совершила прискорбное, но необходимое решение.

- Понимаю, – продолжает Арайя. – Я знал, что ты ответишь. Жаль, что так получается. Было время, когда мы оба хотели найти Исток. Я правда скучаю по этой части тебя.

Арайя делает шаг вперед, спускаясь на первый этаж. По холлу разносится эхо.

- Ты отличалась от других магов Ассоциации. Амбициозная. Возможно, даже одержимая, как любой философ. Твоим был путь материи, в то время как моим был путь души. Я даже думал, что в нашей жизни, потраченной на преследование одной цели, ты обгонишь меня. Но ты отбросила свой призыв. Ты более не ведешь себя как маг. И это странно. Ради чего мы, маги, исследуем и получаем власть, кроме вознесения? Зачем утруждать себя бессмысленным добровольным изгнанием в этой стране?

Только его глаза передают злость и раздражение, все остальное в нем остается спокойным.

Токо пожимает плечами и улыбается.

- Да ничего особенного тут нет. Я просто устала от всей этой космической игры, до краев наполненной парадоксами. Чем больше учишься, тем сильнее осознаешь, насколько ты глуп. Знаешь, вроде того, что чистейший путь к спирали Истока – это пустой разум. Но если это так, то в таком случае ты же не будешь и даже знать о спирали Истока? Ну, дерьмо такого рода. Я приняла это и пошла дальше. А ты нет. Хотя, в этом и есть главное различие.

Она вздыхает, произнося последнее предложение, и признание кажется все более меланхоличным. Теперь они стоят и смотрят друг на друга на одном уровне.

- Тогда ты впала в ложь, – говорит Арайя, в его голосе слышно все сожаление, которое он может найти. – Однако, все еще непонятно, почему ты здесь.

- Ты так далеко зашел, что теперь не осознаешь этого. Говорю тебе, это не только из-за Шики. Девчонка - тайна, которую даже я не могу раскрыть. Готова поставить сколько угодно, она сама найдет выход отсюда.

Токо кратко обдумывает мысль о том, что она сама действует под влиянием Контр-силы, но быстро отвергает ее. «Я не герой», - думает она, - «и это неважно.» Единственное, что она принимает - это собственную жизнь, построенную из совпадений и столкновений, которые могут никогда не повториться, даже если она будет жить в таком итеративном месте, как это физическое воплощение парадокса. Ее решимость рождается из намерения защитить ее.

- Арайя, ты должен думать, что я слаба. И может, ты прав. Я пришла к идее мудреца как идеала, индивида с силами, закаленными мудростью, изолированного и одинокого. Но я знаю, что никогда не достигну его со всеми грехами и скелетами в шкафу. Маги строят мастерские, чтобы закрыться в них, думая, что они выше черни, и одновременно продолжают хвататься своей человечностью мелкими, но заметными способами. Они маются с их Арс Магной, Великой Работой, финальным решением ко всем их вопросам, но ради чего? Абстрактной мечты о вознесении? Ради ложного чувства великого блага? Где тогда «просвещенные» деспоты, ведущие нас в нашем походе в материальном мире? Это ты? Ты думаешь, ты чист, в то время как смертные грязны. Дерьмо. Ты закрыл глаза на кровь на твоих руках, которая делает тебя убийцей, покрывает позором, все время называя себя «особенным» и истинным спасителем этой медленно гнивающей реальности. Я когда-то тоже так думала, но потом я поумнела. Посмотри правде в лицо, Арайя. Маги одержимы вознесением и заблуждениями только потому, что это мы слабы. Маг в черном не считает нужным отвечать, предпочитая созерцание. Он продолжает делать шаг за шагом к Токо, пока не произносит:

- Даже если ты права, для меня нет возврата на пути, что с каждой секундой приближает меня к Истоку. Твои действия и сопротивление заставляют меня признать в тебе воплощение воли Контр-силы. В конце, Аозаки, ложь смирила твои амбиции. Жаль, что ты настолько человечна.

Токо замечает, что реальность внутри здания заметно меняется вместе с мыслями Арайя. Издалека маг и маг заканчивают их долгий обмен словами, который заполнял долгие годы их разлуки двумя последними утверждениями, произнесенными словно молитва. Слова, в которых был вес традиций.

- Что ты ищешь, Арайя?

- Истинной мудрости.

- Где ты ее ищешь, Арайя?

- Лишь в себе.

Его шаги приближаются к центру холла. Вместе, они начинают свои гамбиты в игре, где каждый лишь пытается стереть второго из этого мира.

Токо ставит ногу на упавший чемодан, осторожно следя за тем, когда Арайя начнет свою атаку. За ним - черная кошка-фамильяр в полном стазисе, неспособная победить магию его барьера. Токо вспоминает компоненты тауматургических процессов, которыми они формируются, которые Арайя назвал в честь фраз и традиционных мантр: *фугу, конго, дакацу, тайтен, чогио и окен*. Вместе они создают мощное поле, останавливая движения любого, кто войдет внутрь, будучи неспособным преодолеть эту магию. Обычно такое поле неподвижно и создает простой защитный барьер, но каким-то образом он сумел обойти это правило, и стал серьезным противником, делающим бессмысленными любые попытки сражаться в ближнем бою, не говоря о другой магии, с которой он управляется.

В отличие от Альбы, Токо и Арайя никогда не воплощали их Магию манипуляции и изменения материи для нападения. И все же даже в рунической магии Токо есть определенные способы. Токо нужно лишь написать «*совлио*», руну огня, и она сможет воплотить ее в реальность. Обычно ее можно нарисовать в воздухе, издалека, но любой маг может заметить процесс колдовства и прервать его. Для того, чтобы это сработало, она должна подобраться к нему и нанести руну прямо на его тело, но поле Арайя не даст этого сделать.

Токо проклиная свою неповоротливость в магии в этот критический момент, но насколько она знает, Арайя в том же положении - если он не научился паре трюков за время их разлуки. Она была избрана создавать кукол, как ее метафору вознесения, а он был избран изучать смерть. Кроме этого, Токо известно умение, которое Арайя несет в себе даже без магии, так как он видел свою долю войн. Зная все это, Токо вынуждена обороняться и пытаться заманить его в ловушку, которую она установила некоторое время назад.

Арайя делает свой ход. Он протягивает левую руку к Токо, ладонью наружу, как человек, зовущий кого-то вдаль, и его рука лишь слегка дергается.

- **Шуку**, – произносит он.

Маг с сокрушительной силой сжимает ладонь в кулак одновременно с формулой. Тут же Токо отбрасывает внезапный удар, зачарованный плащ, на который она полагалась в защите от выстрелов, рвется на куски. Атака заставляет ее упасть на колено. Ей нужно лишь мгновение, чтобы понять, что сделал Арайя: он манипулировал пространством, которое она занимала, изменив расстояния и создавая разрыв, который уничтожил воздух вокруг нее. Она удивлена - теперь ему подвластно даже пространство. Здание и влияние его воли на окружение определенно помогли ему использовать Магию с такой легкостью.

- Черт, – откашливается Токо, несколько драгоценных капель крови стекают с ее губ. Она сдерживает кровавый клубок, формирующийся у нее в горле. – Сколько костей ты мне переломал?

Сейчас она завидует физической выносливости, которую раз за разом демонстрировала Шики. У нее нет времени проверить, насколько серьезны раны, но она знает, что ее плащ принял основной удар. Однако, еще один такой удар, и все кончено.

- **Пошла!** – приказывает она, ее собственная лорика пронизана магией.

Теневой фамилляр шевелится. Кажется, она сможет прорваться через поле Арайи, показывая, что отдых был тщательно продуманным действием. Токо почти чувствует радость кошки, когда она приказывает напасть.

- Что...

Арайя на секунду позволяет заметить свое удивление, когда он оборачивает голову через плечо, чтобы среагировать. Лишь на миллиметр разминувшись с фамильяром, Арайя умудряется повернуть тот же трюк второй раз, раздавливая пространство перед его рукой, которую он поднимает навстречу атакующему. Но перед тем, как теневой фамилляр попадет в пространство, подверженное заклинанию, он меняет направление движения в полете и прыгает на потолок, на который приземляется кошачьими когтями и висит, отрицая законы гравитации.

- Достаточно, – объявляет Арайя с нарастающей уверенностью.

Он предугадывает его прыжок и поднимает другую руку к потолку прежде, чем фамилляр успеет прицепиться к нему. К моменту приземления, Арайя уже закончил заклинание. Оно разносит участок потолка и кошку вместе с ним. Он смотрит, как тень за мгновения словно сжимается в себя перед тем, как исчезнуть. Заклинание оставляет лишь маленький проем в потолке, где была кошка.

- Ладья повержена, королю поставлен шах. Не ты ли говорила, что маг, слишком полагающийся на свои части, проигрывает, когда эти части уничтожены? – издевается Арайя. Он снова смотрит на Токо, рука еще протянута и ладонь открыта. Токо возвращает ему недовольный взгляд.

- Я рада, что ты помнишь это. Я как раз зашла в твое маленькое здание-ловушку, чтобы повспоминать о старых временах. Как ты вообще мог проиграть этой маленькой хамке Шики с таким могущественным местом?

- Будь я менее осторожен, я бы не смог захватить ее живой, а это необходимо было сделать. Но ради тебя нет нужды связывать себя подобными ограничениями.

- Не знала, что ты готов пойти на такое ради тела девушки, Арайя.

Она тяжело опирается на стену рядом с ней.

- Клянусь, у вас с Альбой никакого кинематографического чувства неизвестности. Дай-ка расскажу, как надо. Во-первых, монстр не должен говорить. Во-вторых, не объясняй всего. В-третьих, он не может умереть.

На последнем предложении Арайя меняется в лице, прежде чем снова посмотрит через плечо. На дыре в потолке висит вполне живая кошка-фамилляр, без видимых ранений.

- **Шуку!** – Арайя выбрасывает руку, чтобы направить заклинание на фамильяра настолько быстро, насколько возможно, но без толку. Летя, как выпущенная стрела, фамилляр опять открывает тело в форме рта, как когда он разбирался с Альбой, и мгновением позже, Арайя пойман в его внутренность. Только слабый вдох, проявление изумления, успевают покинуть губы Арайи, прежде чем он поглощен и четко разделен надвое челюстью твари.

Только плечо и голова Арайи отброшены в сторону втрое выросшей тенью, они скатываются вниз, ударяясь о ступени с низкими, глухими звуками. Токо наблюдает выражение тусклого ужаса на его лице в последние секунды жизни, прежде чем пробормотать себе под нос:

- Магам и правда стоит читать Клаузевица вместе с их герменевтическими текстами. Вот так исполняется неожиданная атака, Арайя.

Она отталкивает себя от стены и начинает подходить к поверженному врагу.

Пока не слышит жестокий, хрустящий звук. Сначала Токо думает, что он звучит издалека, пока алая кровь не начинает катиться с ее губ. Ее взгляд расплывается, она смотрит вниз и обнаруживает руку, явно торчащую из ее собственного тела. Аозаки Токо сначала не понимает, что произошло, но скоро осознает, что рука, обмазанная кровью – это рука мужчины, а то, что сжимает его рука – это сердце.

Ее сердце.

И, наконец, все встает на свои места. Сзади нее голос шепчет в ухо:

- Ты права. Вдохновение можно найти в самых неожиданных местах.

Голос отяжелен великой печалью, сожалением и ненавистью. Несомненно, это голос Арайи Сорена.

Кровь стекает изо рта Токо тонкими ручейками, когда она спрашивает:

- Это была марионетка, верно? Приманка...

- Да, – Арайя прижимает ее к себе, его глаза внимательно изучают ее сердце.

- Но ты вполне реальна. Ярость в этом сердце ни с чем не спутаешь. Оно даже слишком красиво, чтобы уничтожить его.

И, тем не менее, с легкостью, которая заставляет думать, что прочность органа сравнима с прочностью мешка с водой, готового вот-вот лопнуть, он сдавливает сердце рукой и смотрит, как кровь стекает сквозь пальцы.

- Я разгадал твой фокус с фамильяром. Он и не вылезал из чемодана, верно? Это была просто проекция.

Чемодан падает, Магия, использованная, чтобы скрыть его природу, рассеяна. На его месте лежит проектор, все еще издающий характерные звуки, когда он с лязгом падает на пол.

- Изобретательно, – отмечает он. – Артефакт из *прима материя*, создающий материальное существо. Неудивительно, что моя Магия не сработала. Было глупо с моей стороны не догадаться раньше.

Токо не тратит последние вздохи на ответы. Только вопросы слетают с ее губ, вопросы к ее бывшему другу и убийце.

- Я... тогда не закончила. Последний вопрос: чего желаешь ты, Арайя?

- Я не желаю.

Те же вопросы и ответы, с которыми они сталкивались и которые преследовали их годами, и это знакомство каким-то образом дает силы Токо на последний смешок, с каждым выдохом сопровождаемый расцветающей в воздухе кровью.

Я не желаю. Токо помнит эти слова. Казалось, не так давно она была еще щенком, да и Арайя был не намного старше. Когда мастер задал собравшимся неопитам одинаковый вопрос, они упомянули безумные и фантастические мечты славы и открытий. Но Арайя повел себя иначе. *Я не желаю.* Хотя адепты поняли это как знак отсутствия всякой алчности в нем и засмеялись, Токо не видела, что смешного в этом ответе. Только легкое чувство ужаса. Он бы прав в том смысле, что он не желал. Он принял вознесение как миссию, выше детских божественных амбиций других магов, и что-то еще более личное он скрыл внутри себя: глубокую и постоянную злобу на парадокс человечества.

- Арайя... последний совет.

- Я слушаю. Торопись, у тебя осталось лишь несколько бесценных секунд.

- Ты не ведаешь, что ты пытаешься убить этим экспериментом.

Все оставшиеся силы Токо направляет в речь, ее рот дрожит.

- То, что ты нацелился на Записи Акаши, означает, что ты собираешься одержать верх над Контр-силой, объединенной волей человечества и тенденцией мира к гомеостазису.

- И что с того?

Хрип и кашель наполняют воздух, но Токо четко произносит следующее:

- Хорошенько подумай, с какой из двух сил ты сражаешься на самом деле.

- Шутишь, наверное. Я давно принял свой конфликт с коллективным бессознательным.

- Так настроены примерно шесть миллиардов человек. Ты думаешь, ты управляешь ими всеми, до их смерти? Ты думаешь, это заключение позволит тебе выиграть?

- Да. – Резко отвечает он, без тени сомнения или преувеличения.

«Хуже всего», - думает Токо, - «что Арайя и правда может оказаться способен на такое.» Уверенность его ответа, несмотря на знание о предстоящих трудностях, говорит о многом. Последняя надежда, в которую она почти не верит, но все же вкладывает свою веру в нее: простая сила парадокса может уничтожить его путь вверх таким способом, который даже он не мог предугадать.

- Мне жаль тебя, Арайя.

- Почему? – спрашивает он, но ответа не получает.

Жизнь Токо заканчивается, оставляя лишь бесполезный каркас. Арайя думает, что это ошибка – позволять ее мозгу сгнить вместе с остальным телом. Лучше сохранить его. И изучить. Он вынимает руку, пронзившую плоть Токо, и кладет ее на голову, другой рукой хватая мертвое лицо и простым рывком, с хрустом кости, он отрывает голову, оставляя тело лениво падать на пол.

Удерживая голову одной рукой, он отходит к стене, на которую опиралась Токо, туда, откуда он вышел. Несмотря на все ее старания, она так и не смогла полностью понять это здание и его гениальность. Оно не просто продолжение воли Арайи, оно и есть Арайя - его парадигма, создавшая плоть из пола, потолка и каждой частицы пространства. Войдя в стену, словно в воду, он исчезает.

Глава 15

Я помню день, когда наткнулся на сцену бойни.

Я странствовал по этому выжженному, пустынному месту, и мои ноги ступали не на камни, но на куски костей. Ветер носил неизбежный аромат смерти, кажется, угрожая покрыть им весь мир.

Это было время великого переворота и конфликта, когда люди брались за оружие и когда они знали лицо смерти, глядя в глаза врагу. Война следовала за тобой, куда бы ты ни шёл, и везде она оставляла путь из трупов. И тогда в доказательство свободы сильные унижали слабых – это было заметно всем, у кого были глаза.

Вопрос был не в том, кто кого убил или насколько была справедлива битва. Только в том, кто умер, и был ли кто-то свидетелем последнего вздоха. Когда я слышал, что началась битва, я следовал туда. Мои ноги несли меня туда, где разгоралось восстание. Иногда я приходил, когда следы битвы были еще свежи, иногда борьба была завершена задолго до моего прибытия. Но всегда один и тот же исход: работа жнеца.

Он приходит за нами, не важно, насколько громко отец молит о милости небеса, или насколько долго рыдает мать над судьбой её сына, или как сын умирает, улыбаясь даже на грани голодной смерти. Он забирается в наши комнаты, где затушены свечи, и тени становятся больше. Делает борьбу добродетельных людей бессмысленной.

И хотя я знал всё это, мои странствия продолжались. Тем не менее, всё, что я видел, просило мою память снова вернуться к той сцене бойни. Их нельзя было спасти. Людей нельзя спасти, что бы ни говорили их молитвы, обращённые к сверхъестественным сущностям. Ибо человек есть существо, которое должно быть не спасено, а убито, пряча свой страх прошлого в отчаянии настоящего. И осознав это, я узрел собственную бесполезность.

Я не могу спасти людей, поскольку я сам человек. Но если это предопределено, то, возможно, мне позволено записывать смерть, сотворить ужасную историю созерцания, предполагаемую циклом душ. Я создам доказательства жизнью оконченных и страдавших. И так начались мои хроники смерти.

Человек просыпается от звука падающих капель воды, затем от свиста пара. Арайя Сорен молча стоит в изумлении, словно проснувшись ото сна.

- Не знал, что я всё ещё вижу сны. Пережиток прошлого, дорогой уже потому, что он есть, – признаётся себе маг.

Но он не один. Вокруг него, если можно так выразиться, «жилыцы» этого здания, а около него находится стеклянный контейнер, похожий на банку. Он наполнен жидкостью, внутри мирно плавают голова, глаза закрыты, словно во сне.

Голова Аозаки Токо.

Звук поднимающегося пара ещё раз пронзает тишину. Единственный свет в комнате исходит от плоской железной поверхности, расположенной в ее центре, красное горячее свечение разгоняет тени вокруг.

Магу нечем заняться, кроме как ждать. И о Рёги Шики, и об Аозаки Токо он позаботился, их тела уничтожены или – в случае Рёги Шики – приведены в неподвижное состояние до тех пор, пока им не придёт время выполнить своё предназначение. Никто не может помешать ему. И потому он ждёт.

- Арайя! – обозначает своё присутствие маг в красном, входя в комнату, куда его не приглашали. – Что ты тут прохлаждаешься? Нельзя отлынивать, у нас есть дела.

- Всё закончено, Корнелиус. Нет нужды грабить мастерскую Аозаки. И хотя я отпустил Томое Эндзе, он не представляет для нас угрозы. Научись видеть подобное и принимать увиденное.

- Все верно. Но вопрос о Рёги Шики ещё остаётся в силе. Ты лишь привёл её в бессознательное состояние. Если она проснётся, то точно попытается сбежать. У нас не будет на это времени, так что, может, будет разумнее следить за ней?

- Необоснованный страх и ничего более. Она не просто заключена в комнате. Я заключил её в пространстве между пространствами, карманной реальности внутри здания. Всё-таки именно эту задачу должна выполнять Магия, которой я оплёл её. Помимо этого, её тело слабо, и даже если она придёт в сознание, она сможет вложить лишь крошечные усилия в свой побег. Она не сбежит.

Корнелиус смотрит на явно встревоженное лицо Арайи недовольным взглядом.

- Ладно. Поверю тебе на слово. Меня не волнует девчонка Рёги. Если ты помнишь, я согласился на твоё предложение по другим причинам.

Его взгляд натывается на стеклянную ёмкость, стоящую на столе рядом с Арайей.

- Это не то, что ты обещал, Арайя. Ты сказал, что Аозаки убью я. Ты солгал?

- Ты упустил свой шанс и поплатился за это. У меня не было другого выбора.

- Не было выбора? Не смей меня. Я не хуже тебя знаю природу этих канистр. Эта вещь всё ещё жива. Может, под твоей жестокостью всё ещё есть нечто мягкое?

Вопрос Корнелиуса вызывает тихое хмыканье Арайи, по которому нельзя понять, соглашается он или нет. Они оба знают, что Токо Аозаки, в каком-то смысле, ещё жива. Её мозг уж точно. Он просто не может говорить или думать. Если кто и может назвать это «жизнью», так только эти двое.

- Похоже, не я один упустил свой шанс, – намекает он. – Помнишь Ассоциацию, Арайя? Она была Дикой Рыжей, люди называли ее так из-за страха. Лиса, вечное коварство. Если кто и мог разработать планы, которые будут работать даже после смерти, так это она. Нам следует убить её.

- Какой же ты дурак. Произносишь это прозвище прямо ей в глаза, Корнелиус.

- Ч... Что? – заикается маг в красном.

Арайя игнорирует минутную оплошность и берёт стеклянную канистру в руку, протягивая её Корнелиусу.

- Забери и уходи, если, по-твоему, я выполнил свою часть сделки. Меня не волнует, какие извращения ты намерен сотворить с ней.

Он передаёт её магу. Корнелиус берёт канистру обеими руками и его лицо едва сдерживается от широкой улыбки.

- С радостью заберу. Так что, тебя не волнует, что я с ней сделаю?

- Делай что хочешь. Ибо воистину, ты уже написал собственную судьбу.

Тихие, но тяжелые слова Арайи не достигают ушей Альбы. Корнелиус явно захвачен ликованием, он выходит из комнаты, и в каждом его шаге чувствуется удовлетворение.

Спираль парадокса – 6

Такое ощущение, что кто-то ритмично забивает мне в голову гвозди. Головная боль становится мучительнее с каждой минутой. Но сейчас я не могу сфокусироваться на ней. Дико стуча зубами, я обнимаю свои колени и прижимаюсь к стене, словно плод в утробе, то погружаясь в воспоминания, то выныривая из них, глядя пустым взглядом на стену напротив.

Черт возьми. Прошли часы с безумия в апартаментах Огава или всего несколько минут? Я больше не в состоянии следить за ходом времени.

Реги сражалась с Арайей, а я стоял там, как истукан, и просто смотрел. Поначалу мне показалось, что Арайя умер. Реги вогнала нож ему в грудь и шею на всю длину лезвия. Если бы он выжил после подобной атаки, это было бы чудовищно. Но он это сделал. Я видел, как нож, застрявший в основании шеи, понемногу выскользывает. Я смотрел одновременно с отвращением и болезненным увлечением, как его мышцы, двигаясь сами по себе, медленно выталкивали воткнутый нож из его плоти, пока тот не упал на пол, слегка отскочив ко мне с металлическим звуком.

Затем, втянув воздух, как будто он никогда не прекращал делать это, Арайя снова вздохнул. Звук ножа вернул меня в сознание. Заметив, что Арайя не двигался и, казалось, не замечал меня, я решил, что лучшим решением будет подползти к ножу и взять его. Я схватил его обеими руками и снова посмотрел на неподвижную фигуру, чтобы встретиться с его пугающими глазами.

Не думая, я закричал, выкинув из головы все мысли об использовании ножа, чтобы жертва Реги не была напрасной. Я бежал как в бреду. Бежал так быстро, как только мог, думая, что Арайя будет преследовать меня, и если он сделает это, я уже труп. Но этого не произошло, и я сбежал из здания, отчаянно хватая ртом воздух, но не останавливаясь, пока не добежал до припаркованного снаружи мотоцикла. На нем я пустился в бегство и попытался убраться так далеко от нависающей тени башни, как только мог. И вот я пришел сюда, в комнату Реги, владелица которой только что была схвачена... или убита. Я всегда считал ее комнату слегка унылой, но сейчас она дает мне чувство безопасности, пусть и ложной.

Черт возьми. Фраза ночи. Она повторяется у меня в голове, упрек в адрес сволочи, которой я являюсь. В итоге, как трус, я оставил Реги умирать. Я видел своих родителей или чем они там являются, умирающих еще раз перед моими глазами, но мой разум не мог свыкнуться с этим. Я видел, как ожил мой кошмар, и я не знаю, что должен чувствовать теперь. По крайней мере, я узнал, чем они были на самом деле, но события последних часов очистили мою голову от всех мыслей, кроме одной.

- Черт возьми, – шепчу я.

Моя дрожь не прекращается, хотя сейчас я уверен в том, что сижу тут один. Ха. Один. Что мне принесла моя изоляция? Что я могу один? Не помочь Реги, это уж точно.

- Черт возьми! – кричу я, каждый звук словно издевается надо мной, усиливая головную боль.

Спасение Реги – это самоубийство, если придется сразиться с Арайей. И как я смогу это сделать, когда просто воспоминания об этом человеке заставляют меня сжаться сильнее, делает тени еще более угрожающими? Нет, я сейчас не в состоянии даже думать о ее спасении.

Раздается высокий повторяющийся звук часов, я не пойму, откуда он. В руке вспыхивает боль. Должно быть, ударился обо что-то, пока бежал. Я устал. Так устал. Головная боль не проходит, боль в суставах длится целую вечность, мне даже дышать трудно, становится настолько плохо, что слеза бежит по щеке. Прижав колени к груди, я в одиночестве

рыдаю и жалобно всхлипываю. В итоге, как и все остальные люди, я не смог перестать быть подделкой. Я хотел быть реальным, как Реги, но тебе не сбежать от того, кто ты есть. У меня есть последний шанс стать реальным. Мои глаза невольно притягиваются к кровати, где обычно спит Реги. На ее месте лежит меч, который она собрала и бросила на кровать всего несколько часов назад. Она спасла меня. Она поверила, когда я признался в убийстве, даже сделала так, чтобы это не выглядело настолько ужасающе, и это заставило меня захотеть быть с ней, как с родней. Это последнее, что не является во мне ложью, и я цепляюсь за нее. Она так много сделала, и я не могу ее просто бросить.

- Что... - шепчу я, найдя множество слов закончить вопрос.

Ради чего я жопу рву? Что я пытаюсь защитить? Да о какой хрени думаю? Я не уверен, но, кажется, это первый раз, когда я думаю не о себе. Реги представляет собой нечто большее, чем я. Я сбежал из дома первый раз, с руками по локоть в крови, я нуждался в ком-то. Она стала этим человеком, и теперь она сама нуждается во мне.

Ты умрешь за меня? Ее вопрос возвращается ко мне, и я вспоминаю, как уверенно я ответил. Думаю, я уже знаю, что должен сделать. Так какого хрена я сижу здесь? Даже если это желание рождено ложным убеждением, я должен встать и выйти за дверь.

- Я знаю, что я сказал, Реги. И если тебе это как-то поможет, я умру за тебя, – говорю я сам себе, доставая нож, которым она пользовалась, и надеясь, что смогу держать его также твердо, как держала она.

Когда я собираюсь сделать первый шаг к двери, раздается четкий и громкий звук дверного звонка, пронзая глубокую тишину, укрывавшую комнату с тех пор, как я вошел. Я мгновенно цепенею и поднимаю нож в безуспешной попытке повторить защитную стойку. Арайя все-таки пришел за мной или это просто гость? Нет. Я знаю, к Реги гости не ходят. Значит, Арайя. Я не буду шуметь и сделаю вид, что никого нет? Нет, от Арайи так легко не отделаться. Да пошло оно все. Я решил, что сделаю это. Я нападу на него в тот же момент, когда открою дверь. Может, я убью его или, по крайней мере, заставлю отступить. Смехотворный шанс, но единственный, который у меня есть.

Я держу нож наготове, приближаюсь к двери и поворачиваю дверную ручку. Я распахиваю дверь так быстро и так сильно, как только могу, хватая мужчину на другой стороне, немедленно затаскиваю его в комнату и бросаю на пол. Он падает, громко ударяясь о покрытый линолеумом пол, и я закрываю дверь, резко обернувшись на каблуках. Нарастивая свое преимущество, пока он все еще не пришел в себя, я сажусь на него сверху, поднимаю нож...

...и останавливаюсь.

Мужчина, в изумлении лежащий подо мной, в очках с черной оправой и такими же черными волосами, не кажется столь опасным. И хотя он явно выглядит немного старше меня и одет в странный черный костюм, судя по виду, он не желает мне зла. По сути, он выглядит раздраженным. Я смотрю на него с подозрением, прежде чем прошептать:

- Ты кто, мать твою, такой? Вы с Реги знакомы?

- Да. А ты друг Шики? – спрашивает он таким тоном, словно встретил меня на улице, а не лежит, брошенный мной на пол.

- Я? Я... эм...

Что я мог ответить?

- Да наплевать. Важно то, что Реги здесь нет. Проваливай домой.

Я встаю, позволяя ему уйти, но он вместо этого внимательно изучает мою руку.

- Что, сильно ударился? Слушай, извини за такое жесткое приветствие, ладно? У меня сейчас нет времени.

- Это нож Шики. Откуда он у тебя? – спрашивает он, в его голосе слышна неожиданная резкость.

Небольшая пауза, я лгу, не отводя глаз в сторону:

- Она отдала мне его на хранение. Тебя не касается.

Я пытаюсь смотреть на что-то другое, стараясь не дать ему прочитать меня, но бесполезно. Он встает и смотрит на меня в упор.

- Это меня *касается*. Она никому и пальцем не дает дотронуться хоть до одного ее клинка, не говоря уж об этом ноже. Или Шики изменила своим привычкам...

Он хватает меня за воротник с неожиданной силой.

- Или ты стащил его у нее. Извини, но я думаю, что последнее более вероятно.

Я стряхиваю его руки с воротника и отворачиваюсь, не потому что я не хочу, чтобы он смотрел на мое лицо, а потому что я не могу смотреть ему в глаза.

- Ни то, ни другое. По правде говоря, она обронила нож, поэтому я должен поспешить и вернуть его.

Я поворачиваюсь к нему спиной и направляюсь назад в комнату, чтобы подготовить все, что мне нужно взять перед уходом.

- погоди, так ты не один из них?

Я был готов его проигнорировать, но что-то напрягает меня.

- О каких «них» мы говорим?

- Чудики из апартаментов Огава.

Упоминание зловещего имени ласкает мой разум, словно мягкий шепот, и я замираю на месте. Я быстро размышляю над тем, что он может блефовать, но зачем ему? В конце концов, он понимает мое молчание по-своему.

- Значит, это правда, – тяжело вздыхает он. – Шики похитили.

Он направляется к двери.

- Эй! – кричу я, чтобы остановить его.

Если я прав, я знаю, что он собирается делать. Но я не могу отпустить его одного. Я даже счастлив, что нашел потенциального союзника, а он собирается убежать один, когда у нас общая цель. Я пересекаю комнату и подхожу к двери.

- Эй, подожди! – повторяю я и кладу руку ему на плечо, чтобы не дать ему уйти.

Снова мы стоим в дверном проеме, но в этот раз, я надеюсь, в совершенно другом положении.

Было довольно легко убедить его выслушать рассказ, как только я сказал, что у нас общая цель, и мы объяснили друг другу наши положения, оба странным образом забывая представиться. Не вдаваясь в детали, он объяснил, что он друг Шики со школьной скамьи. Судя по всему, человек в плаще по имени Альба сообщил ему сегодня днем, что Реги у них.

Сначала мне кажется странным, что он говорит про день, когда я и Реги точно ходили в здание ночью, но когда я смотрю на часы у кровати, то вижу, что сейчас примерно семь вечера. Значит, я просидел в комнате весь день и даже не заметил этого.

Он объяснил, что знает женщину по имени Токо, которая отправилась в апартаменты Огава ради него и сказал, что доверил ей возврат Шики. Но прошло уже очень много времени, она тоже могла попасть в засаду. Оставшись в одиночестве, он не мог сидеть на месте и вместо этого решил действовать самостоятельно.

Я, в свою очередь, рассказал все о том, что случилось прошлой ночью. О восточном и западном зданиях. О двух квартирах, где я якобы жил. О том, как Реги поймал Арайя. С сомнением я рассказал ему об убитых мною родителях и о том, как Реги нашла меня, блуждающего по городу. Всю дорогу, он слушает, ни разу не усомнившись в моих словах,

даже когда я, посреди всего этого безумия, думаю, что эти слова звучат как запоздавшее завершение затянувшейся шутки.

После того, как я заканчиваю объяснять положение дел, он с абсолютно серьезным видом спрашивает меня:

- Ну, так что ты обо всем этом думаешь?

- Не важно, что я думаю. Важно вытащить оттуда Реги.

- Я говорю не о ней. Я говорю о твоих родителях. Которые из них, по-твоему, настоящие? Я даже не думал об этом, а он размышляет так, словно это его проблема. Невероятно.

- Не важно, говорю же. Просто забудь об этом.

- Вообще, может и важно. Если то, что говорила Токо - правда, то этот комплекс мог свести тебя с ума просто потому, что ты там жил. Может, в смерти родителей повинен совсем не ты. Может, просто здание запутало тебя.

Его глаза не отрываются от моих, острые глаза с отличной, прямо противоположной интенсивностью, чем у Реги. То, что он сказал, не поможет мне. Я знаю, что сделали эти руки.

- Нет. Я убил их, это правда. В этот раз я принял это. Я не смогу смыть с себя кровь матери. Бегство только делает меня трусом.

- А как насчет твоего отца? Пока ты говорил только о своей матери. Вспомни. Может, ты убил только мать.

- Да блин, отстань ты уже! Он мертв, точка! Я видел гребаный труп, так что...

Вдруг я засомневался. Я видел его труп, это точно, но я ли убил его? Если я мысленно вернусь в ту ночь, я вспомню, как это произошло с матерью, но теперь, призадумавшись, я вообще не могу вспомнить, как убил отца. Может потому что, как в той истории, которую рассказали полугодовалые трупы...

...мама уже убила его? Так же, как фальшивая мать фальшивой семьи Эндзе в другом конце здания убивает его, наверняка убивая и фальшивого меня в следующую минуту, каждую ночь.

Так я никогда не убежал от ужасного сна. Только убежал от еще худшей реальности, и этими руками попытался покончить с ней. Проходит некоторое время, прежде чем я замечаю, что мои зубы начали стучать.

- Забудем об этом, ради бога, – пытаюсь сказать я настойчиво, но получается более нервно, чем я рассчитывал.

- Может, ты забыл, зачем ты здесь.

Я временно задвигаю мысли о моих родителях в угол разума. У меня будет время на то, чтобы разобраться с этим позже.

- Так у тебя есть план? Если ты собрался идти туда в одиночку, у тебя должен быть козырь в рукаве.

- Ну, может быть, – с сомнением отвечает он. – Я не знаю, может, стоит отдать это дело копам или что-то в этом роде.

Что за хрень он курит?

- О, конечно, давай позвоним им и скажем, что у нас магические проблемы. И даже если они поверят нам, у нас едва ли есть хоть немного времени. Ты серьезно?

Он пожимает плечами, показывая, что ждал этого ответа.

- Нет, но мне нужно было это услышать от тебя. Слушай, ты явно намерен туда вломиться без плана, но давай будем реалистичны. Я знаю, что Шики важна, но твоя жизнь точно также важна, а она всего одна.

- Ха! Ты был готов сделать то же самое минуту назад. Да я и не ждал, что ты поймешь. Для меня в этом мире нет ничего. Никого, кто мне поможет, и никого, кому я могу помочь – кроме Реги. Я поклялся помочь ей. И ты можешь ставить сколько угодно на то, что я сделаю это. Это последнее...

Я чувствую комок в горле и не могу закончить предложение, чувствуя то же самое, как когда я клялся Реги, будучи на острие. Я только хочу помочь ей, может даже умереть. Нет смысла проживать жизнь, полную волнений, постоянно оглядываясь через плечо, не имея цели. Нет, со мной покончено. Но смерть не должна быть бесполезной. Последнее, в чем я могу помочь – это спасение Реги. В конце концов, разве это не лучший способ покинуть этот мир – умереть за любимую? Этот парень... он знает, о чем я думаю. Он понимал, что я хотел сделать еще до моего предложения.

- Ну, я не знаю, понимаешь ли ты меня, – слабо бормочу я.

Это все, что я могу сказать. Он встает с пола медленно, без единого звука.

- М-м-м... может да, может и нет. Но это мы скоро узнаем. Прежде чем мы вернем Шики, нам нужно посетить одно место. Просто следуй за мной, Томое Эндзе.

Он срывается к двери, открывает ее и выбегает быстрее, чем я могу спросить, откуда он знает мое имя, и вскоре я забываю об этом вопросе, следуя за ним в колыбель ночи города.

Я и этот парень уходим от квартиры Реги, направляясь к ближайшей станции поездов в оживленном коммерческом районе. Мы едем в направлении, которое неожиданно удаляет нас от апартментов Огава, и выходим на пустой станции. Это часть города – проект жилого района, очень далекий от обезумевшей толпы делового центра. Даже станция с неубранным полом и отсутствующими турникетами казалась бы заброшенной, если бы не время от времени загорающиеся лампы под потолком. Перед ней стоят два маленьких необычных магазинчика, хотя кажется, что сейчас там нет посетителей и магазинчики мертвы в этот ночной час.

- Сюда, – говорит парень в очках, изучив расположение улиц в районе на станции.

Он начинает быстро идти, и я пытаюсь не отставать изо всех сил. Мы идем в этом темпе несколько минут, все это время он ведет. Не важно, как далеко мы заходим, я вижу только дома слева и справа на разной стадии ремонта, все тихие, с одним или двумя горящими окнами, во всех наверняка уже закончился ужин, и люди отходят ко сну. Наши шаги по бетонному тротуару – единственный звук, который мы слышим, и кажется, что весь район укрыт какой-то клятвой тишины, которую мы нарушаем. Улицы и тротуары узкие, и тьма лишь слегка разгоняется лужами света, создаваемыми тусклыми уличными фонарями. Подвернувшийся мусорный бак является домом для бездомных собак, но в остальном улицы окрашены людскими отбросами.

Я понимаю, что он здесь впервые. Сначала я подумал, что эта поездка была ради каких-то приготовлений для спасения Реги, но теперь мне так не кажется. С моменты выхода из квартиры Реги я долго молчал, но теперь начинаю злиться. У нас нет времени на прогулку.

- Так, кончай ломаться, – говорю я, нарушая тишину. – Ты можешь сказать, куда мы идем?

- Еще немного, – не оборачиваясь, отвечает он. – Посмотри туда.

Он указывает куда-то вперед.

- Это парк. И рядом с ним есть пустырь.

Следуя за ним, я прохожу через парк, о котором говорил парень. Парк кажется таким же заброшенным, как и весь район, хотя мне почему-то кажется, что он и днем такой же. В нем есть детская площадка с разровненной землей, на ней не хватает горки и обезьянней

стойки, которые присутствуют на любой приличной детской площадке. Слабым оправданием служат шесты, на которых держатся красные от ржавчины качели. Видимо, они никого не катали уже много лет

- Погоди минутку...

Что-то порхает в моей голове. Я *знаю* этот парк... из детских воспоминаний, которые я обособил в определенной части мозга. Там есть воспоминания, воспоминания об игре в грязи и песке. Я неподвижно стою перед парком, отпуская мужчину вперед, он не замечает, что я остановился. Он сам останавливается перед домом за пустырем. Потратив несколько секунд, чтобы собраться, я торопливо бросаюсь вслед за ним.

Когда я подхожу к нему, он смотрит на меня грустными, почти сожалеющими глазами. Воодушевленный, я бросаю взгляд на дом, на который он глазел секунду назад, и внимательно его разглядываю.

Мое сердце пропускает удар.

Это маленькое, причудливое бунгало. Половина ворот, кажется, оторвана, а другая половина превратилась в ржавую железную кучу. Маленький садик между воротами и домом стал хаотичным месивом из сорняков, разросшихся вширь и ввысь, карабкающихся по стенам дома, страдая от осыпающейся или потрескавшейся краски. Руины. Когда здесь последний раз кто-то жил?

Я пытаюсь говорить, но слова не звучат. Мои глаза прикованы к давно забытым руинам, и сам того не замечая, я плачу. Это не слезы сожаления, боли или печали, а просто поток слез, который я не могу остановить. Он не такой, как был. Все иначе. Но душа помнит. Это что-то, что я могу спрятать, но не смогу забыть, даже спустя десять, двадцать, тридцать лет. Это место всегда будет следовать за мной.

Мой первый дом.

Это дом, в котором я жил до восьми лет, но это жизнь, которая, кажется, была так давно, что я почти забыл ее.

Скажи, Эндзе, где твой дом? Когда я ответил на этот кажущийся простым вопрос, она выглядела недовольной, даже разочарованной. *Это не то, что я спрашивала. Я говорю о месте, куда ты на самом деле хочешь вернуться. Ну, если ты не знаешь, я не удивлюсь.*

Ты об этом говорила, Реги?

Но это ведь разваливающиеся, разлагающиеся руины дома? Только воспоминания. Какое-то время я вспоминаю, какими были мои родители перед тем, как я убил их: грубый отец, который вел себя как король, и уступчивая мать, которая на всего его приказы отвечала «да». Родители, которые не давали мне еды, чтобы наполнить живот, или одежды, чтобы согреть тело. Родители, которые не делали ничего, кроме как были обузой для меня, и чьи смерти заботят меня намного меньше, чем Реги.

Если это так, почему я все еще плачу?

Когда я увидел их высохшие останки в апартаментах Огава, я испытал онемение, похожее на то, что испытываю теперь, и я не мог заставить себя двигаться, как будто я забыл что-то важное, но все еще преследующее меня. Но сейчас тяжело, как будто иду в воде, я прохожу мимо ворот в маленький тесный сад. Когда я был ребенком, он казался больше.

Простор сада; отец, который смеялся, глядя меня по голове; мать, которая провожала меня в школу с улыбкой; это я сейчас вспоминаю. Реальность заставляет меня усомниться в правдивости воспоминаний, как когда вы видите хороший и правдивый сон, но просыпаетесь от чего-то, больше похожего на ложь, чем на сон. Но я знаю, что мой разум может это вспомнить, и это не было ложью, только чистое счастье, скрытое в глубине нейронов и синапсов.

Томое, слышу я голос из прошлого. Обернувшись навстречу ему, я вижу переднюю дверь дома, и решительное лицо мужчины. Иди сюда, я дам тебе кое-что особенное. Ребенок, еще мальчик, рыжий, с телом, худым, как у девочки, подходит к высокому мужчине.

Что это, папа?

Ключ к дому. Не теряй его, хорошо? Хотя ты еще всего лишь мальчик, с этим ты можешь защитить маму.

Это просто ключ.

Именно. Ключ к дому защищает нашу семью, так что даже когда мамы и папы в нем не будет, все будет хорошо. Это доказательство того, что мы семья, и мы защищаем друг друга.

Мог ли мальчик понимать смысл слов отца? Тем не менее, он взял ключ из его руки и крепко сжал его.

Я понял. Я не потеряю его. Не волнуйся, папа. Я сохраню дом, даже когда я буду совсем один.

Ноги больше не держат меня, я падаю на спину. Я пытаюсь встать, но ноги не слушаются. Воспоминания сейчас так ясны. Ключ был важен, потому что он защищал мою семью, он был доказательством того, что семья, которую нужно было защищать, существовала. И словно на нас было наложено проклятье, семья начала распадаться, когда я забыл это.

Прошлое – где моя мама могла быть доброй и мой отец мог быть хорошим, где оба они дорожили своим сыном – это была более определяющая истина. Тот миг, в котором по прошествии многих лет эта истина была утеряна, наступил, когда я решил, что все это было ложью. Я был полным идиотом. Я жил изо дня в день, осуждая моих родителей за их никчемность потому, что думал, что они не могут сделать все нормально. Я изолировал себя от их маленьких жестов, от матери, выглядящей так, словно она пыталась что-то сказать, но не могла, каждый раз, когда я возвращался домой с работы. Но я не думал о том, что случилось с ними, не думал, почему отец никогда не мог получить работу. Он всюду получал отказ из-за того происшествия, и давление людей вокруг него начало его пронимать. Или как мама держалась, несмотря на слухи и разговоры, согласно которым она хватала и теряла работы с минимальной зарплатой раз за разом. Они делали это ради меня, но я забыл об этом и стал преступником вместо жертвы. Я повернулся к ним спиной, и мы забыли друг о друге. Маме пришлось тяжелее, чем мне, подвергаясь издевательствам отца ночью и работая днем, она никогда не имела кого-то, кто мог бы протянуть ей руку помощи. Мы все сломались к тому времени, как я замарал руки их кровью, но ей было тяжелее всего.

Если бы я обернулся через плечо, чтобы поговорить с ней хоть раз, может... может, мы смогли бы справиться со всем этим.

- Вот он я. Абсолютный эгоистичный идиот.

Я закрываю лицо руками, пытаюсь остановить или хотя бы спрятать слезы. Время признаваться в своих грехах. Это был не сон и не безумный дом заставил меня убить их. Я сам это сделал. Один. Я не смог помочь им. Но чтобы искупить этот грех, я должен пойти к Реги, вытащить ее...

Я опускаю мокрые от слез руки на землю, на которой сижу, и беру комок грязи. Слезы остановились, но вес их смертей все еще висит надо мной. Почти церемониально я сжимаю землю в кулаке. Мой последний ритуал на этой остановке. Ветер затихает – знак того, что мне надо идти. Начинать бежать, как я всегда хотел, бежать не от того, что я сделал, но чтобы увидеть конец.

Когда я смотрю на землю, я вижу тень парня в очках, стоящего в нескольких метрах отсюда, не говорящего ничего, но внимательно изучающего меня. Он был прав. Я должен

был прийти сюда. Потому что он знал, что я рассчитывал на него как на союзника. Что ж, это лучше, чем становиться врагом парня девушки, которая тебе нравится.

Не оборачивая головы, я с улыбкой говорю:

- Интересно за мной смотреть?

Рядом с собой я вижу его тень, горько трясущую головой.

- Прости. Я знал твою историю, но думал, что будет неправильно что-либо говорить. Мне повезло родиться в хорошей семье с хорошими родителями, так что это казалось неправильным.

Хороший парень. По крайней мере, знает, когда слова утешения звучат скорее как ложь. Но я сам знаю, что нельзя отказываться от симпатии, когда она нужна.

- Тогда помолчи пока, ладно? Надо уважать момент, друг. Если подумать, то ты мне больше нравишься, когда молчишь, – говорю я, все еще сдавливаемый желанием прекратить смех.

- Хотя я должен сказать кое-что, – начинает парень. – И Бог свидетель, я говорил это одному человеку больше раз, чем мог сосчитать: если ты думаешь, что тебе нечего терять, то у тебя остался ты сам. Будет большой ошибкой выбрасывать свою жизнь без хорошей причины.

Лунный свет, такой слабый в эту облачную ночь, освещает почву в саду, и я вспоминаю тот час, когда сказал Реги, что умру за нее, а она ответила так, словно не хотела этого. Только теперь я осознаю, что она говорила то же самое, и то, что кто-то, настолько отличный от нее, доносит до меня ту же мысль, видимо, является каким-то знаком. Этот вывод заставляет меня рассмеяться еще громче.

- Сможешь встать сам? – спрашивает парень, протягивая мне руку. – Или нужна помощь?

Мой смех наконец стихает. Я смотрю на раскрытую ладонь лишь секунду, прежде чем вежливо оттолкнуть ее. Хотя все мои суставы воют от боли, мое упорство заслуживает похвалы. Итак, Томое Эндзе встает.

- Спасибо, но не нужно. Все-таки до этого момента я все делал один.

Мужчина кивает, чуть поднимая очки на переносице.

- Думаю, я знал, что ты это скажешь.

Без особой причины он улыбается. Я возвращаю улыбку. Мы пошли назад к дому парня, квартире в центре города, чтобы взять его машину, которую он сейчас уверенно, хотя и медленно, ведет к апартаментам Огава. Внутри машины лежит вещевой мешок, в котором находятся инструменты, необходимые для спасения Реги.

Он рулит и объясняет простой план. Попытка войти через главный вход подвергнет нас серьезной опасности обнаружения. Так что он хочет стать приманкой, пока я обыскиваю это место в поисках Реги, начиная с десятого этажа, где она скорее всего заключена, поскольку это самое недоступное место. Я буду искать Реги просто потому, что Арайя скорее заинтересуется тем, кого не знает, чем мной, не представляющим для него опасности.

- И все же, – начинаю я вопрос. – Разве меня не заметят также легко, как тебя?

- Нет, если ты пойдешь под землей. Вот чертеж здания.

Оставив одну руку на руле, другой он лезет в сумку, лежащую у меня на коленях, доставая оттуда большой лист бумаги. Тут показан план этажа апартаментов Огава в поперечном сечении. Он указывает на него.

- Посмотри сюда. Здесь есть подземная стоянка. Оттуда можно войти через люк, а забраться можно через другой люк снаружи здания. Вряд ли сейчас эта стоянка используется, так что там должно быть чисто.

Так и есть. Хотя в лифте есть кнопка «В», она не работает, так что я решил, что стоянку еще не построили. Он продолжает:

- Там они, скорее всего, делают всю грязную работу, которая необходима для работы апартаментов. Разумно, поскольку звук не выйдет оттуда, и никто не будет ничего подозревать.

- Я так понимаю, лебедка, плоскогубцы, лом и крюк для открытия люка? – спрашиваю я, копаясь в сумке, чтобы посмотреть, что еще там есть.

Парень кивает с серьезным видом.

Спустя несколько минут, мы, наконец, добираемся до Каямихамы, района, где находятся апартаменты Огава. Он останавливается на перекрестке примерно в километре от апартаментов, и мы выходим. Часы показывают десять, и вокруг не видно ни души, хотя это одна из наиболее освещенных частей города. Парень указывает на дорогу вдалеке от того места, где мы стоим.

- Люк, который тебе нужен, находится вон там. Когда заберешься, просто следуй западному потоку воды и считай количество люков над собой. Седьмой должен вести на подземную автостоянку.

- Да, да, я тоже посмотрел карту уличных инфраструктур в сумке, – ворчу я, проверяя свою экипировку в вещмешке. Я касаюсь кармана, просто чтобы проверить, что нож Реги все еще там. Из машины, мы достаем меч, который забрали из ее комнаты, прежде чем отправиться сюда. В случае, если я столкнусь с Арайей, не повредит иметь выбор в оружии.

- Часы синхронизированы, верно? Около 10:30 я вхожу в здание, а ты уже должен быть на месте и двигаться через стоянку, – говорит он без тени сомнения.

- Ты говоришь так, словно привык к таким вещам.

- Поверь мне, это не так.

- Тогда скажи мне, что между тобой и Реги, что ты так далеко зашел ради нее.

Я наконец задаю вопрос, который долго копошился на задворках моего разума. На мгновение я вижу, как парень хмурит брови, но он воздерживается от ответа.

- Эй, мы тут умереть можем! Разве тебе не страшно? Зачем? Кто ты для нее?

- Конечно, мне страшно. Я нечасто спасаю людей.

Он закрывает глаза и говорит тихим, почти осторожным голосом:

- Я, видимо, не создан для подобного рода дел. Я рискую своей жизнью. Но потом я вспоминаю девочку, которую мы с Шики однажды встретили. Предсказательницу, которая могла видеть будущее.

- Что?

Это определенно неожиданная смена темы.

- Я помню, как эта девочка сказала, что если я продолжу иметь дела с Шики, то ставлю свою жизнь под угрозу. Что-то случится, и я поставлю свою жизнь на кон ради нее.

Он говорит это без смеха или даже самоуничижительной улыбки, так что я слушаю его также серьезно, как он говорит об этом.

- Так ты думаешь, что мы этим сейчас занимаемся? Что ребенок сказала про ваши перспективы в жизни?

Парень только качает головой и пожимает плечами.

- Ну, она не сказала ничего о том, умру я или нет. Так что, думаю, это все еще скрыто в картах. Это просто причина для того, чтобы рискнуть за нее головой. Это судьба, ожидающая исполнения.

Теперь он смеется. Из того, что я узнал об этом парне, причина кажется ему подходящей. Удовлетворенный, я поднимаю мешок и закидываю его на плечо. Скоро мне придется бежать.

- Спасибо, – неловко говорю я. – Ох, почти забыл. Мы так и не представились. Меня зовут Томое Эндзе. А тебя?

Я знаю, что ему уже известно мое имя, но я все равно называю его, чтобы вынудить парня сделать то же самое.

- Микия Кокуто.

То же имя, что однажды упомянула Реги.

- Ха. Она права. Твоя фамилия и правда звучит как имя какого-то поэта, которое я где-то слышал.

Мыжимаем руки, и через рукопожатие я передаю ему один ключ - ключ в комнату Реги, который мне больше не нужен. Мне кажется, он теперь выглядит почти так же, как крошечный кусочек металла, который я когда-то хранил.

-Что это? – спрашивает он.

- Просто возьми его. Теперь его должен хранить ты.

Я пытаюсь выдавить из себя настоящую улыбку. Не знаю, получилось ли.

- Когда все закончится, мы больше не встретимся. Даже не пытайся найти меня. Любовь к одной девушке – достаточный повод для расставания.

Парень поднимает бровь и пытается что-то сказать, но обрывает себя. Может, он все понимает.

- Вот и все, – продолжаю я. – Я не знаю тебя, ты не знаешь меня. Так что потом нам не нужно волноваться из-за того, кто умер и кто виноват.

Я оборачиваюсь и начинаю идти к люку, чтобы привести план в исполнение. Парень провожает меня взглядом. Я последний раз поворачиваюсь к нему и на прощание машу рукой.

- Прощай, друг! Я начну с нуля, когда со всем этим будет покончено. Я правда люблю Реги, но я ей не нужен. У нее есть ты. Не думаю, что вы хорошо друг другу подходите, но такова жизнь. Я был рад, что встретился с ней, встретился с тобой. Потому я знаю, что такие, как ты, нужны таким, как мы.

Я поворачиваюсь к нему спиной и срываюсь с места так быстро, как только позволяют мои ноги и легкие. И ни разу не оборачиваюсь.

Глава 15

Дождавшись времени, о котором договорились он и Эндзе, Микия Кокуто наконец подходит к зданию. Путь, пролегающий через сад, кажется пустым. Трава в саду настолько же изумрудно-зеленая, как и обычная трава, но ей недостает запаха. Он проходит через сад и входит в холл, ярко освещенный искусственным светом.

Ни звука вокруг. Свет ламп не отражается от безупречной поверхности одинаково кремовых стен и пола, и все же здесь нет ни единого темного уголка. Последний раз Микия был здесь утром, и тогда он чувствовал легкое беспокойство. Но этот ночной визит совсем иной. Создавалось ощущение, что здание беременно удушающей неподвижностью. Каждый шаг рождает эхо, почти неслышное, и спустя секунду звук исчезает. Теперь тишина промораживает, атакует и кажется почти физически осязаемой, утяжеляя каждый его шаг. словно здание видит в нем чужака и пытается избавиться от него.

Но он решил это сделать и не может отступить, не в то время, когда на него рассчитывают. Пробивая себе путь через затвердевший воздух, он продвигается вперед.

- Наверное, стоит начать с третьего этажа, – бормочет он.

Парень решает воспользоваться лифтом, а не лестницей, потому что это, скорее всего, привлечет больше внимания, оставляя на Эндзе необходимую работу. Так что он нажимает кнопку вызова и слышит низкий рев включающегося механизма. Лампы над дверью показывают, что он спускается с пятого этажа. Немногом позже двери бесшумно открываются, резко контрастируя с шумом опускания кабины.

Но мгновением позже Микия видит кого-то внутри. Еще не зная, кто это, он сглатывает и отступает на шаг.

- О, ты пришел. Какое удачное совпадение. Я как раз думал зайти в мастерскую твоей хозяйки, – говорит человек в кроваво-красном плаще с улыбкой, медленно расползающейся по его лицу.

Он выходит из лифта, держа что-то в одной руке. Его внимание полностью приковано к этой вещи, на которую он смотрит с выражением, наполненным одновременно страхом и радостью. Микия смотрит на предмет в его руках, и чувствует, как ком отвращения поднимается в гортани. Но отворачиваться уже поздно.

- Идеальна, не правда ли? – издевательски спрашивает мужчина. – Я думаю, она захватила мое сердце.

Теперь он смеется, явно наслаждаясь происходящим, выставляя напоказ то, что он держит. А Микия все не может отвести взгляд.

Потому что предмет, который держит мужчина в красном – это голова Токо Аозаки.

Ее голова на удивление хорошо сохранилась для ее положения. Плоть выглядит все еще теплой, и она ничем не отличается от своей живой версии. Глаза закрыты как во сне, и незапятнанное лицо выглядит так, словно она вернулась к какому-то более чистому состоянию бытия. За исключением того, конечно, что она потеряла все, что было ниже шеи.

Прижав руку ко рту, Микия пытается сражаться в проигрышном бою с тошнотой, но получается не очень хорошо.

- Как похвально с твоей стороны прийти мстить за своего учителя. Аозаки, должно быть, воспитала великую преданность в таком паршивом ученике, раз ты пошел на это. Честно говоря, я даже немного завидую.

Улыбка Альбы кажется искаженной, как будто слишком увлеченная служением шоу-хозяйки.

- Конечно, твой учитель покинула нас. Но не совсем. О нет. У нее есть еще уши, чтобы слышать, нервы, чтобы чувствовать, и разум, чтобы понимать. Это милосердие. Я многое сделал, чтобы уничтожить эту женщину, и я намерен выразить ей мою благодарность. Ну, по крайней мере, я дам ей еще немного поцепляться за жизнь.

Он приближается к Микии, на каждом шагу шаркая и топая, опьяненный собственным триумфом.

- Ты хочешь спросить, почему? – шипит он. – Потому что после стольких лет поражений от этой женщины, чувство превосходства так освежает. Просто убить ее было бы оскорблением всего того времени, которое привело нас к этому моменту, а она этого не заслужила. Ей придется почувствовать боль. Не волнуйся, друг. Она лишилась всего тела. Я уверен, у нее есть более серьезные проблемы, чем немного боли.

Альба нежно кладет ладонь другой руки на лицо Токо. Затем резким движением двух пальцев, он вставляет их в глазницы, вырывая знакомые глазные яблоки из теперь опустевших емкостей. Щеки Токо омыты потоками кровавых слез. Отделенные от владельца и покрытые ее кровью, глаза теперь кажутся другими и чужими. Просто два сферических куска мяса. Альба протягивает руку, которой держит глаза, Микии, предлагая ему жестом взять их.

- Видел? – полубезумно орет мужчина в красном. – Это точно было больно, но она ни звука не издала! Однако не беспокойся, потому что она также чувствует боль, как и мы. Ее разум велит ей чувствовать. Аозаки всегда была упрямой, но интересно, что бы она сказала про свои вырванные глаза. Больно, Аозаки? Достаточно, чтобы ты начала плакать кровью, как я погляжу.

Он отворачивается от головы и возвращается к Микии.

- Ты! Что ты думаешь? Ты ее ученик, так что ты должен понимать ее чувства. Ну как? Можешь?

Микия не отвечает. Картины перед ним достаточно, чтобы отправить его в бессознательное состояние, не говоря уже о том, чтобы думать о чем-то, кроме как о восприятии спектакля перед ним и о том, как выжить в этом столкновении. Альба смотрит на него, подтверждая довольный вид смешком.

- По правде, я хотел заставить ее страдать не только от боли, но и от унижения перехода в настоящее состояние. Неважно. Я могу придумать кое-что получше, но мне нужен ты.

Он снова смотрит на Микию.

- Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы кто-то, кого я создавал, лелеял и о ком заботился, был уничтожен прямо перед моими глазами, пока я просто стою рядом, беспомощный, неспособный даже кричать. Будь это я, я бы точно этого не вынес. Даже убийство того, кто это сделал было бы недостаточным, о нет. Видишь, Аозаки? – он оборачивается к голове Токо. – Я хотел, чтобы ты, дарившая мне лишь безразличие, чувствовала достаточно ненависти, чтобы желать мне смерти. Лучшая месть, о которой я только мог мечтать. Хотя Арайя забрал у меня роль того, кто вонзит руки в твою грудь и вырвет оттуда сердце, эта возможность все равно является чем-то большим, чего я заслуживаю.

Продолжая говорить с оторванной головой, он неожиданно хватается ее обеими руками, снова вернув внимание к Микии.

- В ту секунду, когда я узнал, что у Аозаки есть ученик, я был так счастлив, что не мог сдержать себя. Я следил за тобой с самой нашей встречи. Проклинай не меня, а своего учителя за то, что она познакомила нас. Но не беспокойся. Ты пока не присоединишься к ней в аду. Как я сказал, эта голова еще жива, но мы достигли того момента, когда сперва должны сделать небольшую корректировку...

Он улыбается от уха до уха. Потом с огромной силой сдавливает голову Токо двумя руками. Проходит несколько мгновений, и то, что было Токо Аозаки, сжимается, кровь течет из пор в коже, пока, наконец, она не ломается, превращаясь в неузнаваемую кучу мяса и крови, которая падает на пол.

- Та-да! А теперь она мертва! Это магия!

Энергичный смех человека в красном заполняет некогда беззвучный холл.

Не говоря ни слова, Микия срывается с места, безумное шоу повторяется у него в голове, выжигая здравый смысл или рассудок, которые там еще оставались. Не думая, куда он бежит, он направляется в восточный холл. Его разум не может вспомнить, когда он последний раз был здесь. Для него невероятным усилием является просто не кричать.

- По-моему, пора заканчивать шоу, – кричит ему в спину Альба. – Не волнуйся! Ты скоро последуешь за ней!

Его смех стихает, и он начинает неспешно преследовать Микию, а с рук, что болтаются вдоль тела, стекает кровь и куски мяса.

Туннель поворачивает и закручивается, словно лабиринт. Не имея мощных источников света, Томое блуждает по влажным проходам. К счастью, Микия дал Томое все, что ему было нужно, включая карту канализации и фонарик. Со временем, он добирается до места, где и должен быть. Над ним находится нужный ему люк. Он выключает фонарик и ставит мешок на пол, так, чтобы его не унес поток сточных вод. Он достает лом и забирается по вбитым в стену ступеням, поднимаясь на неизвестную ему высоту.

Голова Томое ударяется обо что-то металлическое, единственный знак, который ему нужен. Одной рукой он создает проем, в который вставляет загнутый конец лома. Найдя опору, он толкает люк вверх, чтобы расширить проем. Потом, изо всех сил, он толкает его плечом, пока крышка не вылетает, катясь по полу с громким металлическим звуком. Он высовывает голову, чтобы увидеть, что на стоянке также темно. Удовлетворенный, Томое спускается за мешком, поднимается назад и забрасывает его наверх. Затем – меч Шики, и только потом он сам.

Не имея света, который мог бы провести его, он замирает на секунду, чтобы прислушаться к окружению. Странное чувство наполняет его: как будто никто не собирается его искать, даже если он будет просто стоять тут. В пустоте стоянки, сочетающейся с темнотой, Томое чувствует себя уверенно и комфортно. Откуда-то рядом он слышит резкий свист пара, отдающийся эхом в пустоте.

- Звук... пара? – шепчет он себе под нос, вспоминая нечто расплывающееся в его памяти, что он, по его мнению, уже забыл. Эта тьма и запах в воздухе знакомы Томое. Смутные ощущения смешаны с чувством переступания порога чьего-то дома.

Его кости болят словно в ответ на это знакомство, и звук дрожи только усиливается в его голове, проигрываясь снова и снова. Он осматривается вокруг и в этот раз находит сияющий вдали маяк, теплый оранжевый свет, зовущий его. Когда Томое видит его, он чувствует жар, словно его мозг наконец осознает реальную температуру комнаты. Ноги несут его к оранжевому свету в центре всего, и он слышит слабый шипящий звук, который ему знаком.

Со временем глаза Томое начинают приспосабливаться к темноте. Вдоль стен находятся большие канистры, расположенные в порядке, который он пока не может понять. Пол выложен длинными, узкими трубами, ведущими непонятно куда. И, тем не менее, здесь не видно ни души. Компанию Томое составляют лишь свист пара и звук кипения воды, с каждым шагом к центру комнаты они становятся громче. Оба звука отдаются в закоулках прошлого Томое. Ничего не говоря, он идет тяжелыми шагами, соответствующими неожиданному весу его тела. Он приближается к пределу своей выносливости. Еще ближе к свету, парень видит, от чего он исходит: светящаяся горячая металлическая плита. С

постоянными интервалами, определенное количество воды выливается на нее, испаряясь и мгновенно обращаясь в пар, поднимающийся к потолку. Сам потолок, как видит Томое, заполнен сложной системой труб, поглощающих пар и передающих его в канистры по сторонам комнаты, через которые они соединены. Дыхательная система.

Томое неосознанно издает нервный смешок, когда видит это, и его любопытство ведет его к стоящим на видном месте канистрам. Их бесчисленное множество, каждая размером с голову. Хотя он еще не видит содержимого, но замечает, что что-то плавает внутри в формальдегиде. И, наконец, он видит.

Мозги. Человеческие мозги.

Трубы, которые он видел ранее на полу, такие же, как и те, что протянулись на потолке. Они расходятся по комнате, но абсолютно все подсоединены к одной канистре, и абсолютно все уходят вверх через потолок подземной стоянки. «Видимо, соединены со всеми комнатами здания апартаментов», - думает Томое.

- Как дешевый ужатик, – тихо, с улыбкой комментирует он, идя вдоль стены.

Он должен был сам подумать о чем-то таком. Не могли люди просто проживать один и тот же день в деталях, каждый день месяца. Это вызвало бы подозрение у тех, кто смотрел снаружи, чего Арайя не хотел. Вместо этого у них будут маленькие изменения, маленькие детали, меняющиеся каждый день. Но большая часть дня проходила по схожей спирали. Время просыпаться, время есть, время играть, время работать, время умирать и снова жить. И для этого они должны были быть до какой-то степени живы. Хотя Томое сложно представить такую ситуацию – тела, оживленные удаленно хранимыми человеческими мозгами - именно она предстает перед ним. Каждый день эти мозги вынуждены жить замкнутую петлю мимолетной смерти и неопределенного перерождения, жить, чтобы умереть ночью, испытывая это чувство разъединения, которое приходит при отделении разума от тела. Лучший пример ада, который Томое видел: тюрьма для души, напоминающая какую-то грубую кальку жизни, которая не скопировала главного, повторяя один и тот же сон до тех пор, пока спящие не лишатся возможности отличить сон от реальности. Как кошмар, что отравлял разум Томое Эндзе каждую ночь.

Томое проводит пальцами по холодной поверхности одной из канистр.

- Ха... понятно, – бормочет он, когда холодок от канистры пробегает по телу.

В тот момент он слышит голос – нет, не голос, больше похоже на связь сознаний, исходящую от предмета. Ему почудилось? В любом случае, он услышал только одно.

Спаси меня.

Томое хихикает, несмотря на вторжение в его разум. В конечно счете, что он мог спасти? Оно хочет вернуться в изначальную форму или сбежать из цикла, в который поймано? Но он не может помочь.

- Я доказал, что могу только убивать, – говорит Томое, улыбаясь собственному раздражающе унылому наблюдению. – Кроме того, я сам желал спасения. Проблема была в том, что я не знал, от чего хотел спастись. Возможно, так будет лучше, потому что меня нельзя спасти, даже если мы растянем значение этого слова. Желание убить закипало во мне с нуля, и теперь я уже за той чертой, когда спасение имело хоть какое-то значение, – говорит он почти извиняющимся тоном.

Сейчас Томое копается в канистрах, расставленных у стены, пытаясь найти ту, которую предлагают ему найти любопытство и логика. Отсутствие ее будет даже более странным, чем присутствие. Маг Арайя ради этих мозгов никого не убивал, только собрал их после того, как владельцы совершили свое деяние друг с другом. Потому то, что является источником сна Томое Эндзе – или реальности, которая случилась полгода назад – должно лежать где-то в этой куче. И конечно, спустя несколько коротких минут, он находит нужную канистру. Он не хотел, чтобы она существовала, но все указывало на это, и теперь он не знает, что и думать. Он улыбается искаженной улыбкой, легко касается ее,

очарованный, как будто глядя в кривое зеркало. Доказательство перед ним. Он смотрит на себя. От него тянутся две трубы. Одна идет вниз, другая обрезана. Испорченная машина, ненужный кусок механизма, выброшенный из той обыденности, которую он однажды знал.

В тот момент, словно по команде, резкий звук прорывается через повторяющийся шум пара, и Томое ищет его источник: левый локоть, который болел больше, чем все остальные части тела. Он опускает глаза, и видит, что произвело звук.

Его левая рука, от локтя, упала на пол.

Он не почувствовал, как она соскользнула. Кроваво-красная жидкость вытекает и капает из оторванной культи. Он смотрит в полость, оставшуюся от руки, и видит среди того, что похоже на кости и кожу, металлические объекты. Кажется, шестерни. Они щелкают громче и более беспрестанно, чем раньше, как раздражающие часы, звук которых странно знаком и почти успокаивает. Звук, который он так часто слышал. Томое воспринимает тиканье как старую память, как другое имя, показывающее, чем он является на самом деле: человек, убивший собственную мать, чтобы отогнать кошмар и, танцую под управлением невидимых нитей, сбежавший с места преступления от стыда.

- Я.

Разум Томое пустеет, и он не может устоять на ногах. Он хихикает тихо, незаметно, но это превращается в бурный неприятный смех безумца, раздающийся в пустоте стоянки.

- Смешно, – с трудом говорит Томое. – С самого начала, с самого гребаного начала я уже был фальшивкой.

Он не может думать ни о чем другом. Только откровение, которое он, на каком-то уровне, всегда знал, наполняет его со смехом самоуничужения, его уже нельзя сдержать.

«Это все было чушью», - думает Томое про себя. «Я... я и моя семья не имели шансов избежать этой трагедии, даже если бы мы повторили гребаный спектакль миллион раз. У нас не было способа изменить финал. Мы все были просто подделками, управляемыми Арайей. Он знал, что я ничего не смогу сделать, и позволил мне сбежать.»

Неустанное тиканье в руке и множество бесплотных голосов от каждого мозга, умоляющих его помочь, жутко раздражают. Раздражают. Заставляют его потерять концентрацию. Сводящая с ума какофония, требующая соскользнуть с твердой истины, которую он только что узнал, истины, которую он так долго искал: что все это – ложь. В отчаянии, он приближается ближе к металлической плите в центре комнаты, голоса становятся громче с каждой секундой. Он поднимает оторванную левую руку и прижимает ее к иссушающе горячей поверхности плиты.

Томое издает нечеловеческий вопль, гортанный крик мучения за гранью понимания. Обрубок его левой руки дымит и шипит. Кровь перестает течь, он прижег рану. Тиканье прекращается. Голоса медленно стихают. Боль стреляет через руку и зажигает каждый нерв в теле. Но только на несколько секунд. После этого он поднимает культю с плиты, следы обожженной плоти украшают ее края. Возможно, он уже сошел с ума. Но – по крайней мере, сейчас – он находит решение и вспоминает, зачем вернулся в это безумное место.

Хватая ртом воздух и потя сильнее, чем когда-либо раньше, Томое отчаянно ищет лифт и наконец, находит его в углу комнаты. Свет показывает, что он остановился на первом этаже. Он нажимает кнопку вызова и заставляет машину спуститься. Дважды проверив нож в кармане, и забросив меч на плечо своей целой руки, он заходит внутрь. Смотрит назад на комнату, которая бросила ему вызов, комнату, которая наполнена только раздражающей регулярностью звука воды и свиста пара, и укрытая тишиной так, что никто, кроме спящих, видящих сны душ, окутанных в их ложную жизнь, не услышит последние вздохи того, кто умрет здесь.

Которая из двух спиралей настоящая: неизменная жизнь или бесконечная жизнь? Это здание – машина, окутанная обеими сторонами бесконечности, где даже смерть не является вечной остановкой. Ты просто получаешь право попробовать еще раз на следующий день. Идеально поддерживаемый цикл. Интересно, если бы в этом цикле был какой-то изъян, мать убила бы меня? Убил бы я мать? Невозможно ответить на этот вопрос. Это была бы не та же жизнь. Это место построено на смерти других. Без нее, у этого места нет смысла.

И все же как я мечтаю, чтобы в этой спирали нашелся парадокс.

Он загадывает невозможное желание. Томое чувствует, как все его тело кричит о приближении его последних мгновений, но все равно нажимает кнопку, которая унесет его на десятый этаж.

Микия Кокуто продолжает бежать так быстро, как только может, давно уже выбившись из сил. Он не тратит время на то, чтобы оглядываться и смотреть, преследует ли его Альба. Наконец, он обнаруживает, что ноги принесли его в холл восточного крыла, и останавливается. «Тупик?» - думает он. Помимо лестниц, ведущих на второй этаж, здесь некуда идти, кроме как туда, откуда он пришел. Остановившись там и осознав, что Альба не следует за ним с такой срочностью, с какой он убежал, он получает мгновение, чтобы собраться и сфокусироваться.

«Черт, ну почему я должен был так паниковать?» Хотя он думал, что был готов ко всему, он явно не приготовился к виду того, как голову его близкого друга, с которой он шутил только вчера, раздавят прямо на его глазах. «Я повел себя как любой другой человек в подобной ситуации». Все же оба колена трясутся не только от нервозности, но и от напряжения, вызванного бегом на непривычной скорости, и он опирается на них обеими руками, чтобы успокоиться.

«Сейчас я должен найти способ убраться от него». Он быстро осматривает холл, поворачиваясь во всех направлениях. Чуть погодя он слышит тяжелые шаги из коридора, через который он только что прошел.

«Это плохо». Микия снова начинает бежать, теперь более собранно. Он бежит на лестницу, поскольку идти больше некуда, но не успевает подняться и на три ступени, как слышит острый, резкий звук, длящийся не более секунды. В то же время его ноги теряют опору, и он падает на колени. Он тянется рукой к перилам, чтобы поднять себя, но не может этого сделать. Он соскальзывает вниз, назад, на первый этаж, и падает набок на лестницу. Он смотрит на ноги и видит, как темно-красное пятно расплзается по его брюкам. «Пробиты сзади», - замечает он слегка отрешенно, как будто это не его ноги. Он не чувствует боли. Пока что. Адреналин работает словно магия, так что раны пока кажутся просто горячими, а не болезненными.

- Не торопитесь, юноша. Мы же не хотим, чтобы вы сломали шею, упав с лестницы, правда? У меня на тебя есть планы. К счастью, заклинанию нужно было лишь остановить тебя, а не оторвать ноги.

Альба подходит ближе, руки широко разведены в каком-то безумном приветствии.

Микия ничего не говорит, только пытается заползти на лестницу, хотя все его внимание приковано к ранам. Несмотря на слова Альбы, кровь льется из ран рекой. Медленно, хотя Микия еще не осознает этого, его сознание сражается в проигрышном бою.

- Ты колдун, чернокнижник или, может, работаешь с фамильярами, как и твой учитель? Так призови своих зверушек или страдай от стыда быть недостойным имени мага.

Когда Микия ничего не делает, Альба хмурится.

- Хм, похоже, наша дорогая Аозаки была не таким уж хорошим учителем. Но я не ждал от нее большего, поскольку в ней куча подобных изъянов. История того, как Ассоциация

дала ей титул – тому пример. Ассоциация дает титулы цвета магам, которые, по ее мнению, обладают наибольшим потенциалом. Я знаю, что «Ао» в японском означает «синий», и верная своей фамилии, Аозаки хотела это звание, высшую честь. Но Ассоциация посчитала ее недостойной, дав титул ее младшей сестре, которая считалась настоящей наследницей семьи, и забрала у нее все. Аозаки вступила в Ассоциацию, чтобы превзойти свою сестру в Магии, но даже там она была побеждена. По иронии ей дали титул Красной. Но поскольку «То» в ее имени значит оранжевый, я думал, что ей это подойдет больше. Цвет, который, кажется, абсолютно неспособен соответствовать титулу Красной. Идеально!

Альба подходит к основанию лестницы с улыбкой абсолютного удовлетворения и нависает над неподвижным Микией.

- Считай, что тебе повезло встретить своей конец в том же месте, где и твой учитель. Я думал, что, будучи учеником Аозаки, ты сможешь хоть что-то показать. Но в итоге ты стал просто разочарованием.

Он опускается на колено рядом с Микией и медленно тянет руку к его лицу. В противоположность расслабленному движению Альбы, рука Микии резко приходит в действие.

- Что...

Изумление Альбы длится лишь миг. Но этого мига достаточно для Микии. Его тело двигается, выпуская руку, обнажая серебряный нож, который был спрятан под курткой. Это серебряный нож для писем Аозаки Токо, принесенный Микией на всякий случай, парень не думал использовать его. Он закрывает глаза и ударяет Альбу.

Впервые в жизни он хотел убить и попытался исполнить задуманное. Это было незнакомое чувство, и поэтому он закрыл глаза, чтобы не видеть этого. Жесткость в руке говорит, что нож ударил... что-то. Он знал, что маг в красном был не готов, потом выругался, но оборвал себя. Он не мог уклониться от удара на таком расстоянии.

Надеясь, что он не нанес чрезмерно серьезной раны, Микия открывает глаза. Его исчезающее сознание размывает зрение, прежде чем оно собирается в четкую картинку... Альбы, как и прежде нависающего над ним с протянутой рукой, в которой довольно глубоко застрял нож. Его улыбка еще шире, чем прежде.

Это лишь крошечный момент недоверия для Микии. Но, кажется, что он длится час.

- Какой плохой мальчик, так со мной поступил, – издевательски выплевывает слова Альба. – Все это весело, пока кто-нибудь не лишится глаза.

Говоря это, он протягивает к Микии другую руку, в этот раз уже спешно. Хватает Микию за лицо, сжимает, слегка приподнимает и ударяет о ступень. Затылок Микии издает глухой звук. Не теряя ни секунды, он снова поднимает голову Микии, и снова опускает ее. И снова. И снова. Каждый раз повторяя одну и ту же фразу.

- Весело, весело, весело, весело, весело, весело, весело, весело, весело!

Каждый раз сопровождается тем же глухим стуком, оба звука отдаются эхом в пустоте холла. Хватка Микии на ноже слабеет, когда он теряет сознание. Вскоре даже дыхание становится слабее и отчаяннее. На этом месте Альба наконец останавливается и встает.

- Наверное, это больно. Так больно, что я разрыдался бы. Я бы позволил тебе жить, но не думаю, что ты вынесешь такой позор.

Он вытаскивает окровавленный нож из руки, словно вырывает лист, и кивает самому себе в одобрение собственных слов.

- Ну, думаю, я сделал, что собирался. Хотя меня в известной степени интересуется маленький эксперимент Арайи, кажется, пора мне возвращаться в Германию. Воздух здесь, в Японии, для меня вреден, – обращается он к неподвижному Микии. Альба отворачивается от тела и начинает уходить, направляясь к коридору, ведущему в центральный холл.

Но прежде чем он это делает, он слышит то, чего точно не ожидал. Из того же коридора раздается другой звук шагов, пронзительные удары, он узнает этот звук. Более того, он только вчера его слышал.

- Невозможно...

Но у него нет времени думать, и вскоре источников шагов стоит в холле, с большим чемоданом в руке. Как и прежде, Аозаки Токо становится на его пути.

Глава 16

- Избавь нас от избитых фраз в духе «но ты мертва!», Корнелиус. Ты маг. Ты все знаешь о телах. О контейнерах. О творении жизни и даровании сознания. Не разочаровывай меня, – говорит Аозаки Токо с горькой нежностью.

Альба молчит. Глаза прикованы к ней, руки слегка трясутся.

Токо бросает чемодан на мраморный пол со словами «этого должно хватить». Ее ноша – единственная вещь, отличная от прошлого раза. Ее лицо, ее глаза, ее волосы, ее самодовольная улыбка – все то же. Изменился только чемодан. Вчера это был маленький портфель, но сейчас он намного больше. Такой берут в поездку, и в него можно спрятать даже ребенка.

- Я приехала так быстро, как только могла, – говорит Токо. – Но, судя по тому, что я вижу, я опоздала. Мне казалось, я четко сказала, что Кокуто не мой ученик, но ты не послушал. Я никогда не учила его Магии. И если тебе интересно, нет, я ни на йоту не изменилась.

- Но... Но ты мертва! Я вырвал из тебя жизнь собственными руками! – кричит Альба, кажется, не слыша, что говорит Токо. Он сжимает руки в кулаки, чтобы прекратить дрожать. Он в равной степени изумлен, испуган, зол, хотя изо всех сил пытается скрыть это. Токо спокойна и не желает встречаться с налитыми кровью глазами Альбы, предпочитая вместо этого достать пачку сигарет из кармана.

Альба следит за каждым ее движением. И чем дольше фигура действует так же, как Токо, которую он знает, тем сильнее становится бегающий по спине холодок. Не сдержав себя, он кричит:

- Тебя не должно быть здесь. Это ошибка. Да! Какая-то ошибка! Ты заблудилась на пути к следующей жизни. Мертвые не должны задерживаться в этом мире. *Изыди, дух!*

Он поднимает покрытую кровью руку, ту самую, которую пронзил Микия. Его кровь и кровь из раздавленной головы Токо образуют смесь красного с красным. Он взмахивает этой рукой по широкой дуге, разбрызгивая красные капли. Разлетевшаяся жидкость, летя по воздуху, воспламеняется, словно бензин. Всю его оставшуюся злобу он запускает в Токо в этом отчаянном сотворении Магии.

Огни закручиваются в воздухе и пытаются окутать женщину, но она мгновенно делает движение рукой, словно притягивая их. И действительно, пламя притягивается к ее руке и замирает прямо перед ней. Ладонь открывается и концентрированное пламя плавает в воздухе над ней, Токо использует его, чтобы зажечь сигарету во рту, а когда она отмахивается от огня небрежным движением, он рассеивается.

- Эй, Корнелиус, если не хочешь видеть в этом здании мертвецов, возможно, тебе стоит написать жалобу владельцу. Кончай валять дурака, ты что, не видишь, что я настоящая? Между живыми и мертвыми есть довольно значительная разница. Сигареты например.

Она удовлетворенно затягивается и хмурится.

- Насчет этой можно сказать, что она весьма паршивая, – хмыкает Токо.

То, как обыденно она бросает свои реплики, наконец, заставляет Альбу осознать, что женщина перед ним и правда жива, неизменна по сравнению с оригиналом. Но это только заставляет его повторить вопрос. Уже не от недоверия, а от неспособности понять.

Поэтому он говорит:

- Но ты мертва.

В его голосе слышна нотка уныния. Слова заставляют Токо нахмуриться, она недовольна банальной фразой, ее янтарные глаза высказываются за нее.

- Технически, Корнелиус, я умерла. Тело уничтожено, душа отделена от плоти, все дела.

- Тогда объясни, почему ты здесь!

Она вздыхает.

- Я думала, это очевидно. Я замена, только что из коробки, – говорит она без тени абсурда. Услышав это, маг в красном замирает с открытым ртом.

- Что значит «замена»? Ты марионетка, раз тебя можно так легко воскресить? Или может...

Альба начинает обдумывать другие варианты, другие знания и тайны Магии.

Марионетки, которых создают маги, не могут сравниться с людьми. Они могут двигаться как люди, но они скоро выдадут себя - через речь, или действия, или внешность; что-то будет казаться недостающим или неправильным, *что-то*, что выдаст истинную природу. Это, или части, которые заставляют ее шевелиться, не живы, они лишь умные механизмы, оживленные Магией. Потеря конечности – демонстрирующая кровь и мышцы – раскроет все тайны.

Магия не может создать автомат, который содержит искру человечности.

Высказывание старого мага из Средневековья, со временем ставшее общеизвестным знанием. Спустя годы, это стало почти правилом. И, несмотря на это, женщина, стоящая перед Альбой, безусловно, была человеком. Конечно, это какая-то копия, но лишенная всех отличительных черт, выдающих поддельность марионеток. И для Альбы это означает, что женщина – настоящая Аозаки Токо.

- Я понял! Та, которую я убил, была подделкой!

- Продолжай врать себе, Корнелиус. То есть маг, который уделал тебя вчера, был всего лишь моей жалкой имитацией?

- Хм. Ладно, она была настоящей. Но тогда возникает парадокс. Ты говоришь, что вы обе настоящие. Как ты объяснишь это несоответствие? – кричит Альба.

Он трясет головой, все еще сомневаясь, все еще считая это невозможным. Но как иначе это объяснить? Неужели это возможно?

- Аозаки, не говори мне, что...

- Динь-динь. И та, с которой ты сражался вчера, и та, что стоит сейчас перед тобой, подделки. Я не знаю, в какой момент реальность стала подделкой. Я не знаю, имеет ли это значение.

Губы мага в оранжевом дождевом плаще изгибаются в жестокой ухмылке.

- Тогда что ты? Не оригинал? А был оригинал вообще? Но ты называешь себя Аозаки Токо, не так ли? С душой, чтобы использовать Магию, и сознанием! Но все марионетки, которым был дан разум, не могли понять экзистенциальную дилемму их искусственной природы, и кончали жизнь самоуничтожением. Как ты нарушила правила? Как ты продолжаешь функционировать?

- Я думаю, все, что были до меня, имели второсортное сознание. Не нужно так пугаться, Корнелиус. Ты называешь меня подделкой, но есть только одна Аозаки Токо. В качестве прощального подарка я позволю тебе узнать, как и почему этим все закончилось. Может, это будет хороший момент для обучения.

Чуть напрягшись, она наконец-то встречает взгляд Альбы.

- Послушай, Корнелиус. Я, которую ты видишь сейчас, хранилась в мастерской. Это тело активировалось, когда ты убил Токо Аозаки. Всего час назад. Я маг, который торгует пешками и марионетками, так что я с ними и экспериментирую. В одном из экспериментов я создала мое лучшее творение: идеальную кукольную имитацию меня. Не больше, не меньше, чем я сама. Я посмотрела на нее, решила подумать, и пришла к выводу, что, возможно, раз я создала такую вещь, то во мне больше нет нужды.

Альба сглатывает, слушая, как кукловод рассказывает свою историю, словно исповедь. Он не верит своим ушам. Ересь по законам Ассоциации магов, чистая и неприкрытая. Почему

она не скачет от радости такого достижения, а вместо этого отбросила свое существование?

- Нелепость, – выплевывает Альба. – В конечном счете то, что ты создала, не могло быть чем-то большим, чем автомат. Даже если допустить, что ты смогла создать нечто подобное вообще. И если ты действительно достигла этого, почему ты... почему *ты* не стремишься к вознесению? Почему не целишься выше? Маги никогда не удовлетворяются статусом-кво. Мы ищем, манипулируем, создаем и разрушаем лишь ради последней ступени на этой лестнице.

- Эй, эй, ты смотришь на венец искусства Магии. И даже пока меня не было, она продолжала делать то же самое, что делала я. Как это может дать кукловоду надежду на вознесение?

- Но это всего лишь теория! Я бы не позволил себе быть выброшенным чем-то новым, пусть и похожим на меня. Даже если бы это было достижение, которое заставило бы мое имя прогреметь на всю историю Магии, этого недостаточно. Я должен наблюдать, иначе в этом не будет смысла!

Альба бессвязно кричит, обхватив себя руками, как будто это может защитить от чего-то, о чем он еще не знает. Теперь любой бы увидел различия между магами - между тем, кто позволил мести поглотить себя, и тем, кто отбросил себя ради пути знания. Но Альба отказывается признавать это.

- Называй это разницей во мнениях и философии, Альба. Однако нет нужды винить себя. Сказать по правде, я в чем-то завидую тебе. Я не знаю, когда стала такой, какая я есть. Я даже не знаю, которая из «меня» настоящая. Я просто просыпаюсь, когда предыдущая я умирает. Душа помнит все, и потому все в моей голове, все, что я знаю. Детерминизм и энтропия указывают, что я буду действовать так же, как мой предшественник. После этого, возможно, я сделаю еще одну куклу, чтобы убедить себя, что я настоящая. Настоящей может быть та, которую ты убил. Может, она уже мертва. Но это одно и то же, не так ли? Нас нельзя различить. Это квантовая суперпозиция, как и задачка про того кота в ящике. Никто не узнает. Но я думаю, сейчас для нас с тобой важно то, что я здесь, и что сейчас я, во всех смыслах, Аозаки Токо, и если это тебя успокоит, думай, что та, которую ты убил, была подделкой. Мы друг друга поняли? Хорошо! Теперь, перейдем к делу.

Она тянется к чемодану. Альба смотрит на своего оппонента, напуганный ее откровением, а не опасностью получить с десятков заклинаний.

- Верно, – говорит он. – *Вот* почему Арайя не убил тебя. Пока ты была жива, следующая твоя итерация не могла включиться и ожить.

Токо молчит, только сурово смотрит на мага в красном. Альба уже не сдерживает дрожь. Ему становится все холоднее, когда он смотрит в чистые глаза Токо. Он не видит тепла в янтарном цвете, только эффективное намерение убить. Он не знал, что Токо может выглядеть так, как сейчас. Даже в их время в Ассоциации она никогда не казалась настолько кровожадной.

И Альба приходит к мысли, что для него Токо, которую он знал, была реальной. Не эта холодная фигура, прячущая так много секретов даже от себя. Нет, не эта ее сторона, которая является безжалостным несравненным магом. И пока он думает об этом, он обнаруживает, что его причины для мести становятся менее значимыми, менее давящими. Ведь он не знал, какому монстру он себя противопоставил или правда ли он ее ненавидел. Токо Аозаки, которую знал *он*, была совсем другой.

- Ты настоящая? – шепчет он последний раз, словно на исповеди.

Токо хихикает.

- Какое значение это имеет для такой, как я? – шипит она, ее лицо – картинка сладкой злобы.

Токо подносит сигарету, которую она держала между пальцами, ко рту.

- Теперь вернемся к насущным проблемам, – говорит она, выдыхая серый дым. - Ты сильно ранил моего друга своими играми. Видимо, даже не заметил, как прошел целый час.

Альба и правда помнит слова Токо о том, что у нее ушел час на то, чтобы добраться сюда. Он смотрит на парня, лежащего у лестницы. Раны на коленях не изменились. Но таинственным образом раны на голове и кровь из этих ран исчезла.

- Что... что это за волшебство, Аозаки? – спрашивает Альба дрожащим голосом. Весь шик его прошлых шоу исчез, и все, что у него оставалось для атаки, испарилось перед лицом ее превосходящего знания.

- Ц-ц-ц. Маги не должны просто так говорить это слово. Вспомни: это третий раз, когда я оказываюсь в этом холле. Когда я была тут первый раз, я поставила собственное заклинание. С отложенным таймером, если угодно. Маленький фокус, оставленный на будущее, который я разыграла на сегодняшней вечеринке. Вспомни момент удивления, когда наш малыш Кокуто ткнул тебя ножом.

- Это был фокус? – Альба стонет от сожаления, вспоминая тот миг.

В его памяти пустота, недостает чего-то, что соединяет случившееся перед атакой парня и после нее. Моментальная петля? Иллюзия, которую кукловод поставила заранее, чтобы манипулировать его восприятием? Он смеется от бессилия

- Так я с самого начала играл по твоим правилам, ведьма. Ты должна быть довольна, Аозаки. Хотя я ненавижу признавать это, но я, должно быть, выглядел редким дураком.

- Не вини себя. В конце концов, я сама не думала, что умру. Расслабься. Я пришла не за тем, чтобы отплатить за это действие, но ради кое-чего иного. То, что ты и Кокуто оказались здесь, лишь упрощает дело.

Токо легонько толкает чемодан ногой и заставляет его упасть на пол. По форме он напоминает угрожающе большой куб.

- Если ты здесь не ради мести, то зачем ты пришла сюда? – спрашивает Альба. – Видимо, остановить безумные эксперименты Арайи с Магией?

- Холодно. Почему я должна это делать, если проблема и без меня решится? Нет, Альба. У меня дело только к тебе.

Как будто придя к тому же выводу, Альба кивает. Но, думает он, почему к нему, если Токо говорит, что не желает ему зла и не хочет вмешиваться в эксперимент Арайи? Почему она выглядит такой напряженной и готовой к кровопролитию?

- Почему? Я больше ничего тебе не сделал, – протестует он.

- Да суцая мелочь. Я вообще-то уже почти смирилась с твоей иррациональной ненавистью ко мне. Сказать по правде, мне это даже нравилось еще с Ассоциации. Это было доказательством того, что я всегда была лучше.

- Тогда почему?!

- Все никак не вспомнишь? Причина очень проста: ты назвал меня прозвищем, которое давно перестало быть забавным.

В холле раздается звук открывающегося чемодана, и внутри Альба видит темную массу, которая как-то остается нетронутой светом. И внутри видны две вещи...

- Давай, вспомни эти слова в Ассоциации, – требует Токо. – Вспомни имя «дикая рыжая». Вспомни, как я поклялась уничтожать каждого, кто произнесет его. И как я это делала.

...два фонаря... или два глаза.

Увидев их, Альба наконец понимает. Он запоздало ругает себя за то, что не понял этого раньше. Это коробка для пленения магических фамильяров, только больше. И существо в ней, чем бы оно ни было, выбирается из кажущихся бесконечными глубин коробки с

несравненной скоростью, чтобы схватить Корнелиуса Альбу шипастыми щупальцами. Он чувствует, как тысячи маленьких ртов откусывают и пожирают его по кусочкам, одновременно втягивая его в коробку, пожирая заживо. Когда остаются лишь шея и голова, глаза Альбы и кукловода встречаются в последний раз. Ее глаза смеются. И он наконец осознает, насколько глупо было даже пытаться соперничать с таким монстром. Он вспоминает последние сказанные ему слова Арайи. Возможно, ему стоило ожидать этого. Последние мысли в медленно пожираемом разуме мага.

Глава 17

Томое Эндзе опирается на холодные стены тесного, вызывающего приступ клаустрофобии лифта, который медленно ползет вверх. Он смотрит в пустоту, в то время как его дыхание с каждой секундой становится все более рваным. С тех пор, как он прижѐг культу, чтобы остановить кровотечение, нервы руки не переставали посылать сигналы боли. Зная, что его тело и разум в худшем из возможных состояний, он неспособен ясно мыслить, его разум пуст и затуманен. Ему приходится прилагать серьёзные усилия просто чтобы продолжать нормально дышать.

Он ездил на этом лифте лишь один раз, но даже теперь Томое чувствует, как медленно он двигается, неспешно карабкаясь по шахте и заставляя его терять терпение. Томое неосторожно роняет меч. Удар, который он производит, встретившись с полом, возвращает его к реальности. Он тяжелее, чем казалось, и за тот час, пока он висел у него на плече, рука уже успела онеметь. Не имея второй руки, он не может даже вытащить его из ножен, не говоря уже об эффективном использовании. Так что он достаѐт нож из кармана и крепко сжимает его, думая, что это лучшее оружие для текущей ситуации.

Наконец лифт останавливается. Он добрался до десятого этажа. Когда двери лифта расходятся, Томое выходит в центральный холл. Прямо перед ним – коридор в восточное здание, а позади кабины лифта, невидимый отсюда, находится коридор в западное здание. Томое начинает идти к западному зданию, где потушены огни и лежат настоящие трупы. Он обходит кабину лифта, проходит через коридор и выходит в проход, который описывает окружность вокруг апартаментов Огава. Томое знает, что через несколько минут будет одиннадцать вечера.

Вид внешнего мира был тих и пустынен. Все апартаменты и высотки, окружающие это здание, выглядят почти одинаково. Внизу единичные точки садовой зелени смешиваются со скучно-серым асфальтом. Это похоже не на район многоэтажек, а скорее на кладбище с увеличенными надгробиями.

Хотя его внимание обращено к ночному пейзажу, он определённо чувствует присутствие человека где-то рядом. С глубоким вдохом, взяв себя в руки и сжав нож, он медленно оборачивается в направлении эллиптического коридора, не освещѐнного ничем, кроме слабого голубого лунного света. Там, отделѐнный от него расстоянием в две комнаты, стоит фигура в чёрном плаще. Хотя с таким освещением ее сложно рассмотреть, рост и силуэт человека не оставляют места для сомнений. Срок мучений вырезан на его лице. Маг, Арайя Сорен.

В тот же миг Томое замирает. На момент его дыхание успокаивается, боль уходит, сознание засыпает, и всё замолкает. Он беспомощно стоит и не двигается. Но он рад этому моменту передышки, за который он может удвоить свою волю.

- Арайя!

Хотя он не может ничего сделать и лишѐн свободы действий, Томое говорит уверенно, называя имя своего противника как доказательство их равенства. В этот раз он не дрогнет. Черты Арайи мрачнеют в ответ на эту наглость.

- Почему ты вернулся? – спрашивает маг тяжелым голосом.

Томое не даёт ответа и только смотрит прямо на него, в глаза, которые, кажется, лишены всякого света. Всё, что он может сделать – это не отворачиваться.

-Тебе здесь нет места. Твоя замена подготовлена, и в твоѐм приходе нет необходимости.

«Почему я вернулся?» - думает Томое. «Ну, первый раз потому, что Рѐги привела меня сюда. А сейчас...»

- Спасти Рёги Шики, верно? – издевательски спрашивает Арайя. – Глупец. Не думай, что твоё сердце принадлежит тебе. Если ты ещё не осознал этого, ты всего лишь марионетка. Ты чувствуешь, что не можешь жить, будучи отделённым от этой спирали?

- Что...

- Это правда, что ты сбежал из спирали существования. Томое, который умер, умер в результате действий его семьи. Но это было не для тебя. Ты думал, что убежал. Ты был в отчаянии. Ты даже подумывал о самоубийстве, и так бы и поступил, если бы остался один. Но у тебя была роль в этом представлении. Роль, ради которой ты был создан. Скажи мне, ты знаешь её?

Томое хочет кричать и не слушать ложь Арайи, но не может найти сил для этого и лишь неподвижно стоит. Лицо мага не меняется, глаза всё насмехаются над его бездействием, и он продолжает:

- Это был финальный бросок монеты. И я достиг успеха, поскольку то, как ты исполнил свою роль, превзошло все мои ожидания. Не зная меня, ты привёл Рёги Шики сюда, к её концу. Хотя мои ожидания были минимальны, ты бросил им вызов. И хотя я вознаградил тебя, убрав поводок, похоже, ты всё равно должен был вернуться. Не пойми неправильно – ты не можешь совершить действий, которые я не направляю. Ты жаждал Рёги Шики не по собственной воле. Я добавил лишь одну вещь в твою сущность после первого побега: заманить Рёги Шики и оставить её в неведении.

Не имея возможности возразить словам Арайи, Томое обнаруживает, что ему трудно стоять. Потому что глубоко внутри он знает, что это правда. Как мог такой, как Томое, который никогда раньше не любил, внезапно взять и влюбиться в Рёги? С их первой встречи он чувствовал, что невыразимый импульс направляет его, веля следовать за ней и интересоваться ей.

- Теперь ты понимаешь? – говорит Арайя. – Ты заставил Рёги Шики прийти сюда, но это решения не были твоими. Ты всего лишь собрание воспоминаний одного дня в этой карманной реальности. Ничего до и ничего после. Твоя так называемая воля – это иллюзия, поддерживаемая заблуждениями. Для твоей жизни нет другого места. Ты бессилён, и потому, в отличие от фантазий, которые ты лелеешь в своём сердце, у тебя нет шансов остановить меня.

Сейчас, как и до этого, слова мага покрыты налётом магии.

Его искусственное создание, один день, который он проживал сотни раз, заблуждения о прошлом, на которое он полагался, и будущее, на которое он надеялся – всё рушилось в уме Томое. Его чувства к Шики и к его погибшей семье, его человечность – всё было искусственным. Только начало и конец однодневной драмы, которую он раз за разом проживал, остаются неизменными. И даже им, думает Томое, – даже им нельзя доверять.

- В итоге даже твоя смерть не стоит моего внимания. Исчезни и больше не появляйся, – говорит Арайя глубоким, командным голосом.

Кажется, он теряет интерес к Томое после того, как сказал то, что должен был, и отворачиваясь от парня. Но против откровений, которыми атакует Арайя, Томое выставляет лишь неожиданную улыбку.

- Что за хрень ты несёшь? Мне плевать на всю эту чушь, – говорит Томое, но если он хоть немного задел мага, тот этого не показал.

- Сейчас я понимаю это. Я не хотел признавать, что был слаб, как и ты, но мне нужно принять это. Кроме того, реальность или подделка, в итоге это не важно. Важно то, что идёт после. По крайней мере, я знаю, что я Томое Эндзе. Даже если у меня нет прошлого, достаточно того, что я думаю, что оно у меня есть. Мне это даёт всё, в чём я нуждаюсь.

Он жуёт пустым ртом, обнаруживая, что это помогает концентрироваться.

- Мне правда нравилась Рёги. Плевать на причину. Пока это продолжалось – было весело, хотя я не мог ей ничего дать. И если ты говоришь, что это все было из-за тебя, я должен благодарить тебя, что ли?

Томое щёлкает языком, вспоминая всё о Рёги Шики. Это похоже на другую жизнь. Каждый раз, когда он представляет её, щелканье шестерней и рычагов, поместившее его в эти обстоятельства, словно исчезает. «Этот парень, Микия, был прав», - думает Томое. «Иногда важнее думать о себе». Ему нужно было прийти сюда. Шики – лишь часть причины. Он должен был узнать всё, что было ему открыто этой ночью. Смириться с ценой. Может, найти искупление в том немногом, что он может сделать. «Но я всё равно должен сделать это».

«Прости меня, Рёги. Похоже, я не умру за тебя в итоге. Я рискну жизнью ради себя». Про себя он шепчет извинение, и потом мысли о Рёги Шики покидают его голову.

- Называй меня подделкой сколько угодно, Арайя, – провозглашает Томое.

Выражение лица Арайи, наконец, меняется, пусть и едва заметно - слабо поднимается бровь.

- Ты пойдёшь против своей природы? Это путь глупости и высокомерия. Он не изменит правды о тебе, – презрительно отвечает он.

- Может и так. Но, по крайней мере, моя душа настоящая, – тихо бормочет Томое, слова подхватывает ветер и уносит в ночь.

- Время разговоров давно прошло.

Томое кивает, медленно и решительно, втайне соглашаясь. Маг поднимает руку в знакомом жесте, словно сигнализируя врагу о его надвигающейся смерти. И как только Томое видит это, он сдерживает стук зубов. Он знает, что он будет убит. Но по крайней мере, он вернёт хотя бы часть долга. Это не самоубийство. Это ради его родителей, и ради мёртвых и умирающих в спирали ложного мира, и ради него самого. Томое не хочет умирать. Но есть вещи, ради которых стоит умереть. *Время бежать. Бежать и предстать перед истиной. Бежать так же, как в моей памяти. Бежать как стрелки часов, или меняющиеся времена года. Бежать, чтобы я не оставался в том же месте каждый раз. Будь то сон, который не существует на самом деле, он даёт мне решимость, которая для меня вполне реальна.*

- Арайя, я убью тебя.

Сжав нож изо всех сил, Томое Эндзе срывается с места.

Он целится лишь в одно место: сердце Арайи Сорена. Он видел, как Шики ударила туда же, и думает, что повторив это, сможет убить мага. Так что Томое бежит, пытаясь пролететь те шесть метров, которые Шики однажды покрыла за две или три секунды. Он отталкивается от пола с взрывом силы, вспоминая спринты, которые он повторял раз за разом на стадионе в школе. Он ещё покажет своё лучшее время.

В пространстве вокруг Арайи, формируется круговой периметр – все так же, как и в бою с Шики. Однако, в отличие от трёхслойного поля, которое он тогда использовал, Арайя вызывает только одно, видимо, чтобы унижить Томое. Конкретно это поле распространяется всего на метр от мага. Томое не знает, как обойти его, так что он вступает прямо в барьер. Со скованным рывком его тело замирает на месте. Сила, которая ещё секунду назад наполняла ноги Томое, исчезает вмиг. Он неподвижен, неспособен хоть что-то сделать.

Хмурясь, Арайя делает ленивый шаг вперёд, внушая Томое тяжесть ситуации. Его протянутая рука медленно хватает голову Томое. «Бесполезно, да?» - думает Томое, закрывая глаза. Но он отказывается сдаваться.

- Моя семья не заслужила такой смерти. Они не были настолько плохи, чтобы заслужить насильственную смерть! – кричит он, сражаясь с невидимыми цепями изо всех сил, и не

волнуясь о том, что его ноги могут сломаться пополам. Главное – не умереть вот так. «Я не никчем».

- Я существовал! Я жил! – кричит Томое, вливая последние силы в побег.

Он слышит треск, затем резкий рывок, и потом вспышка боли от отрываемой ноги. Он начинает падать, но превращает этот момент в последнюю атаку. Пройдя под рукой Арайи, он направляет руку с ножом в незащищенную грудь мага, сталь сияет и, кажется, оставляет серебряный след в воздухе. Парень попадает в цель. Но это единственное, что происходит.

- Глупец, – говорит Арайя голосом, в котором слышится сожаление.

Он отводит руку назад, чтобы ещё раз схватить голову Томое, равнодушный к удару в грудь. В этот раз захват очень крепкий, почти разрушительный.

- Ты не Рёги Шики и у тебя нет её Глаз. Ты не осознаёшь, что знания о смерти недостаточно, потому что есть ценность и в зрении. Ты не можешь реализовать мою энтропию, не видя этого.

Теперь мышцы мага начинают сжимать голову парня. Рука Томое, державшая нож, вынуждена убрать его из груди врага. Он легко выскользывает и падает на пол с лязгом, а рука, которая несколько секунд назад крепко держала его, безвольно опускается.

- Ты никогда не знал, почему был выбран, – сурово рассказывает Арайя.

Томое не достаивает его и каплей внимания. Рука, кажется, забирает у него последнюю волю к жизни.

- В последние секунды ты заработал это знание, так что слушай внимательно. Все вещи имеют импульс, который направляет и формирует их существование. Первичный импульс, хранимый и обрабатываемый в Записях Акаши, что мы, маги, называем «исток». Я знал, что ты убьёшь свою мать и впадёшь в отчаяние, потому что твой исток мне известен.

И снова Томое не отвечает. Арайя поднимает тело Томое за голову, и голосом, промораживающим до костей, говорит:

- Знай же: ты не был способен ни на что. Потому что твоим истоком была «никчёмность».

В то же мгновение, какая-то магическая сила, словно приказ, проходит через руки Арайи. Эта сила входит в тело Томое Эндзе, и он начинает окончательно исчезать из этого мира, обращаясь в ничто.

После разрушения Томое Эндзе, маг Арайя Сорен неподвижно стоит в коридоре десятого этажа. Он знает, что время не за горами. Он приготовил тело, которое использует в своих целях, и его душа готова перенестись, оставив эту ущербную плоть. В отличие от кукловода, которую он однажды знал, его душа не перенесётся в какой-то подобный сосуд. Он в таковом не нуждается, поскольку он никогда не ведал смерти. Он знал гниение и разложение, но его душа толкает его вперёд к великой цели, и так он выживает. И в конце он одинок. Это тело будет медиумом вознесения или смерти, ибо нет другого пути. Посему его предельное внимание к осторожности может быть прощено.

Ещё немного, и он покинет этот ложный материальный мир, душа перенесётся в сосуд девушки, соединённой со спиралью Истока, откуда он сможет управлять реальностью. Внизу как вверх. Процесс уже начался. Но прежде чем это случится, осталась ещё одна проблема, которую нужно решить.

- Так ты пал, Альба, – ворчит Арайя безжизненным голосом.

Поначалу он стоит в неосвещённом коридоре, но одной мыслью он заставляет себя провалиться сквозь пол, словно ныряя в глубокое море, и, кажется, отходит ко сну.

Пока тело Арайи остаётся на десятом этаже, его сознание путешествует вниз. Без формы или тела, он наблюдает за происходящим в холле восточного крыла, на первом этаже.

Помимо мага Аозаки Токо, там лежит парень по имени Микия Кокуто. Токо обрабатывает

раны лежащего парня, но Корнелиуса Альбы нигде не видно. Как и следовало ожидать. Он готовится вернуться в своё тело, но что-то его удерживает.

- Куда ты собрался, Арайя? Подглядывать – дурной тон, – говорит Токо, щелкая языком. Она оборачивается через плечо так, словно видит Арайю, хотя он лишён формы. Она у подножия лестницы, в то время как он наблюдает сверху. Как и ранее, они стоят друг против друга.

Хм. Так у тебя и вправду была вторая кукла, как я и думал. Значит ли это, что та ты была просто подделкой?

Голос Арайи раздаётся эхом по холлу. Но нет ни звука. Только Токо может слышать раскатистый голос. Услышав вопрос, она вздыхает.

- Сначала Альба, теперь ты. Вы оба так любите придирается к мелочам. Всегда спрашиваете «в чём разница между тогда и теперь», и никогда ничего не говорите по делу. Интересно, как долго ты планируешь задавать вопросы.

- Склонность твоего рта сыпать оскорблениями осталась неизменной. Так ты сразишься со мной ещё раз?

- Нет, спасибо. У меня нет шансов на победу в этом здании, – честно отвечает Токо, отворачиваясь от присутствия мага, решая, что забота о лежащем без сознания Микии важнее беседы с Арайей.

Она достаёт из-под плаща бинт и начинает оборачивать его вокруг ран на коленях парня.

Это твоё решение? Фамильяр, находящийся в этой коробке, может победить меня.

- Я скромно откажусь. Если я выпущу этого фамильяра на свободу, он может поглотить всё здание. Ассоциация заметит это, и на такое они точно не закроют глаза. После всех проблем, через которые я прошла, я бы не хотела, чтобы это всё пошло насмарку.

Токо не оборачивается.

- Я проиграла, когда умерла. Я принимаю это. Получишь ли ты тело Шики и своё заклинание или нет, мне не важно. Если и был кто-то, кто мог тебя остановить, это точно была не я.

Ты все ещё безнадежно полагаешься на Контр-силу? Даже сейчас? Я уже говорил тебе, она не вступит в игру.

Токо качает головой с жалостью, а не с отрицанием.

- Может и так. Может, в этот раз ты на самом деле победил. Я не знаю, что ты будешь делать, достигнув Спирали Истока. Нам говорили, что маги, достигшие реальностей выше этой, там и оставались, не возвращаясь в материальный мир, оставшийся внизу, сбрасывая воспоминания, как отсохшую кожу. Но ты воображаешь себя иным. Ты изменишь реальность, бросишь свою тень на эту сторону. Внизу как вверх. Ты думаешь, что ненавидишь человечество настолько, что хочешь спасти его. Если это так, ты сотрёшь себя сразу после вознесения. Но на самом деле ты не ненавидишь человечество, Арайя. Ты только любишь понятие Платонического человека, которое, по-твоему, укрыл в себе. Это потому ты не можешь простить мир страданий, который видишь. Твое желание спасти их просто смешно. Ты хочешь спасти заблуждающегося себя.

Арайя отвечает не сразу. В этот момент все общие цели, которые, по их мнению, их связывали и к которым, по мнению Арайи, он мог апеллировать, по-настоящему разорваны. Когда он говорит, он говорит голосом, полным скорби.

Тогда нам не о чем говорить. Ибо я вижу только один путь к спасению. Прощая, Аозаки. Я не могу оставить доказательств моего прибытия в Спираль Истока. Только утешай себя знанием того, что ты была тем, кто пытался остановить меня, и найди в этом значение.

Сознание мага собирается покинуть холл и чувства Токо Аозаки. Всё ещё не оборачиваясь, она внезапно спрашивает:

- Постой, Арайя. У меня есть один вопрос. Ты сделал копию Тайджиту, чтобы содержать Тайджиту, верно?

Конечно. Я создал эту карманную реальность именно для того, чтобы не дать Рёги Шики сбежать. Всё остальное является лишь дополнением к этой цели.

Хотя Арайя отвечает с абсолютным спокойствием, Токо начинает хихикать, сперва пытаясь изо всех сил сдерживать себя. Не сумев успокоиться, женщина-маг начинает смеяться в голос, с издёвкой, смехом несдержанным и даже в чём-то шокирующим.

- Ага, это здание – одна большая куча магии, верно? Закрытая реальность, чтобы спрятать Шики и твой эксперимент от Ассоциации, от меня, от консенсуса. Тюрьма! Тюрьма, чтобы не дать Контр-силе начать действовать. В теории все верно, Арайя. Но какая жалость! Ты совершил фатальную ошибку.

Арайя не может понять смысл сказанного Токо. *Я не допускал ошибок.* В его голосе не слышно сомнения, только уверенность. Между приступами смеха Токо пытается пояснить:

- Да. Воистину. Идеально наложенные, по меркам любого мага, заклинания. Но вспомни, Арайя. Что, если твоё допущение было ошибочным? Ты изолировал Шики не в комнате в этом здании, но внутри самого здания, да? Заклинание на грани волшебства, которое отрезает её от обычного мира, запирая её в лемнисковое пространство, из которого невозможно сбежать. Тюрьма, которая выдержит применение любого оружия. Это прекрасно созданный шаблон для такого знатока таинств барьеров, как ты. Ты думаешь, что поймал её, и твоё внимание ослабевает. Но видишь ли, Арайя, это не защита против неё. Мы, маги, можем быть тем, что вызывает отвращение реальности, парадокс на шаблоне мира, но Шики – жнец для таких необычных существ, как мы. Даже сейчас она работает против тебя.

Её слова беспокоят наблюдающего мага, и он чувствует, как его разум замирает. Определённо, талант Шики лежит не в убийстве физических вещей. Многие оружия, которые создало человечество, подошли бы для этого лучше. Это её способность обращать энтропию на любые вещи, даже те, которые не знают концепта жизни такой, как знаем её мы, концепты и мысли без тела, обращая всё в абсолютную пустоту.

Та, что несёт энтропию всему. Это её способность. Она заключена в бесконечном небытии. Арайя думал, что, не имея формы, это место предотвратит попытки освободить её физически. Но Мистические глаза, которыми обладает Рёги Шики, дают ей силу и против бесформенного. И Арайя осознаёт это слишком поздно.

- Теперь ты понял, Арайя? Может, лучше бы ты запер её в бетонной клетке. Материя, наделённая формой, держится дольше, когда она направляет на неё энтропию, и потому она использует оружие. Но вряд ли даже материальная тюрьма надолго сдержала бы её. Но твоя клетка не столь прочна. Ты отнёсся к ней как к магу, но теперь твоя ошибка дорого тебе обойдётся, потому что сейчас она рвёт её зубами и ногтями также легко, как мясо. И скоро ты станешь свидетелем её побега!

С последними словами, Токо, наконец, оборачивается к Арайе. Но прежде, чем он может понять, что говорят ему глаза женщины, его сознание тает и притягивается к его телу.

Пока Арайю втягивает в тело, он чувствует раскаты неправильности. Он чувствует незнакомый холод, от него немеют кончики пальцев. Пот на лбу словно издевается над холодом, бегущим по телу, и даже внутренности полностью остановились, предупреждая его о грозящей опасности.

«Оно было разорвано», - думает он, не веря своим мыслям. Но ему придётся столкнуться с правдой. Ибо он чувствует, что где-то в здании *что-то* только что вырвалось на свободу. Закрытое пространство, которое он создал, теперь разрушено одним точным ударом.

Хотя воля Арайи контролирует его тело, она также имеет симпатическую связь со всеми почти живыми элементами здания. Каркас – его плоть, проводка – его нервы, трубы – его вены и артерии. И боль от их разреза отражается в тело владельца, боль настолько сильная, что даже Арайя не может её игнорировать. И потому он теряет концентрацию, прерывает заклятие видения на первом этаже и возвращается в тело, словно выдернутый чьей-то рукой.

- Что происходит? – ворчит он, вытирая пот с бровей.

Холодок бегаёт по спине. Маленькие паучки, бегающие вверх и вниз крошечными лапками. Это предвестник тошнотворного чувства, которого он не чувствовал многие годы.

- Стань неподвижен, Арайя Сорен, – ругает он себя за минутную слабость.

Но феномен не останавливается. Таинственная сила, которую он ещё недавно направлял через своё тело, потускнела, и Арайя не может изменить нити реальности, как делают маги.

Он чувствует, как приближается обретшая форму смерть.

Неожиданно раздаётся низкий рокочущий звук. Он раздаётся из холла. Это знакомый звук работающего лифта, несущего что-то на десятый этаж. Спустя мгновение, звук прекращается и возвращается тишина, снова разрываемая звуком открытия дверей лифта. Сухой, тихий, повторяющийся звук. По мраморному полу раздаются шаги, по мере приближения их размеренные щелчки становятся все громче.

Не тратя времени, Арайя направляется назад в холл. И там, хотя ему сложно поверить своим глазам, он видит ту, кто только что вышел из лифта. Она предстаёт перед ним, свет из холла позади превращает фигуру в силуэт, но белое кимоно и кожаную куртку, которая явно к нему не подходит, трудно не узнать. Маг видит вороньи волосы, выглядящие мокрыми и неухоженными, как будто владелица только что пробудилась от долгого сна в озере. И обычно чёрные, пустые глаза теперь пылают синим цветом Таинства. В одной руке она держит рукоять меча, медленно, с любовью вытаскиваемого из ножен. Даже в давящей тьме ночи клинок сияет. Достав меч, она лениво взмахивает им и оставляет его покоиться у её бока, в то время как сама идёт вперёд, скользя, словно солдат по кровавому полю битвы.

Вернувшаяся Рёги Шики несёт спокойствие, предвещающее смерть всему вокруг.

Глава 18

Шики останавливается сразу за выходом из коридора. Меч опущен к полу, сама она смотрит на мага в черном издалека, отделенная от него расстоянием примерно в десять метров.

- Я не понимаю. Как ты уничтожила мой барьер, Шики Реги? – спрашивает Арайя, его лицо искажено гримасой боли. Это вопрос, который он мысленно задавал уже много раз. И хотя он подозревает, что знает ответ, он все равно спрашивает так, чтобы его тяжесть стала более реальной.

Девушка перед ним - та же девушка, которую он прошлой ночью отправил в бессознательное состояние, сломав несколько ребер. В замкнутом пространстве, находящимся меж стен здания, она пробудилась и разрушила барьер с помощью рук, создав ими свое собственное волшебство.

“ ” противоположно бесконечности. Концепт бесконечности переплетен с концептом конечного существования. Это и есть то конечное существование, конец всего, который Реги Шики наблюдает Мистическими Глазами, и тот же конец, разрезав который, она заставляет энтропию работать быстро, почти мгновенно. Тюрьма, в которой она содержалась, была бесконечным, непостижимым неевклидовым пространством. Но нет настоящей бесконечности. Только концы, к которым приводят и мистические, и механические процессы. Единственное отрицание конца, которое существует, это истинное ничто - “ ”. Для этой девушки пространство было не больше чем комнатой, дверь которой была не заперта и не охранялась. Арайе стыдно признавать этот факт.

- Кто-то должен был сообщить тебе, – возражает он. – Я нанес тебе слишком серьезную травму, ты не могла так быстро исцелиться. Почему твое тело все еще двигается? Почему ты пробудилась? Почему ты не осталась во сне еще на несколько бесценных минут? – голос Арайи груб, единственный знак злобы, который он показывает. Барьер не имел значения, думает он, но если бы она полежала мирно еще несколько минут, все было бы решено.

«Она вернулась к жизни сама или кто-то разбудил ее?» Вопрос в голове Арайи звенит снова и снова. «Кто-то разбудил ее, сообщил ей, что она заключена и рассказал секрет освобождения? Проклятая Магия Аозаки Токо? Нет, у нее не было времени, ей пришлось сражаться со мной в первый раз, и с Альбой во второй.» Он погружен в мысли, перебирая вероятности. Он смотрит на ладонь руки, той самой руки, которая стерла Томое Эндзе всего лишь несколько минут назад. Возможно, самых решающих минут, которые он когда-либо проживал.

- Это был Томое Эндзе? – высказывает догадку Арайя, выплевывая имя так, словно это могущественное проклятие.

Шики только качает головой.

- Нет, Эндзе не имеет отношения к моему пробуждению. Никто не имеет. Я сама проснулась. Эндзе не нужно было даже приходить сюда, – тихо говорит она. Ветер гуляет по коридору за спиной Арайи, теребя его плащ и заставляя колыхаться волосы Реги.

- Но надо отдать ему должное, он – причина твоего провала.

Когда Шики говорит это, глаза Арайи сужаются от любопытства, в то время как он обдумывает ее слова. Допустив, что что-то может остановить его, он решил, что это будет Шики или Токо Аозаки. Но никак не марионетка, которую он сам дергал за ниточки.

- Невозможно, – заявляет Арайя. – Он не мог ничего сделать. Он хорошо отыграл свою роль марионетки, приведя тебя сюда.

- Верно, он никогда не имел реальных шансов. Но, может, забудешь об этом «он всегда был марионеткой»? Ты выглядишь так, будто вообще не хочешь признавать реальность, раз продолжаешь верить в такое.

Арайя не может ответить, потому что знает, что это правда. Когда Томое Эндзе сбежал из созданного им цикла, Арайя подумал, что его можно использовать. Он включил парня в свой план. Но его побег сам по себе никогда не был частью исходного плана. Разве это действие не идет против всего, что Арайя говорил? И это ускользнуло от мага, но позволило повлиять на план, который он так долго вынашивал.

- Ты заметил эту маленькую занозу в плане и решил использовать ее, – говорит Шики. – Но маленькая ошибка делает в нем кучу дыр. Он тот, кто притащил меня сюда, верно? И угадай, кто сейчас портит твою вечеринку? Просто его побег был уже весьма значимым. Она делает шаг вперед, лениво, почти что пьяно, и это выводит мага в черном из равновесия, чтобы он засомневался, поднимать ему руку или нет, как он обычно сделал бы.

Арайя чувствует в ней что-то неправильное, что-то иное. Он понятия не имеет, откуда она узнала о разрушении Томое Эндзе, и может только гадать. Эмоция, исходящая от нее... ненависть? «Пустяковое различие», - заключает Арайя. «Простая смена мыслей не изменит разницу между нашими возможностями». И, тем не менее, Арайя ничего не может поделать с тем, что он видит ее как совершенно другое существо.

Шики продолжает ее тягучее продвижение. Она даже не выглядит готовой к бою. Она снова говорит:

- Честно говоря, мне плевать на тебя. Но ты не так давно устроил мне нелегкое испытание. И я думаю, что должна вернуть должок. Так что ты умрешь здесь, этой ночью.

Она сонно смотрит на мага, ее глаза не так остры.

- Но знаешь что? Это первый раз, когда меня не возбуждает мысль об убийстве. Хотя я понимаю, что исход этого боя будет висеть на волоске до конца, я даже смеяться не могу.

Меч в руках Шики щелкает, когда ее расслабленный хват меняется на более жесткий, более уверенный. Медленно продвигаясь, она продолжает смотреть вперед, а меч покоится рядом, рукоять на уровне талии, а клинок указывает вниз. Это наконец заставляет мага поднять руку, создавая три круговых линии, традиционно окружающих его по периметру.

- Очень хорошо. Если это то, что ты хочешь, – Арайя говорит, готовясь к бою. – Твоя смерть лишь слегка задержит меня в глобальной схеме. С самого начала не стоило надеяться взять тебя живой. Я найду способ воскресить тебя и перенести свою душу. Хотя это тело может умереть, это незначительная цена за возможность достигнуть спирали Истока.

Шики не отвечает. Но вместо этого останавливается, увидев круговой периметр. Дистанция между ними несколько сократилась. Внешний круг Арайи имеет радиус около четырех метров. Шики останавливается за два метра до границы. В мгновение маг чувствует, как жажда крови Шики меняется от холода зимы до летней жары, чувствует, как она окутывает коридор и заставляет встать волосы дыбом. Но даже почувствовав это пугающее изменение, даже зная возраст, качество и уровень меча в ее руках, он уверен в поражении Шики. Ее мастерство меча ничего не решит.

Но Шики чувствует что-то иное. Если маг больше не думает о взятии ее живой, то он не позволил бы ей приблизиться. Нет, он бы убил ее издалека. Арайя все еще надеется, что захватит ее живое тело, и это та маленькая деталь, думает Шики, дает ей преимущество. Остановившись перед барьерами, которые создал Арайя, Шики готовится. Вторая рука также хватает рукоять меча. Спина слегка опускается, вместе с центром масс, сжимаясь как пружина, готовая распрямиться. Все следы лени, еще недавно владевшей ею, исчезли.

Она поднимает острое меча, направляя его в горло врага. Самая базовая стойка в любой дисциплине фехтования.

Стоя напротив мага, она закрывает глаза и кивает.

- Теперь я знаю, – мягко говорит она. – Я не хочу тебя убивать. Я просто не могу выносить мысль о твоём существовании.

Ее последние мысли для убийцы Томое.

Аромат убийства наполняет воздух, и Шики, и Арайя чувствуют его, позволяя ему пройти сквозь них в одно сладкое мгновение. А в следующее мгновение дан невидимый сигнал к началу битвы, и дуэль начинается.

Вспышка, глаза Шики открываются.

Арайя направляет ману в его вытянутую руку, его мотивацией в этот раз служит не уверенность, которая переполняла его в предыдущих драках, а редкая, почти чужая эмоция, которая крепко держит его с того момента, как он увидел Шики, идущую по холлу: эмоция ужаса. Поэтому он понимает, что должен убить ее здесь и сейчас.

- *Шуку!* – рычит он со злобой, сжимая руку в кулак, определяя пространство вокруг Шики, которое он раздавит.

Задержка между формулой и проявлением заклинания так мала, что ее можно считать несуществующей, и одного произнесения должно быть достаточно, чтобы избавиться от девушки.

Но Шики ожидала его заклинание. В мгновение ока меч взлетает высоко над головой. С той же быстротой она опускает его вниз в яростном ударе. Заклинание проявляется лишь на миг, после чего Шики убивает его также, как звон клинка, разрубающего воздух, полностью глушит громовой голос Арайи.

Маг пытается повторить заклинание. Ему нужно только снова открыть ладонь и потом сжать ее. Но он слишком медлителен, чтобы среагировать. Он еще не начал говорить, даже не подумал о наложении заклинания, а Шики уже срывается с места. Она отводит меч в сторону на уровне талии – боковая стойка, позволяющая производить широкие взмахи – и бежит к цели. Перед боем Арайя считал потерю одного поля допустимой, думая забрать Шики со вторым. Но сейчас ее ослепительное наступление уничтожает два поля в быстрой последовательности атак; два шага и два взмаха, грациозно нанесенных с обеих сторон. И она все еще наступает. Она только что сократила шестиметровое расстояние до нуля. Еще один шаг, еще один вдох, совпадающий с еще одним ударом, чтобы закончить игру.

Меч приближается к Арайе справа, и он видит диагональное движение клинка. Ее скорость заставляет рассматривать время дискретно, а не непрерывно. Атака похожа на предыдущие две, и знание этого позволяет Арайе увернуться, отпрыгнув назад в коридор, увеличивая дистанцию между ними. Краткая пауза, в которую маг изучает своего оппонента взглядом.

С губ Шики на подбородок стекает одна струйка крови. Но Арайя знает, что она еще ни разу не получила удара. Значит, это вчерашние раны. Сломанные ребра, повреждения внутренних органов. Все еще в хрупком лечащемся состоянии они должны были открыться заново, и теперь даже ходьба выталкивает кровь из ее горла. Она явно травмирована, и, тем не менее, танцует с такой целеустремленностью. Арайя позволяет правой руке покоиться рядом с боком.

До тех пор, пока не осознает, что у него нет руки. От плеча до груди, виден четкий след разреза, а на полу лежит отрезанная рука. Его манипуляции с пространством позволили ему отступить быстрее, чем это смог бы сделать любой другой человек, и все же Шики смогла нанести удар настолько идеальный, что даже владелец руки не заметил ранения.

- Что за существо...

Арайя оставляет вопрос неоконченным. Игнорируя рану, он фокусируется на противнике. Удар мог стать смертельным. Если бы не было третьего барьера, удар рассек бы его пополам. Но он замедлил атаку Шики настолько, что маг смог спастись. Но вместе с тем Арайя очарован полным отличием Шики от себя вчерашней. «Это злость на то, что я сделал с Эндзе? Нет, точно нет». Он щурится, глядя на девушку в белом кимоно.

Неожиданно она выпрямляется и убирает одну руку с рукояти, расслабляясь, превращаясь в девушку из прошлой ночи. Свободная рука прижимается ко рту и она дважды кашляет. С руки капает выплюнутая кровь. «Если бы ей не приходилось сражаться с такими серьезными травмами, - рассуждает Арайя, - она бы не давала мне передохнуть».

- Ты меняешься, когда меняешь оружие, которое держишь, – изумленно заключает маг в черном.

Это причина, по которой она кажется настолько иной. Ее обширный навык в фехтовании меняет ее, вводя практически в состояние транса. Ее разум разделяется также, предполагает Арайя, как у воинов прошлого, тренирующих сознание, чтобы превратить свои тела в оружие. Бой был убийством и выживанием, снаружи это было нормой.

- Хм. Форма самогипноза вроде той, которой пользуются маги во время колдовства, – бормочет он, стараясь сдержать в голосе идущую от правой руки боль.

Шики пожимает плечами

- Называй это как хочешь.

Арайя проклиная себя за то, что не заметил неожиданную перемену в ее поведении. «Стоит ей открыть глаза – как это и случается. Подумать только, династия Реги все еще обучает таким грубым дисциплинам». Он знал и то, что Шики покрыла расстояние одним шагом не случайно. Ее движение, танец ее меча, внимание - все сфокусировано и работает над тем, чтобы превратить ее в смертоносное живое оружие, и она была единственной, кто знал об этом. Маг думал, что ее инструментами являются только Мистические Глаза Восприятия Смерти и нож, но на деле навык фехтования был намного серьезнее.

- Ты обманула меня, Реги Шики. Я думал, ты показала все, на что способна, когда танцевала с Асагами Фуджино. Но я вижу, у тебя остался последний козырь в рукаве.

Шики медленно качает головой. Подтверждение это или пренебрежительное отрицание, Арайя понять не может.

- И вот мы, наконец, встретились, – кричит он, зажимая открытую рану на своей бывшей правой руке.

Девушка в белом кимоно улыбается, первая по-настоящему ласковая улыбка, которую она показала. Улыбка, означающая конец. Возвращаясь в исходное жесткое положение, она бежит к Арайе, словно выпущенная стрела. Он знает, что Шики может читать его, знает, что ожидать, поэтому он не сможет уклониться от следующего удара. Но он не позволит ей так легко наращивать преимущество, только не в его мастерской. Он использует свой шанс, пытаясь встретить атаку Шики. Делает шаг вперед и кричит:

- *Дакау!*

Одновременно Арайя поднимает левую руку, пытаясь заблокировать атаку Шики. Он надеется, что сарира – священные останки набожных мастеров, заключенные внутри - отведут большую часть урона. Даже ей будет нелегко увидеть линии энтропии. Меч Шики сталкивается с его рукой, и в мгновение ока Арайя видит, что удар был заблокирован.

Осознав это, он не теряет времени даром. Маг оживляет отрезанную руку импровизированным заклинанием, заставляя ее полететь к Шики с неестественной скоростью. Она скользит по полу до тех пор, пока не приближается к Шики, подпрыгивает и хватает ее за горло, сжимаясь и удушая ее.

Шики теряет бдительность из-за такой неожиданной атаки, и Арайя пытается перехватить инициативу. Он отступает на шаг, чтобы отвести левую руку, которая блокировала

предыдущую атаку Шики, и вытягивает ее снова с открытой ладонью прямо перед девушкой.

- *Шуку!* – он сжимает кулак, сужая пространство вокруг еще раз.

Шики чувствует, как ее тело ломается от сокрушительной силы, идущей со всех сторон сразу, и слышимый стон боли наконец-то слетает с ее губ. Кожаная куртка разорвана, и ее сносит с места, где она стояла. Арайя манипулировал пространством, сжимая его до размера намного меньшего, чем казалось.

Сначала Шики выглядит так, словно она вот-вот рухнет на пол, но все же сохраняет равновесие. Она быстро повторяет атаку, коридор направляет ее по единственному пути прямо к Арайе, снова и снова. На миг девушка исчезает из поля зрения Арайи, но она лишь пригнулась и быстро подбежала к нему быстрее, чем он смог среагировать. Движение меча смазывается, и он моментально ударяет Арайю.

Маг чувствует, как накопленная жизнь утекает за мгновения.

- Дура! – кричит Арайя, пытаясь ударить Шики в живот, чтобы отогнать ее. Это движение легко прочитать, так что Шики умело уклоняется прыжком в сторону, но клинок соскальзывает с траектории.

Арайя понимает. Если *я хочу остановить ее, здание должно последовать за ней!* Маг открывает левую ладонь, чтобы сжать пространство в третий раз. Выиграв дистанцию прыжком, Шики легко видит готовящееся заклинание. Быстрый, но жестокий удар предотвращает его проявление. Но после удара она замирает.

Арайя полностью исчез, вместе с черным плащом.

«Я ничего не могу поделать с магией, которую он использует для перемещения», - думает Шики. «Если он хочет бежать, я позволю ему сбежать». Она подбегает к краю прохода, откуда открывается вид на округу, и кладет руку на ограждение, опуская глаза, чтобы найти свою цель.

«Но в этот раз он никуда не денется». Без капли сомнения, Шики прыгает вниз.

Вдали от Шики Арайя начинает крушить само здание. Это может повредить ее тело, то самое тело, которое он планировал использовать, но если маг сможет восстановить его так, что оно будет хоть немного напоминать человеческое, то пусть будет проклята его форма. Даже если раздробить череп и раскидать по округе серое вещество, его можно заменить. Он просто хочет, чтобы тело не умерло окончательно, пока он работает над ним, так что он сможет высосать из нее душу, соединенную с спиралью истока.

Потеря руки и удар в грудь ничто по сравнению с его абсолютной целью, арс магна, к которой он стремился все эти годы. Если он достигнет спирали Истока, где все начинается и заканчивается, ничто не важно. Его цели не изменились, их лишь нужно отложить.

«Кажется, это единственный способ предотвратить ничью между нами», - думает Арайя. «Если бы я убил ее сразу, этим бы все не закончилось. Но случилось то, что случилось, и я должен закрыть книгу ее жизни.»

Закончив творение магии и переместив себя через пространство, Арайя помещает себя в сад вне здания, что, по его мнению, подобно выходу из собственного тела. Он часто видел зелень, окружающую здание, но давно не ступал на нее. Хоть это и часть земель апартаментов, доминирующая воля субъективной реальности, усиливавшаяся внутри, здесь почти не ощущается. После того, как он заканчивает перемещение, он не тратит времени зря. Он смотрит вверх и поднимает оставшуюся руку к небу, к вершине цилиндрической структуры, и открывает ладонь.

И в следующий миг ужасающий удар проходит прямо через его левое плечо.

- Шики... Реги... - выдавливает он, глядя в ночное небо. – Проклятая... дура.

Он кашляет, и кровь вылетает из его рта. Не имея шансов приземлиться на него или Шики, капли крови уносятся ветром всего на несколько метров, но теперь это расстояние, которое он не может преодолеть.

- Все это... невозможно.

Арайя появился на земле вне здания, посмотрел вверх, чтобы начать свое заклинание, и встретил взглядом падающую с десятого этажа Шики Реги. Это значит, что задержка между его заклинанием и бездумным прыжком девушки с последнего этажа здания была минимальна. Он так и не узнает, какая уверенность вела ее в тот момент. Откуда Шики могла знать, что он появится на земле снаружи? И даже зная это, кто вообще додумается прыгать и понадеется, что сможет приземлиться невредимым? Целиться и ударить одиноко стоящего человека с высоты неконтролируемого падения – действие за гранью безрассудства и находится рядом с чудесным предвидением будущего. Как будто она *знала*.

И все же она сделала это. До того, как Арайя закончил заклинание, еще до того, как он появился в саду, она уже прыгнула ему навстречу. И почти в то же время, как он появился, его поразил удар Шики. Рука, протянутая вверх, стала импровизированным щитом, но его было недостаточно, чтобы предотвратить удар в левое плечо, прошедший до живота. Даже магический щит, который даровала ему *сарира* в руке, оказался недостаточным, чтобы остановить грубую силу удара.

Что касается Шики, она без сознания и неподвижна, стоит, опираясь на клинок в теле Арайи. Иронично. Все барьеры, которые выставил Арайя – рука, защита *сарир*, и последнее поле, созданное в последнее мгновение – Шики пробилась через все это, и они послужили только смягчению ее падения. Без них падение было бы смертельным в худшем случае или ухудшило бы внутренние повреждения и убило ее со временем в лучшем. Еще одно чудо.

Ее хватка на мече крепка, словно трупное окоченение. Арайя хмурит бровь и так страдальческого лица, глядя на бессознательную Шики.

- Ты была готова поставить все на один шанс убить меня. Пусть и по-другому, ты бы все равно это сделала. Ты могла убить меня. Возможно, ты вообще не рисковала.

Поверженный таким неопитом, Арайя Сорен выглядит просто жалко.

В этот раз его слова звучат без притянутого позерства.

Левая рука Арайи отсечена, а правой давно нет. Маг, еще держась на ногах, толкает Шики в сторону, ударяя ее в грудь. Ее тело отлетает на несколько метров. Но Шики продолжает держаться за рукоять меча, хотя он все еще торчит из тела мага. Так что меч, также ослабленный падением, ломается надвое: половина остается торчать в теле Арайи, а другая половина достается Шики. Так заканчивается его четырехсотлетняя история.

Шики, лежащая на земле, не двигается. Глядя на нее с неудовольствием, он ворчит:

- Лежишь, наконец, похожая на девчонку твоего возраста.

Маг тоже неподвижен, его лицо темнеет. Последние силы он потратил на то, чтобы отпихнуть Шики в сторону, и теперь не может ничего сделать. Он чувствует, что удар повредил не только тело: одна из линий смерти, должно быть, была перерезана.

- Глядя на тебя, я знаю, что мы больше никогда не сразимся.

Маг развеивает барьер, который и так быстро истлевает, и шепчет словно молитву:

- Мой исток известен мне. Это неподвижность. Те, чей исток пробужден, вскоре возвращаются в спираль.

Глава 19

Только лунный свет кажется живым на зеленой поддельной лужайке. Здесь лежит бессознательная Шики, а на приличном расстоянии стоит маг в черном, потерявший обе руки. Из тени дерева выходит другой маг, идущая собранно, словно возвращаясь домой после прогулки.

- Так это тоже заканчивается провалом, Арайя, – говорит Токо.

Арайя не отвечает.

- Не в лучшей форме ты оказался. Начиная хроники смерти, создал свой искаженный мир, нес вес мучений, которые испытывали все люди в нем. И ради чего? Почему ты настолько одержим? Почему ты столь самоотверженно ищешь спираль Истока? Ты мечтаешь, как когда-то, о спасении человечества?

В ее голосе слышна жалость, почти печаль.

Пауза. Такт. После этого:

- Причина давно потеряна в памяти.

Он уходит в себя, чтобы вспомнить.

В давно забытое время он осознал, что не может никого спасти. Покуда есть жизнь, не будет истинной справедливости. Радость не будет чувствоваться всеми людьми. А как же люди, которые не могут найти спасения? Неужели для них нет ответа? Кость, брошенная Богом, не принесла справедливости всем людям, и, осознав это, он понял, что спасение не придет само в этот мир.

И так он решил записывать смерть. Сделать запись каждой из них до самого конца, пока не исчезнет материальный мир. Так он сможет просеивать ее сквозь образцы и выделить настоящее счастье. Если бы он мог увидеть потоки, текущие в бесконечность, наблюдать всех тех, чьим жизням недоставало справедливости и избавления, возможно, он смог бы достичь чего-то, что можно назвать истинной радостью. Возможно, он мог бы подарить бессмысленным смертям смысл. Если мир и все в нем достигнет своего конца, он смог бы узреть истинную цену человечества. И даже в простоте этого наблюдения была своя ценность. Это было единственное общее спасение, которое он мог найти для себя и людей.

С царапающим звуком Токо зажигает сигарету, и сон Арайи разбивается.

- Потеряна в памяти, да? Интересно, что тогда ты мог сделать, – говорит Токо.

- Я никогда не был способен на что-то великое. Я только желал определенного конца. Если все, что эти смертные могли оставить в истории, это свое уродливое существование, то, по меньшей мере, я бы мог назвать это их ценой. Если бы я пронаблюдал, что несправедливость – это их наследие, то я бы, по крайней мере, увидел это, и этого было бы достаточно, – отвечает Арайя, не глядя на Токо. Токо делает то же самое, презрительно хмурясь в ночное небо.

- И потому ты должен был достигнуть спирали Истока. Да, теперь я понимаю. Потому что там находится запись всего, от начала до конца, и ты мог бы наблюдать ее. Ты хотел, чтобы все умерли – и ты увидел бы цену человечества со своей высокой башни.

- Оставалось лишь несколько шагов, но реальность опять взяла верх. Она оскорбляет меня, даря мне сосуд для открытия пути только чтобы разрушить все, чего я достиг. Воистину непреодолимая сила. Хотя я принял боль так, чтобы никто не узнал, чтобы никто не вызывал парадокс, который повредил бы карманному миру реальностью. Даже когда я так подготовился, меня смогли остановить. Сила, которая обеспечивает продолжение существования мира, была моим истинным врагом.

Слова Арайи выходят с дребезжанием, короткими вспышками, с запинками. Он уже начинает угасать.

Токо глубоко вздыхает.

- Реальность? Нет, Арайя. В этот раз тебя остановила не Контр-сила. Ты все сделал идеально, и Контр-сила бездействовала. Хочешь – верь, хочешь – нет, но тебя – косвенно, по крайней мере – погубил Томое Эндзе и его простая привязанность к собственной семье.

Но Арайя отказывается верить, что был побежден такой банальностью. Он, обманувший реальность и сделавший ее своим врагом, не может этого принять.

- Даже если и так, это Контр-сила усилила его, позволила ему принимать решения и направила его действия, приведшие меня к поражению. Он делал это не из любви к своей семье. Люди действуют только ради выживания, и прячут это за такими жалкими украшениями, как привязанность.

Ненависть в его голосе сильна, но Токо просто отмахивается.

Потому что она понимает, что Арайя видит себя не человеком, а носителем идеала. Человек, ведомый так сильно и так долго, что он потерял всю человечность. Токо вспоминает время, когда она была еще неофитом, когда Арайя сделал заключение, которое когда-то было простым наблюдением, но в итоге стало самым глубоким: *враг всех магов – мой враг. Мой враг – консенсус*. Хотя она знает, что бесполезно говорить ему это, она продолжает свою прощальную речь, обращенную к другу и человеку, которого она знала.

- Последнее, что я хочу сказать тебе, Арайя. Это довольно занятно. Я не знаю, знаком ли ты с ним, но известный психиатр однажды создал теорию коллективного бессознательного. Это идея большого ментального бассейна, где хранятся все архетипы коллективной истории и идей человечества. Это похоже на Буддистский концепт, который ты уже знаешь. Это не теория Гайи, но походит на консенсус коллективного человечества. Буддисты называют ее *арайя-шики*.

- Чт... Что? – спрашивает Арайя, слово выходит резко. Токо игнорирует его.

- Не находишь это странным, Арайя Сорен? Ты был рожден с именем, привязавшим тебя к твоей цели, и ты никогда не знал об этом. Как будто реальность сама опутала тебя с самого начала. Ты выковал сегодня много парадоксов, но величайшим из них был ты сам.

Слова Токо зарываются в разум Арайи, подкапываясь под его мысли, чтобы потрясти основы того, за что он стоял. Хотя он не отвечает, блеск в глазах начинает меркнуть. Но его отягощенное выражение лица все еще на месте. «До самого конца», - думает Токо.

Не принимая слова Токо, Арайя говорит:

- Это тело достигло своего конца.

- И ты снова начнешь с нуля? Уже в который раз. Ты действительно одержим.

Токо знала, что эта жизнь тоже была спиралью. Наконец, обернувшись к Арайе, она бросает сигарету на землю и тушит ее ногой, так и не вложив ее в рот. Она не ненавидела этого человека. Потому что она осознавала, что если бы совершила ошибку... или, быть может, не сделала ошибки, она стала бы такой же, как он: кем-то, кто не столько человек, сколько аватар идеи, посвятивший себя одной теории.

Арайю мучает жестокий кашель, и в который раз из его рта вылетает кровь. Задержанные весом многих лет его жизни, Глаза Шики начинают творить свое дело медленно, но верно, превращая его в серый пепел, начиная от левого плеча.

- У меня нет другого сосуда, в который я могу перенести свою душу. Но когда колесо повернется, и цикл снова выдавит меня в материальный мир, тут уже пройдут столетия.

- И в тот момент уже не будет ни магов, ни магии, ни волшебства. Консенсус выигрывает. И ты, как всегда, будешь один. Но я знаю, ты не остановишься.

- Конечно. Я не побежден.

Токо закрывает глаза, годы их разлуки и скудные часы встречи завершаются. Не поднимая век, она задает последние вопросы Арайе Сорену.

- Что ты ищешь, Арайя?

- Истинную мудрость.

Его рука превращается в ничто.

- Где ты ищешь ее, Арайя?

- Лишь в себе.

Его левая половина тела обращается в прах и танцует на ветру, черный плащ улетает. В последние мгновения Арайи, Токо открывает глаза, чтобы увидеть его конец.

- Куда ведет тебя твоя борьба, Арайя?

Но прежде чем он ответит, остаток Арайи Сорена исчезает. Токо чувствует, что знает, что бы он ответил.

За этот спиральный материальный мир парадокса.

Токо отводит глаза от пепла, летящего по ветру, вытаскивает еще одну сигарету и зажигает ее.

Дым танцует, словно невозможная, нереальная иллюзия.

Хотя я не помню, зачем и почему это делаю, я иду по городу. Погода приятная, небо ясное и голубое. Хотя нет ни облачка, чтобы прикрыть солнце, белый, словно во сне, свет согревает, но не раздражает. Но он бросает на город и главную улицу слабую дымку миража, купающего их в атмосфере дикой пустыни. Ноябрь принес облачные дни, но сегодня мне в моем темно-красном кимоно кажется, что этот день сбежал из лета.

В какой-то момент я вошла в кафе, в которое часто захожу в последнее время. Кафе Анненербе выглядит намного угрюмее, чем обычно. Проходящий сквозь окна дневной свет лишь подчеркивают затененные участки. Но это именно то, чего хотят посетители.

Я вижу свободный столик, стоящий рядом с открытым окном, омытый потоком белого света. Его поверхность чиста и проста. Сразу за ним стоит другой стол, куда не доходит свет и он окутан сухой тьмой. Контраст, создающий в воздухе атмосферу церковного торжества вокруг всего этого - то, что делает это место столь популярным в определенных кругах. Сегодня я часть этих кругов.

Лишь эти два столика сейчас свободны, и я занимаю пустой у окна. Я случайно сажусь в одно время с другим парнем, подростком, который занимает другой пустой стол. И так я жду, и ждет подросток, сидя со мной спина к спине.

Тишина кажется чудом сама по себе. Я мирно сижу, как и все вокруг меня, и моя вспыльчивость не проявляет себя, пока я жду без единой жалобы. Обдумывая причины моего редкого молчания, я нахожу удовлетворение в том, что человек, сидящий за моей спиной, ждет вместе со мной. Рядом есть родной по духу человек, и это облегчает ожидание.

Спустя долго время, идиот, которого я жду, наконец объявляется за окном машет мне рукой. Кажется, сюда он бежал, судя по сбившемуся дыханию. Интересно, все ли с ним хорошо. Все-таки он решил надеть черный костюм в такой ясный, солнечный день. Рано или поздно ему придется переодеться. Я снова смотрю и вижу кого-то еще: девушку в белом платье.

Я встаю, и в то же время встает парень позади меня.

Я чувствую облегчение, когда мне кажется, что именно девушку в белом этот парень и ждал. Со вздохом, я направляюсь к выходу. Странно, в заведении есть два выхода в противоположных концах, один на востоке и один на западе. Пока я иду к западному выходу, парень идет к восточному. Прежде, чем я выйду из кафе, я оборачиваюсь через плечо, только чтобы увидеть, что он тоже обернулся. Рыжий парень, с худым телом. Когда наши глаза встречаются, он отворачивается и поднимает руку. Я тоже, отворачиваюсь и поднимаю руку. Приветствие. И хотя я не слышу голоса, я почти уверена, что он говорит «прощай». Беззвучно, я тоже прощаюсь и выхожу из кафе.

Снаружи улица все еще залита давящей белой дымкой. Жара становится сильнее, и я чувствую, что начинаю потеть. Под ярким светом я иду к человеку, что машет мне рукой. Непонятно почему, но он выглядит обрадованным и огорченным одновременно. Хотя я пытаюсь закрыть свет рукой, он достаточно ярок, чтобы скрыть его лицо.

Я молюсь какому-нибудь Богу, чтобы рыжеволосый парень тоже пришел туда, где он может встретить кого-то, кого он ждал. Торжественный церковный воздух внутри Анненербе, должно быть, и правда влияет на меня, если я уже начинаю молиться. Обернувшись, я вижу, что кафе исчезло, на его месте теперь равнина, протягивающаяся до горизонта. Хотя почему-то я ожидала этого.

Однажды я подумала, что жить – значит, ничего не оставлять позади. Но сейчас вспоминаю, как кто-то сказал: жизнь - это когда ты пытаешься не оставлять ничего, но вместо этого оставляешь все.

Где-то раздается мелодия дверного звонка. Услышав ее, я понимаю, что это был всего лишь капризный сон. Покинув прекрасный город пустыни, я медленно просыпаюсь. Второй звонок, и я поднимаюсь. Часы у кровати говорят, что сейчас около девяти утра. Судя по тому, что я уходила на обычную ночную прогулку и заснула в пять, девять часов едва ли можно назвать идеальным временем для пробуждения.

Звонок звенит в третий раз. Естественно, что если кто-то и будет настолько настойчиво звонить, то это кто-то, кто знает, что я здесь, и этот кто-то, вероятнее всего, Микия. Мой разум еще плавает, пока я сижу на кровати, приходя в себя после странного сна. Тем больше поводов для того, чтобы проигнорировать Микию. Пусть думает, что я сплю. Я хватаю подушку, прижимаю к себе и снова ложусь. Звонки прекращаются.

- Ха. Я знала, что он сдастся, – шепчу я, натягивая одеяло и пытаюсь уснуть. Внезапно я слышу звук замка, открываемого ключом. Открываю от удивления глаза и начинаю вставать. Но он уже внутри.

- А, так ты все-таки не спала, Шики, – говорит Микия.

В одной руке он держит пластиковый пакет из магазина. Я никак не пойму, где он достал ключ от моей квартиры, и не успеваю заметить, как начинаю глядеть на него суровым взглядом.

- Не думай, что я поделюсь с тобой, – неожиданно выдает он, пряча пластиковый пакет за спину. – Мне тоже нужно позавтракать.

Проходит секунда или две, прежде чем я понимаю, о чем он, потому что думаю совсем о другом.

- Вторжение. Вот что это такое, – объявляю я. – Я? Есть этот дешевый мусор? Не смей меня.

- Слава богу, я в кои-то веки поем у тебя, и ты не будешь таскать еду из моей тарелки. Может, ты победила эту привычку.

Микия начинает доставать еду из пакета и раскладывать ее на полу. Я целую минуту смотрю на него.

Прошло две недели после наших дел в апартаментах Огава. Микия был вынужден ходить в больницу из-за травмы ног. Мои собственные раны, которые были намного серьезнее, зажили всего за неделю, доктор списал это на хорошее здоровье. Но Микия все еще навещает врачей. Он может ходить и даже бегать, но доктор говорит, что о последнем лучше забыть, пока он полностью не восстановится. Я помню, как Микия засмеялся, а потом ответил доктору, что он пытается не вспоминать об этом даже без травм.

С тех пор мы ни разу не говорили о происшедшем в той высотке. Не чувствовали нужды. Но в последние две недели, я вижу, как лицо Микии становится все серьезнее, и нужно коснуться его, чтобы он вернулся в реальность и услышал тебя. Я знаю, что в это время он вспоминает о том, что там произошло. Что касается меня, то я думаю о временном сожителе, который болтался у меня месяц и принес неожиданное изменение в мою жизнь. Оно меня раздражает.

- Ты знаешь, - неожиданно начинает Микия с сомнением. Он делит палочки, сидя спиной ко мне.

- Чего? – глухо спрашиваю я, уже чувствуя, о чем он будет говорить.

- Я слышал от Токо-сан, что их собираются сносить. Апартаменты, в смысле.

- Правда? А что насчет жильцов? И хлама? Все эти вещи... - мой голос затихает.

- Токо-сан сказала не беспокоиться об этом. Маги об этом позаботятся. Они заставили поддельных кукол исчезнуть, сообщив всем, что они «переехали». Они даже уничтожили все под зданием. Эти люди довольно могущественная компания, если могут повернуть такое.

Он сглатывает.

- Я слышал, они собираются снести его сегодня.

Так он пришел сюда, чтобы рассказать мне об этом. Я знаю, что не увижу этого, и чувствую, что также будет и с Микией. И все же он рассказал мне, потому что считал, что я должна знать.

- Слишком быстро, – бормочу я себе под нос.

- Да, – говорит Микия. И с этим утверждением я делаю вывод, что это осталось в прошлом.

- Но, по крайней мере, с тобой больше ничего не должно произойти. Я знаю, что я не касался большинства из них, но это должен быть конец.

Он делает паузу.

- Ты должна ходить в школу. Если не получишь диплома старшей школы и не выпустишься, расстроишь Акитаку.

- Что? Моя посещаемость к этой странной фигне никак не относится. Во-первых, не начали ли эти инциденты происходить после того, как я познакомилась с Токо? И, во-вторых, вынь бревно из своего глаза, прежде чем начнешь вынимать соринки у других. Как ты можешь читать мне нотации, когда сам перестал ходить в колледж?

- Ох, удар ниже пояса, - бормочет он, прежде чем улыбнуться и вздохнуть. Ха, эта фраза никогда не подводит меня.

И так мы проводим утро вместе. Хотя у нас обоих выходной, Микия решает побыть у меня в комнате, а не идти куда-нибудь, пока я валяюсь на кровати. Очень хочу спать, но бодрствую, чтобы составить ему компанию. Микия сидит на полу, его спина опирается на кровать. Месяц назад эта сцена была чуть-чуть другой.

Мой разум возвращается к человеку, сидевшему там, где сидит сейчас Микия. Его нет, и эта комната стала такой же, как была раньше. То, что ему пришлось умереть, причиняет мне острую боль сожаления, создает пустоту в душе. Хотя я говорю себе, что это всего лишь маленькая дырка, она окутывает меня беспокойным чувством вроде того, что было пять месяцев назад, когда я очнулась от комы.

И тогда непрощенная мысль приходит в голову. Если его смерть так выводит меня из равновесия, насколько мне будет хуже, если исчезнет парень, сидящий сейчас у кровати? Он часть прошлого Реги *Шики* и новых воспоминаний, начавшихся в июне, пять месяцев назад. Это время наполнено мелочами, но даже так - эти воспоминания заслуживают чего-то большего, чем просто быть выброшенными. Так что я храню их, как маленькие сокровища, в своей душе.

У меня еще есть воспоминания, которые я не могу вспомнить. Пустоты в душе, как назвала их Токо. Я помню, как она говорила мне ее лучшим, важно звучащим голосом: «Пустота должна быть чем-то наполнена». Это все также верно.

И я никак не могу понять, когда за эти пять месяцев личных эпизодов я нашла время решить, что Микия будет этим чем-то?

- Скажи, Кокуто.

Я ненавижу это имя, но все равно говорю его. Я выросла до того, что вижу себя прошлую как другого человека, и я начала ненавидеть подражание самой себе. Но имя, его звучание и тон, это мое последнее соединение с прошлым, от которого я не могу избавиться.

Микия, очевидно, не видит этого значения, поскольку он не поворачивается ко мне. В то редкое время, когда я хочу сказать что-то важное, он потерян в одном из литературных классиков. Как всегда.

Я просто говорю то, что необходимо:

- Ключ.

Это привлекает его внимание.

- Хм-м-м?

Я оборачиваюсь к нему и протягиваю руку, все еще отмеченную следами от рукояти меча, что я держала две недели назад. Я об этом только что подумала и сказала:

- У меня нет ключа к твоей комнате. Так нечестно.

Я знаю, что краснею как ребенок, когда прошу такую мелочь, но не могу пересилить себя. Списываю это на странный сон, который увидела перед пробуждением.

Так я позволяю этому обычному спиральному дню пройти как любому другому, составляя компанию человеку, который настолько безобиден, что не повредит даже безмятежность дня.

Этой зимой, впервые за четыре года, падает снег.

Как и в ночь, когда *Шики* Реги и Микия Кокуто впервые встретились, снег на земле скоро будет залит алым.

ПЕРЕВОД: CHERNOB
КОРРЕКТОР: ROSETAU

